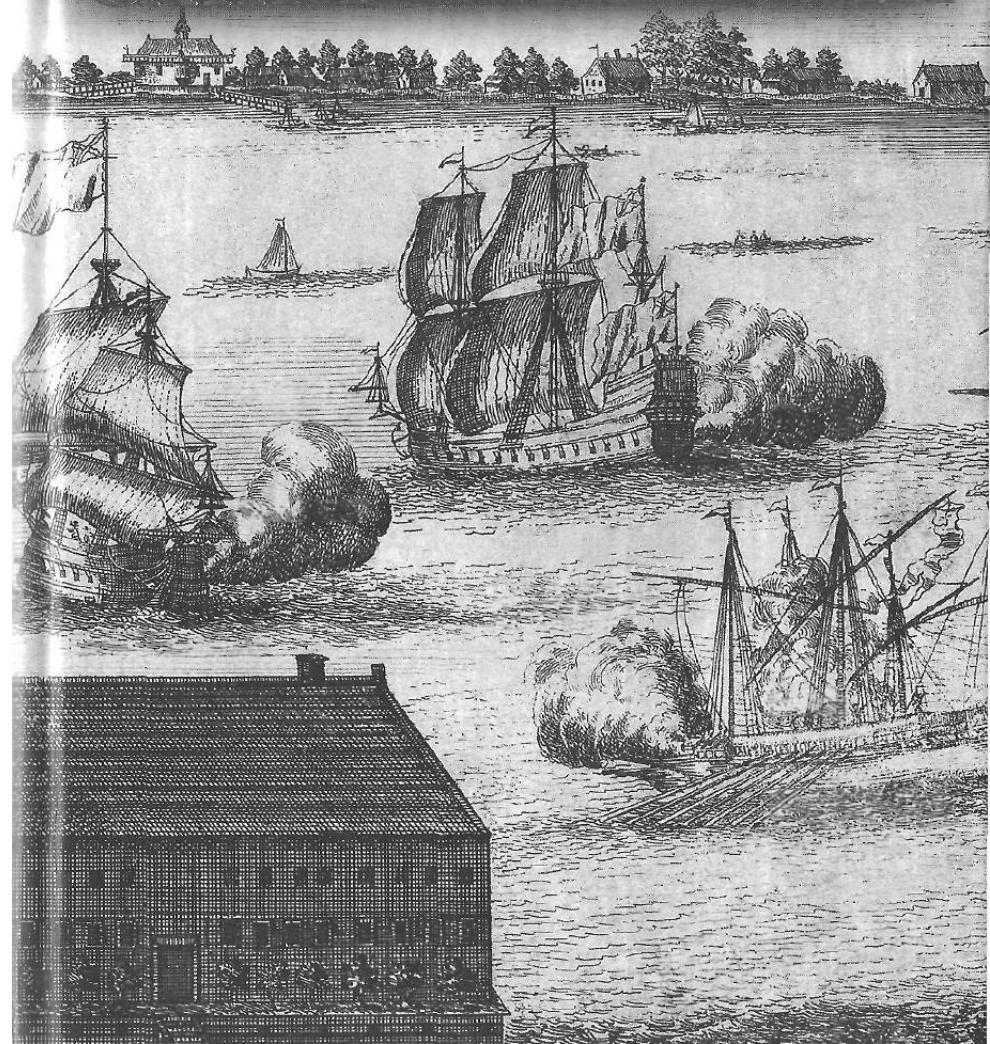

И.А. КРОТОВ

ОСНОВАНИЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

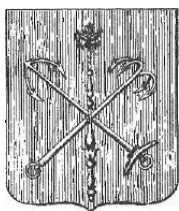

*Посвящается славному городу
Санкт - Петербургу*

P.A. KROTOV

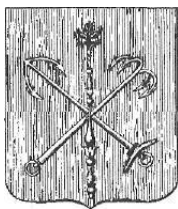
**THE FOUNDATION
OF SAINT PETERSBURG:
RIDDLES OF THE ANCIENT MANUSCRIPT**

St Petersburg
Istoricheskaja illustratziia
2006

П.А. КРОТОВ

**ОСНОВАНИЕ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА:
ЗАГАДКИ СТАРИННОЙ РУКОПИСИ**

A handwritten signature in black ink, which appears to be 'Кротов' (Krotov).

«Историческая иллюстрация»
Санкт-Петербург
2006

Кротов П.А. Основание Санкт-Петербурга: Загадки старинной рукописи / Отв. ред. канд. ист. наук Н.В. Кирющенко. — СПб.: Историческая иллюстрация, 2006. — 160 с: ил.

ISBN 5-89566-059-2

1703 год - значимая веха в истории Отечества. Состоялся прорыв русских войск к побережью Балтики. Сделаны первые шаги по строительству военно-морского флота. Наконец, заложена безымянная крепость на Заячьем острове в устье Невы - начало сооружения Санкт-Петербурга! Именно об основании Санкт-Петербурга с живыми подробностями повествует загадочный манускрипт XVIII столетия, тайны которого пытается раскрыть автор монографии. Кто автор рукописи? Когда она была написана? Насколько реальны её известия? Закладывал ли Петр I Санкт-Петербург лично? Ответу на эти вопросы и посвящено историческое исследование, которое Вы держите в руках.

Книга рассчитана на читателей, которые любят следить за интригой историко-литературных поисков, не равнодушны к истории Санкт-Петербурга и столь богатого нераскрытыми тайнами восемнадцатого века российской истории.

Ответственный редактор
Н.В. Кирющенко

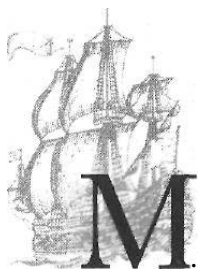
На обложке: *П. Пикарт*. Первый вид Санкт-Петербурга
Гравюра. 1704

- © П.А. Кротов: текст, подготовка рукописи приложения к публикации, 2006
- © А.В. Спиридонов: макет, оформление, 2006
- © «Историческая иллюстрация», 2006

ОСНОВАНИЕ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА:
ЗАГАДКИ СТАРИННОЙ
РУКОПИСИ

*Сей новый великолепный город...
единым на него взором открыл мне
неизмеримое никаким оком поле дел Петровых.*

Историк Иван Голиков (1788)

ЗАГАДКИ СТАРИННОЙ РУКОПИСИ

Миновала годовщина 300-летия Санкт-Петербурга, начался отсчёт четвёртого столетия его истории. Закладка города святого апостола Петра на крайнем западе российских владений, на первом же отвоёванном у шведов клочке побережья Балтийского моря, не только показала ближайшие намерения монарха-преобразователя, но и обозначила грань времён, отделившую Русь Московскую от Новой России, выраставшей в ходе обширной государственной реформы Петра Великого. Немалое число публикаций увидело свет в связи с юбилеем, но, по сути, загадка самого рождения города, который вскоре стал новой столицей России, и поныне остается нераскрытой.

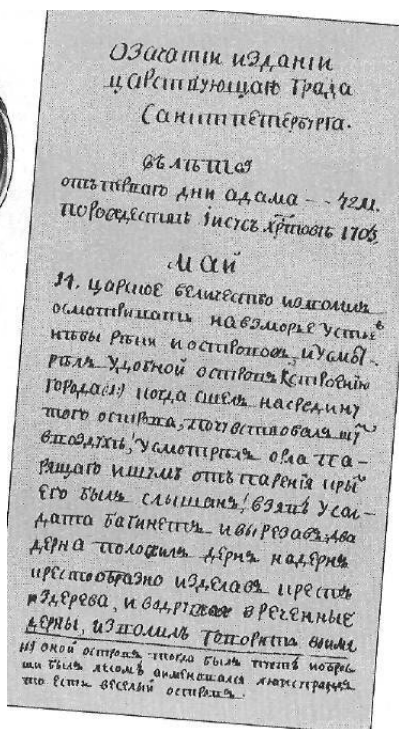
Ситуация, в самом деле, весьма парадоксальная. Далеко не у каждого города с точностью до дня известна дата основания, но что касается Санкт-Петербурга, то она надёжно засвидетельствована - это 16 (27) мая 1703 г. Тем не менее подробное описание собственно самого торжества начала строительства Санкт-Петербурга, действий Петра I и его ближайшего окружения 16 мая и в последующие дни и месяцы 1703 г. на островах устья Невы хранят ныне только потемневшие от времени листы единственного манускрипта с несколько тяжеловесным и претенциозным заглавием: «О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга». Самым деталь-

ным образом изложены в манускрипте поступки и даже слова самого Петра I. Показано, как происходил выбор места для нового города - мечты самодержца. Торжество основания Санкт-Петербургской крепости 16 мая 1703 г. представлено в рукописи со столь яркими подробностями, что интерес учёных к таинственному манускрипту не угасает на протяжении уже почти полутора столетий. Действительно, ведь ни шествие Невою на судах «с ликом святительским¹, и генералитетом, и статскими чины», ни действия царя, который первым, «взяв заступ... начал копать ров», потом стал производить разметку мест для предстоявшего строительства, нигде более не описаны. Манускрипт хранится в Эрмитажном собрании Отдела рукописей Российской Национальной библиотеки в Санкт-Петербурге².

Портрет Петра I
Живописец Т.С. Мусиковский
1723. ГЭ

Титульный лист рукописи
«О зачатии и здании
царствующего града
Санкт-Петербурга» (Л. 3)
ОРРНБ

«Первый вид Санкт-Петербурга»
 Гравюра П. Пикарта
 1704. ОЭРНБ

«Основание Санкт-Петербурга»
 Копир-медальон А.К. Нартова (?)
 1720-е. ГЭ

На первом же листе рукописи есть интригующая запись почерком конца XVIII столетия, подчеркивающая значение рукописного сборника: «Сия книга из Кабинета Его Императорского Величества. Черныя бумаги относятся до основания Санкт-Петербурга, и есть черныя бумаги, которые попровляемы были самим государем императором Петром Великим»³.

Уникальный характер старинной рукописи не мог не привлекать к ней устойчивого интереса учёных. Впервые она была издана Г.В. Есиповым (1863). Историк не провёл какой-либо исследовательской работы. Не было дано археографической характеристики манускрипта, не сделано ни предположений о его авторе и времени написания, ни примечаний к тексту. Однако рукопись стала известна, и публикатор указал, что она хранится в Эрмитажном собрании Императорской Публичной библиотеки¹. После этого сведения загадочного манускрипта стали использоваться в научной литературе. Историк и археограф академик А.Ф. Бычков посчитал необходимым отметить, что изданная Г.В. Есиповым рукопись «чрезвычайно любопытная но многим подробностям», но высказал нарекания относительно допущенных при подготовке её к изданию первым публикатором ошибок⁵.

Деятельный участник дискуссии, прошедшей в первой половине 1903 г., накануне празднования 200-летней годовщины основания Санкт-Петербурга, на страницах одной из самых читаемых в тогдашней России газеты «Новое время», относительно дня закладки города на Неве и возможности присутствия на ней царя Петра I Н.А. Энгельгардт дал пространную характеристику этому сочинению. К самому манускрипту он не обращался и изучал загадочное сочинение по публикации Г.В. Есипова. Его выводы таковы: «Судя по слогу, рукопись эта относится к концу XVIII столетия, а может быть, и ко времени второго⁶ юбилея нашей столицы (1803 г.), так как видим в ней характерные фразы в стиле жеманной

карамзинской эпохи («усмотрел орла парящего», «на судах изволил шествовать» - словно стихи из «Ильи» Карамзина знаменитым тогда «русским слогом»). Никакого научного значения этот апокрифический рассказ иметь не может. В нём только передаётся известная легенда о закладке крепости с приправою разных несообразностей о дворце и генерал-губернаторе с.-петербургском, которых, конечно, 27-го и 28-го мая быть не могло. (лова царя явно сочинённые и отдают то дьячком, то 11 ридворным, ничего петровского в них нет. Несообразно и покрывание дёрном зарытого во рву золотого ковчега и каменном ящике»⁷.

Любопытно, что Н.А. Энгельгардт посчитал необходимым поставить вопрос: «...не сохранилось ли в этом апокрифе и зерно исторической истины?». Он, похоже, по в шутку, заключил свою статью таким пассажем насчёт положенного в основание крепости, согласно манускрипту, каменного ящика, возможно, «с надписями и монетами» в ковчеге из золота: «Если бы удалось определить место нахождения этого «золотого ковчега», то, быть может, он мог бы быть вынут. А тогда из надписей мы, конечно, узнали бы точное решение волнующего нас теперь вопроса?»⁸.

По публикации Г.В. Есипова изучал сочинение «О зчати и здании царствующего града Санкт-Петербурга» и Г.А. Немиров. Он предположил, что сам манускрипт принадлежит второй половине XVIII в. Историк тем не менее считал, что в его основе «лежит более старое повествование, в котором новый составитель, желая разукрасить рассказ, сделал разные вставки по своему вкусу»⁹. Г.А. Немиров полагал, что «первоначальный рассказ, вероятно, тоже изложенный письменно», завершался описанием освящения крепости 1 октября 1703 г. Дальнейший текст, как он считал, принадлежал «позднейшему составителю»¹⁰. По мнению Г.А. Немирова, «даже и в своём, несомненно, испорченном виде» первооснова

рукописи имеет большое значение для истории Петербурга, потому что является «единственным известным поныне связным изложением истории основания» города¹¹. Появление на свет изначальной основы рукописи историк считал вероятным около 1721 г.¹² Он писал: «Подробности о том, что орёл был снят с ворсхнефрейтором Одинцовым... свидетельствуют, что в основе рукописи лежит повествование очевидца»¹³.

Вторично манускрипт был напечатан в целостном виде по рукописи в 1991 г. в приложении к книге известного петербургского историка Ю.Н. Беспятых¹⁴. Монография посвящена анализу иностранных описаний петровского Петербурга. В силу сказанного автор не поставил перед собой задачи исследовать этот отечественный историко-литературный памятник: показать черновой характер рукописи, отметить имеющуюся в ней правку, выявить автора манускрипта и т. д., поэтому в книге нет ни какой-либо общей характеристики рукописи, ни примечаний к тексту от лица публикатора.

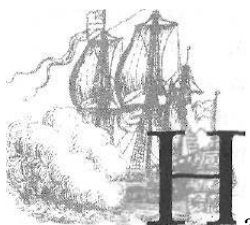
Непосредственно по рукописи изучал сочинение об основании столицы Российской империи писатель и историк А.М. Шарымов¹⁵. Ему удалось показать его сложный, многослойный характер. Историк анализировал имеющуюся в рукописи обильную правку, разного рода приписки, вычеркивания, сличал почерки лиц, работавших с манускриптом, цвета чернил и т. д. Он начал поиск источников, которые были использованы при написании этого произведения. Развивая предложенную Г.А. Немировым схему создания этого сочинения, А.М. Шарымов предположил, что его первооснова - это «рассказ» ефрейтора Одинцова. Процесс изучения рукописи «О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга» существенно продвинулся вперёд, но ни автора, ни убедительно обоснованного времени её создания, ни происхождения основной части имеющихся в ней известий исследователю определить не удалось.

Вообще многочисленные загадки манускрипта, сложность его изучения способны привести в отчаяние нетерпеливых либо не подготовленных к исследовательской работе авторов. Показателен выплеск накопившихся эмоций у И. Агранцева, попытавшегося использовать в своей книге содержащиеся в рукописи сведения о рождении Санкт-Петербурга: «Нет, что-то во всей этой истории и во всей этой рукописи содержится такое, что возникает произвольное желание её просто уничтожить! Лучше бы её не было! Тогда бы в исторической науке утвердилось не лучшее, но хотя бы приемлемое объяснение всех этих несуразностей»¹⁶. И. Агранцев присваивает этому изучавшемуся им историко-литературному памятнику XVIII столетия следующие неслестные эпитеты: «эта маргинальная рукопись»¹⁷, «вот это то маргинальное сочинение»¹⁸. Общий вывод автора книги относительно значения этой крайне интересной и уникальной рукописи о начале «царствующего града Санкт-Петербурга» порождён неудачей его попыток разгадать хоть малую толику её тайн: «Единственный выход - как можно реже к ней обращаться и как можно чаще её критиковать, ибо создана она прямо-таки из одних недостатков»¹⁹.

Итак, к началу XXI века загадочная рукопись «О начале и здании царствующего града Санкт-Петербурга» по-прежнему строго хранит свои тайны. Убедительно не обоснованы высказанные в исторических трудах предположения относительно времени её создания. Нет ответа на едва ли не главный вопрос: кто её автор? Не имеется никаких сведений о том, кто правил и дополнял это сочинение. Ключевой вопрос, каковы были источники сведений автора манускрипта о начале Санкт-Петербурга, не прояснён донныне в сколько-нибудь значительной степени, высказаны лишь определённые догадки и осторожные предположения. Не изучено возможное предположение: может ли скрытое фактически таким же покровом тайны,

как и в год своей первой публикации (1863), сочинение является плодом литературно-художественного вымысла и отчасти переработкой преданий о «зачатии» и первых годах строительства невоской столицы России?

Осветив в общих чертах итоги научных трудов по изучению сочинения «О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга», следует перейти к самостоятельному исследованию, попытаться распутать клубок загадок, связанных с манускриптом из Эрмитажного собрания.

КОГДА СОЗДАН МАНУСКРИПТ?

Начнем с немаловажного вопроса о том, когда могла появиться на свет Эрмитажная рукопись. К настоящему времени высказанное Г.А. Немировым мнение, что манускрипт относится ко второй половине XVIII в., оказалось забытым (или не востребованным), и в исторической науке сложился, по сути дела, некий общий взгляд на вопрос датировки рукописи. Профессор А.В. Предтеченский (1948) считал её «написанной, видимо, вскоре после смерти Петра»²⁰. Московская исследовательница истории Петербурга О.Г. Агеева (1999) рассматривает сочинение «О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга» как «произведение неизвестного автора середины 1720-х годов»²¹. А.М. Шарымов пришёл к заключению, что рукопись была написана в период до падения с вершин власти А.Д. Меншикова 8 сентября 1727 г., поскольку манускрипт «пестрит похвальными словами» в его адрес. При этом А.М. Шарымов уточнял, что рукопись основана на тексте, написанном во временной промежутке «не ранее января

Герб светлейшего Российского и Римского князя А.Д. Меншикова
Фрагмент гравюры А.Ф. Зубова из книги «Ляврея, или венец
безсмертныя славы...». 1714

1720 г.», но, «может быть, даже после марта 1725 г.», и дополнена «не позднее сентября 1727 г.»²². И. Агранцев вывел как бы «среднее арифметическое» из имеющихся мнений историков: исходя из того, что сочинение «пестрило славословиями в адрес «полудержавного властелина» Александра Даниловича Меншикова» и его «автору было известно о смерти Петра, историки сделали вывод, что данное сочинение создавалось в промежутке между 1725 и 1727 гг., то есть после смерти Петра и в годы наивысшего могущества Меншикова»²³.

Таким образом, до настоящего времени все исследователи шли лишь по одному из возможных путей изучения

старинной рукописи-загадки: они анализировали только её содержание. Итог проведённой ими работы в главном следующий: выделены наиболее бросающиеся в глаза временные привязки, а именно: автору манускрипта были известны даты смерти Петра Великого (28 января 1725 г.), его торжественного погребения (10 марта 1725 г.) и упорное подчёркивание творцом сочинения роли А.Д. Меншикова (последнее - это только-косвенное соображение).

Важнейшей предпосылкой для прорыва к новым выводам, своеобразным ключом к успеху может стать применение к предмету изучения не использовавшихся раньше новых исследовательских методов, своего рода попытка пройти той возможной тропой научного поиска, по которой ещё не шли другие исследователи.

Как ни странно на первый взгляд, но поныне ни один из исследователей не попытался выяснить, когда же была изготовлена бумага хранящего столь большое число загадок манускрипта. Отмеченный выше факт действительно удивителен, поскольку слишком хорошо известно, что именно изучение водяных знаков, видимых на просвет на бумаге, может стать одним из главных датированных признаков старинной рукописи. Не приходится говорить, что датой выпуска бумаги жёстко определяется только нижняя временная грань, ранее которой рукопись просто не могла появиться на свет; использовать же бумагу могли и спустя несколько лет после её изготовления.

Проведённое автором книги исследование показало, что все десять листов манускрипта «О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга» представляют собой бумагу одного сорта, довольно толстую, грубую, потемневшую от времени - иными словами, это бумага низкого качества, в большей степени подходящая для черновиков, предварительной литературной работы. Водяные знаки на бумаге весьма нечёткие, не на всех ли-

стах хорошо проступающие, но при скрупулёзном изучении, сравнении листов друг с другом их начертание удаётся выяснить вполне. На листах рукописи «О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга» проступают барочные начертания трёх букв - «БКС». Бумага этой разновидности, согласно исследованию С.А. Клепикова, производилась на Красносельской бумагоделательной мельнице вблизи Петербурга после того, как она перешла в 1753 г. во владение барона К.Е. Сиверса. Монограмма «БКС» как раз и является символическим обозначением имени владельца предприятия: барон Карл Сивере. Водяные знаки с такой монограммой и с таким начертанием букв имеются на бумаге, изготавливавшейся на названной мельнице начиная с 1754 по 1760 г.²⁴

Есть ещё исследовательская возможность подтвердить названные временные пределы появления на свет данной рукописи из Эрмитажного собрания. Возможный способ для этого - изучить состав переплетённых в один сборник рукописей. Дело в том, что переплёт из сильно потёртой темно-коричневой кожи с картонной основой, безусловно, принадлежит XVIII столетию, а вторая и третья по последовательности подшивки рукописи тематически связаны с первой - сочинением «О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга». Второе произведение в сборнике - это список хорошо известной специалистам проповеди обер-иеромонаха флота Г.Ф. Бужинского «Слово в похвалу Санкт-Петербурга и его основателя государя императора Петра Великого...», произнесённой им в присутствии самого монарха в 1717 г. (л. 15-23 об.)²⁵. Третье сочинение, следуя от начала сборника, - это историко-литературный труд русского историка XVIII столетия Петра Никифоровича Крёкшина «О зачатии и рождении великого государя императора Петра Первого, самодержца всероссийского...» (л. 26-67). Если эти три первые рукописи сборника

связаны общей темой деяний Петра Великого, то последующие, напротив, весьма разноплановы: о покупке товаров в казну, о монетной чеканке с 1702 г., о «рублёвой монете» и т. д.²⁶

Три первые вышеназванные произведения сборника из Эрмитажного собрания написаны на бумаге одного и того же производителя, имеющей близкие по времени даты изготовления. Напротив, бумага последующих подшитых в сборник рукописей от других производителей: филигранные «якорь», «медведь с секирой под короной», барочные монограммы «ЛК», «ЕАМР» (бумажная мельница М.А. Раушерт) и др. Начертания водяных знаков, которые видны на просвет на листах второй и третьей рукописей, относятся к 1761-1762 г. Это монограмма «ГКС» (то есть граф Карл Сивере) и герб графа (ранее барона) К.Е. Сиверса по середине листа, обозначение годов в нижних частях листов («1761» и «1762») и инициалов мастеров-бумагоделателей («ДЗ», «ЛИ», «МЛ», «СХ»). Сопоставление этих филигранных с приведёнными в книге С.А. Клепикова подобными водяными знаками на бумаге, изготовленной на бумажной мельнице графа К.Е. Сиверса²⁷, как следует из изложенного, даёт надёжное основание для отнесения бумаги второй и третьей рукописей сборника к временному промежутку 1761-1762 г.

Палеографические особенности почерков, которые есть в рукописи «О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга», не противоречат полученной на основании изучения водяных знаков её временной привязке. Основной почерк манускрипта, которым написан от начала до конца текст (не считая последующих дополнений в него и правки), обезличенно писарский, выносных надстрочных букв и сокращённых слов под титлом относительно немного, употребляются арабские цифры. Он может быть отнесён к середине XVIII века. Почерки, которыми дополнялась и правилась рукопись,

как представляется, принадлежат людям более старших возрастов, родившихся ещё в конце XVII или начале XVIII в.

Итак, совокупность наблюдений (водяные знаки бумаги, на которой написан манускрипт, палеографические особенности имеющихся в нём почерков и переплёт сборника) позволяет отнести создание рукописи, учитывая возможную отсрочку в использовании бумаги, к периоду с 1754 г. до начала 1760-х гг. включительно.

Имеющиеся в сочинении «О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга» хронологические привязки не дают оснований для более точного определения времени появления манускрипта на свет, но и не противоречат вышеназванной датировке.

Следует подчеркнуть, что хранящийся ныне в Эрмитажном собрании манускрипт - это черновая подлинная рукопись, написанная отработанным писарским почерком, на которой имеется большая правка, как надо полагать, самого автора и редакторов. Отмеченный выше характер манускрипта заставляет предполагать, что был некогда и черновой подлинник авторской руки, который был отдан переписчику. Он не сохранился или поныне не обнаружен. Очевидно, позднее переписанный набело копиистом-профессионалом текст авторского оригинала снова стал предметом для вычитки, доработки, авторской и редакторской правки. Именно такого рода рукопись, переписанная с чернового авторского подлинника писарем-профессионалом, надо полагать, и является на протяжении уже около полутора столетий объектом пристального внимания исследователей.

Как сказано выше, первоначальный черновой подлинник авторской руки не сохранился или же доныне не найден исследователями. Однако, может быть, именно с него, а не с Эрмитажной рукописи был сделан единственный выявленный к настоящему времени список? Любопытство к вышеупомянутому списку подогревается тем

обстоятельством, что никто из прежде изучавших рукопись сочинения «О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга» ещё не использовал его. Он хранится также в Отделе рукописей Российской Национальной библиотеки, но в другом собрании - М.И. и А.И. Семевских²⁸.

Если обнаруженный список сделан с протографа, это может дать реальные возможности для того, чтобы приблизиться к раскрытию хотя бы части из многочисленных загадок старинной рукописи из Эрмитажного собрания, обозначенных учёными, но так и не раскрытых в более или менее удовлетворительной степени, - тайн рождения новой столицы России.

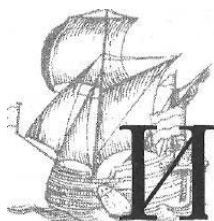
Изучение водяных знаков бумаги названного списка показало, что его следует отнести к концу XVIII столетия (1794 и последующие годы). Листы этой рукописи имеют филигрань с обозначением года выпуска бумаги («1794»), фамилии владельца бумагоделательной мельницы, переданной латинскими буквами («CHLEBNIKOW»), из которых буквы «L» и «W» перевёрнуты сверху вниз на 180°, и инициалов имени мастера («I L»), причём буква «L» передана как некая тайнопись - развёрнута в строке справа налево. Подобные водяные знаки принадлежат бумажной мануфактуре П.К. Хлебникова и его сына Н.П. Хлебникова. Первый из них приобрёл бумажную мельницу у вдовы К.Е. Сиверса между 1775 и 1777 гг.²⁹ Сборник рукописей, содержащий список сочинения «О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга», имеет синий кожаный переплёт с тиснением золотом на корешке.

Проведённое сличение списка сочинения «О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга» с рукописью из Эрмитажного собрания, можно сказать, не оправдало лелеянных надежд: оно однозначно показало, что список сделан именно с известной рукописи, впервые опубликованной в 1863 г., а не с какого-либо

другого манускрипта или её протографа. Первоначально переписчик даже пытался подражать размещению текста на пространстве листов. Например, первый лист списка по расположению слов подобен изучаемому черновому оригиналу, впрочем, в подлиннике произведения на первом листе разместилось на три строки больше. Копиист и далее следовал за сборником из Эрмитажного собрания. С середины 13-го листа, как и в оригинале, скопирован текст произнесённой в 1717 г. проповеди Г.Ф. Бужинского «Слово в похвалу Санкт-Петербурга и его основателя государя императора Петра Великого...» (до л. 32 об.). Далее, как и в черновом оригинале, повторяется текст сочинения П.Н. Крёкшина «О зачатии и рождении великого государя императора Петра Первого, самодержца всероссийского...» (л. 33-76). Вслед за подлинником - Эрмитажной рукописью - в сборнике из собрания М.И. и А.И. Семевских воспроизведено полистное оглавление (л. 77-79 об.; л. 65-67 об. в оригинале). На этом сборник заканчивается (всего 79 листов), то есть остальные тексты из Эрмитажной рукописи переписчиком не воспроизведены. Очевидно, заказчику нужны были только тексты, связанные с именем Петра Великого. Для настоящего исследования особенно важно отметить, что переписчик пользовался рукописным сборником из Эрмитажного собрания уже после того, как он был переплетён и края его листов подрезаны. Об этом говорит, к примеру, то обстоятельство, что оказавшаяся отрезанной концовка примечания на седьмом листе оригинала рукописи оборвана на том же самом месте и в списке (л. 6 об.). Более того, список не вполне точен: переписчик допустил немалое число погрешностей, не только вставляя, пропуская или меняя отдельные буквы, но и неверно прочитывая некоторые слова. Он также не учитывал имеющуюся в Эрмитажной рукописи правку - следы её доработки и редактирования.

Как ни жаль, изучение этого единственного выявленного к настоящему времени списка рукописи о рождении Санкт-Петербурга не может дать в руки исследователей «свечу», с помощью которой можно было бы пролить новый свет на хотя бы некоторые из её столь многочисленных тайн.

Ещё более уточнить датировку черновой рукописи из Эрмитажного собрания может помочь установление её авторской принадлежности. Кроме того, выяснение имени создателя манускрипта откроет реальные возможности для начала поиска ответа на вопрос: лежал ли в основе сочинения некий рассказ (или дневник) участника закладки Санкт-Петербурга? Иными словами, определение автора рукописи - не менее важный вопрос для исследователя, и к нему и переходит автор настоящей книги.

КТО ЖЕ АВТОР СОЧИНЕНИЯ?

Итак, перу какого автора принадлежит старинная рукопись о рождении Санкт-Петербурга и превращении его в годы правления Петра Великого в «царствующий град»?

А.М. Шарымов, как было отмечено, развивая наблюдения Г.А. Немирова, предложил сложную схему появления этого историко-литературного памятника. Историк, по собственному признанию, долго размышлял над загадкой присутствия в произведении «О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга» единственного упомянутого в манускрипте с указанием фамилии рядового участника закладки крепости на Заячьем острове 16 мая 1703 г. - некоего ефрейтора Одинцова. Как итог размышлений родилось следующее объяснение

тайны авторства манускрипта. По ощущению историка, «в повествовании ясно различимы как бы два голоса, два несхожих друг с другом стиля изложения». Первый, по мысли историка, принадлежит «начальному рассказчику», второй - «последующему обработчику начального рассказа, то есть автору рукописи»³⁰. А.М. Шарымов попытался обосновать своё предположение, что автором первоначальной основы произведения являлся именно Преображенского полка гвардии ефрейтор Одинцов. Историк счёл возможным, что, когда в 1720-х годах во всех полках полевой армии стал проводиться сбор так называемых «сказок» - кратких рассказов о службе, было записано и повествование участника закладки Санкт-Петербурга преображенца Одинцова. Именно в эти годы по указанию Петра I, считал исследователь, приступили к написанию истории создания новой столицы России и сохранивший подробности рассказ очевидца оказался кстати, был записан и положен в основу соответствующего замыслу императора сочинения «О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга»³¹. Изучая текст этого сочинения, он предположительно выделил эту его «первооснову» и даже поместил её в качестве приложения к своей книге под заголовком «Рассказ ефрейтора Преображенского полка Одинцова о заложении Санкт-Петербургской крепости»³². А.М. Шарымов полагал вероятным датировку этого «рассказа» временем с конца марта 1725 г., после погребения Петра Великого, до сентября 1727 г., когда произошла опала светлейшего князя А.Д. Меншикова³³.

Подобное источниковедческое построение А.М. Шарымова представляется весьма шатким и уязвимым для критики. Вынесенный в приложение опубликованной им книги «Рассказ ефрейтора Преображенского полка Одинцова» по характеру текста явно не может быть отнесён к жанру записи устного рассказа о событиях, произошедших приблизительно за два десятилетия до этого.

Даже на первый беглый взгляд это могло бы быть либо некое воспроизведение современных описываемым событиям дневниковых записей, либо же созданных на их основе записок, но не устный рассказ спустя долгие годы. В самом деле, в тексте даны многочисленные точные привязки происходивших событий (14, 15, 16, 24, 25, 26 и 28 мая и 1 октября 1703 г.), приведены слова, якобы говорившиеся в исторические для страны майские дни 1703 г. Петром I и А.Д. Меншиковым.

Сохранившиеся поныне «сказки» участников Великой Северной войны 1700-1721 гг. - массовый исторический источник совсем иного рода. В них другой стиль изложения: краткие упоминания, едва ли не простой перечень событий, участниками которых были опрашиваемые. Этот род источников крайне редко содержит упоминания чисел, когда происходили события. Исключения же составляют такие общеизвестные, как 27 июня 1709 г. - дата Полтавской битвы, и т. п. Приведу ниже для образца, отрывок «сказки» фискала Архангелогородского пехотного полка Я.Ф. Чапурова, служившего в год основания Санкт-Петербурга сержантом того же полка. Спустя годы, 26 марта 1720 г., он сказал о своём участии в событиях 1703 г. лишь следующие скупые слова: «В 703-м году был под Канцами (Канцы - русское наименование города Нюенсканса. - П.К.), и по взятии оных послан с полком для строения Санкт-Питербурха, крепости, и при оном оставлен в гварнизоне...»³⁴ Или же соответствующий фрагмент «сказки», записанной 22 декабря 1720 г. от капитана Ренцелева пехотного полка И.М. Красногородцева, также сержанта в 1703 г.: «...в 703-м году был при осаде и взятые Канец, а как достали Канцы, строили царствующий град Санкт-Питербурх...»³⁵

Следует добавить, что начавшаяся в масштабе всей армии с 1720 г. практика сбора «сказок» не затрагивала младших командиров, к числу которых принадлежали ефрейторы; «сказки» требовались только от офицеров³⁶.

Сам воинский чин ефрейтора, который якобы имел Одинцов, ещё отсутствовал в российской армии в 1703 г.; он появится только в 1716 г.

Самое же главное, воссозданный А.М. Шарымовым «Рассказ ефрейтора Преображенского полка Одинцова о заложении Санкт-Петербургской крепости» слишком нарочито превосходит возможную степень осведомлённости нижнего чина Преображенского полка, никаким образом особо не приближенного к персоне монарха. Единожды упомянутый в рукописи Одинцов, если принять предположение А.М. Шарымова о его рассказе как первооснове манускрипта, должен бы был неотступно сопровождать государя, слышать сказанное им, быть осведомлённым о намерениях самодержца; наконец, возможно, вести дневник. Приближённые царя тех лет из нижних чинов Преображенского полка вполне известны по сохранившимся подлинным документам того времени, и Одинцова среди них не было. /

По мнению автора настоящей книги, «ефрейтор Одинцов» - личность вымышленная, нужная анонимному сочинителю произведения «О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга» для придания ещё большей видимости достоверности описанным им событиям. Введение в текст повествования этой мифической фигуры - литературно-художественный приём, как видно, вполне искусно играющий предназначенную ему роль.

Нет, очевидно, путь к определению авторства безымянного манускрипта должен быть другой. Иное направление для поиска, в сущности, обозначил также А.М. Шарымов, столь обстоятельно изучавший на протяжении многих лет эту рукопись.

Историк сделал тонкое наблюдение. Оказывается, в самом конце текста манускрипта «О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга» сделана ссылка на довольно известное сочинение историка и писателя

XVIII столетия П.Н. Крёкшина³⁷ «О зачатии и рождении великого государя императора Петра Первого, самодержца всероссийского», помещённое в этой же Эрмитажной рукописи (третьим по порядку)³⁸. Сноска эта витиевата. Она звучит следующим образом: «И протчие многие о сем свидетельства, но не наношу многим изъяснением труда читателям, а явлено в книге о рождении сего великаго императора» (Приложение. Л. 13).

Отождествивший с вышеназванным трудом П.Н. Крёкшина приведённую ссылку А.М. Шарымов никак не развил далее свою мысль, не сопоставил сделанное наблюдение с биографическими данными этого историка XVIII столетия. На взгляд автора, исследовательский поиск в этом направлении способен уточнить и дату появления на свет сочинения о рождении Санкт-Петербурга, и привести к выяснению имени его автора.

В самом деле, насколько можно судить, произведение «О зачатии и рождении великого государя императора Петра Первого, самодержца всероссийского», на которое сделана в рукописи ссылка, довольно позднее по времени появления (о чём будет сказано ниже), а это с неизбежностью рушит высказывавшиеся в литературе мнения относительно датировки изучаемой рукописи 1720-ми гг. Начнём последовательно применять различные методы исторического исследования, чтобы ответить на поставленные вопросы.

Решающие доводы в пользу принадлежности труда «О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга» перу того или иного автора может дать почерковедческий анализ имеющихся в рукописи приписок, правки, помет. Не менее важно и текстологическое исследование: установление содержательных связей различных сочинений, стилистического сходства, устойчивого употребления отдельных редких слов, позволяющих утверждать, что это личностная особенность человека, и т. п.

Это вполне очевидная, но и сверхсложная исследовательская задача. Скрупулёзно исследовавший манускрипт А.М. Шарымов так отозвался об этом направлении научных поисков: «Чтобы установить возможного автора и редактора рукописи путём сопоставления стиля занимавшихся тогда сочинительством людей, потребовалась бы большая дополнительная - текстологическая и почерковедческая - работа»³⁹. Историк вынужден был отказаться от попыток установить имя автора манускрипта⁴⁰.

Тем не менее А.М. Шарымов провёл большую работу по классификации почерков, имеющих на страницах Эрмитажной рукописи. В значительной мере с его наблюдениями следует согласиться. Основная часть - это обезличенный почерк профессионального переписчика, использовавшего густые чёрного цвета чернила. Второй почерк, по классификации А.М. Шарымова, - «угловатая и трудно читаемая скоропись редактора, также выполненная чёрными чернилами»⁴¹. Тут к рассуждениям многоуважаемого исследователя следует сделать немаловажное добавление: это почерк П.Н. Крёкшина!

Почерк П.Н. Крёкшина ярко личностный. При первом беглом взгляде, если не всматриваться, не сопоставлять начертания отдельных букв, он похож на почерк его венценосного кумира - Петра Великого. Понятно в связи с этим обстоятельством, как появилась во второй половине XVIII в. запись на первом листе изучаемого сборника рукописей об имеющихся в нём черновых бумагах, правленных «самим государем императором Петром Великим». На самом деле в сборнике нет ни одной пометы руки Петра Великого, да и быть не могло: бумага всех его рукописей относится ко второй половине XVIII века. В настоящей книге в качестве иллюстраций помещены образцы почерка П.Н. Крёкшина, в том числе и его приписки, правка на полях рукописи «О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга».

Вновь изъездъ Тавакъ кою
 Мою иже въ Англическомъ
 Делоу бывающа

Подобавось Моему на къ Халомия.
 Къ Моему Кочуи съезъ землямъ сохманъ
 Въ събраннымъ общинамъ ама иднака
 Помору Тедъ какъ дею дядьвозиць
 Мъициць сїи проиць сохманъ наръ
 разманъ ама дядьсеи мръиць мѣсь
 Мъиць вѣсь мръиць мръиць мръиць
 дядьсеи мръиць мръиць мръиць
 дядьсеи мръиць мръиць мръиць
 Мъиць мръиць мръиць мръиць
 мръиць мръиць мръиць мръиць
 мръиць мръиць мръиць мръиць
 мръиць мръиць мръиць мръиць
 мръиць мръиць мръиць мръиць
 мръиць мръиць мръиць мръиць

Донесение П. Н. Крѣшкина
 в Канцелярию гаванного
 и канального строения 1720 г.
 РГАВМФ

Знаю чю по моему сїи мѣи Тавакъ
 Кочуи мръиць мръиць мръиць
 мръиць мръиць мръиць мръиць
 мръиць мръиць мръиць мръиць
 мръиць мръиць мръиць мръиць
 мръиць мръиць мръиць мръиць
 мръиць мръиць мръиць мръиць
 мръиць мръиць мръиць мръиць
 мръиць мръиць мръиць мръиць
 мръиць мръиць мръиць мръиць

Собственноручная подпись Петра I для гравюры в честь заключения в 1721 г. Ништадтского мирного договора 1721. РГАДА

Зеланая Санктпетербургская крепость
 М а и
 Работною конгана коней дровяная
 Церковь во имя верховныхъ апос-
 толовъ Петра и Павла построена
 на постоишна попорая трю кон-
 ганей каменной представлешии
 церкви теренейна и поставлена
 три садицихъ свободахъ иныи
 церковь во имя святого атлама
 шва. (1) ^{и вое} ~~и вое~~ ^{и вое} ~~и вое~~
 Обоимъ же царствующимъ грады
 Санктпетербургу предъ возше-
 щимъ, повождеишии господнемъ
 нанетса, апостолю христову
 сянпый андрей терпожаный
 напустыи шестиихъ горахъ гды
 нантъ грады шестъ вадрузимъ сян-
 пий престъ и терпожанымъ
 озданей града шеста полатосе
 пий апостришествои великий
 славенъ ^и отъ великого ма-
 венна сянпый апостолю сиб-
 дия въ странт Санктпетербур-
 гской ошоло 60. верстемъ благо слови
 оное шестю вадрузимъ земля стои
 (1) ^и ныишъ шой новъ градъ великий.

Лист из рукописи «О зачатии и здании царствующего града
 Санкт-Петербурга» с припиской П. Н. Крёкишина:
 «Первая Сан-Петербургская крепость была земная» (Л. 9)
 ОРНБ

Более или менее значимых приписок чёрными чернилами руки П.Н. Крёкшина в изучаемом манускрипте немного. Это вставка в текст: «Первая Сан-Петербургская крепость была земленая» (Приложение. Л. 9), не прочитанное и опущенное предыдущими публикаторами рукописи слово «путешественной», приписанное на полях после слов «жезл свой» (Приложение. Л. 9 об.); две приписки-вставки в текст на полях: «(1) Под Север никаких государств и народов, кроме державы Российский, не обретается» (л. 11 об.); «[(1). Папа Селивест[r] папство[вал] с 314. Умер в [33]6-м. Царь Констен[ти]н с 306 по [33]7 год» (Приложение. Л. 12 об.). По существу, эти и ряд других небольших приписок и исправлений руки П.Н. Крёкшина можно считать незначительными дополнениями к написанному им раньше и потом переписанному копиистом основному тексту сочинения. Часть правки П.Н. Крёкшина выполнена в рукописи простым карандашом. Историк в 1743 г. признавался, что сам правит свои труды и в одном из своих произведений «многое сократил и предполагал еще сократить и зачеркнуть»⁴².

Третий почерк, справедливо выделенный А.М. Шарымовым, - скоропись, выполненная бурыми (по А.М. Шарымову, «рыжеватыми») чернилами. Историк, впрочем, предполагал, что это «почерк самого автора». Исследователь верно подметил, что человек, обладавший таким почерком, неукоснительно следовал правке, сделанной вторым почерком⁴³ (добавим, что он вносил и собственные исправления).

Убедительное доказательство того, что вся рукопись «О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга» - произведение П.Н. Крёкшина, - это выявленные его прямые текстуальные связи с более ранними трудами историка.

В 1743 г. у комиссара П.Н. Крёкшина Тайной канцелярией по доносу одного из его многочисленных недру-

гов служащего артиллерийского ведомства Елагина было изъято его философское сочинение («тетрадь о четвертой - Северной монархии»). Об этом своём труде П.Н. Крёкшин заявил, что сочинил его «историею начерно, сам собою, от своего разсуждения, выписывая из Библии и из прочих исторических книг и прогностиков, что блаженные и вечностойные памяти государем императором Петром Великим настала в мире, по видению пророк и откровению ангела и богодухновенных отец, *четвертая - Северная монархия, то есть Российская* (курсив наш. - П.К.), которая в крепости и силе имать стоять до скончания мира и владычествовать над вселенною...»⁴⁴. Он давал показание, что изъятая тетрадь «принадлежит к сочиненной им, Крекшиным, государя императора Петра Великого истории к первой части. И ежели бы оную тетрадь он всю сочинил, то б по переписании набело намерен он... ту тетрадь с означенною о государе императоре Петре Великом историею поднести Ея Императорскому Величеству (Елизавете Петровне. - П.К.)...»¹⁵.

В рукописи «О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга» есть немало отзвуков этого летом 1743 г. ещё не дописанного сочинения П.Н. Крёкшина. Так, после сообщения о принятии Петром I в 1721 г. титула императора там сказано: «*Начало восприяла четвертая монархия - Северная, то есть Российская империя*» (курсив наш. - П.К.; Приложение. Л. 11). Или: «...аравления и равины сказывают, еже Север всем вселенные частем преодолеть имеет. Паче же аравляния... за несумненное держат монархии: восточную, полуденную, западную и северную. Первую глаголют Восточную, вторую - Греческую, третью - Римскую, *четвертую - Северную* (курсив наш. - П.К.)... Сию монархию насадит Бог единым от князей добродетельми и науками обогащенным, и большия дела ясно покажутся, неже в тех трех прешедших монархиях» (Приложение. Л. 11-11 об.).

На полях 11-го листа рукописи рукою П.Н. Крёкшина сделана приписка: «Под Север никаких государств и народов, кроме державы Российский, не обретается» (курсив наш. - П.К.).

Вывод, что в правление Петра Великого в мире наступило время *четвёртой монархии - Северной, то есть Российской империи* (курсив наш. - П.К.), П.Н. Крёкшин подкреплял в 1743 г. ссылками на библейских пророков⁴⁶. Как в названном труде 1743 г., так и в его более позднем сочинении «О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга» даны ссылки на пророка Даниила (скончался в 536 г. до н. э.) и иудейского книжника-богослова Ездру (VI в. до н. э.).

Ещё одна деталь к вопросу об авторской принадлежности рукописи. Манускрипт имеет оформление титульного листа, которое свойственно именно многим рукописям П.Н. Крёкшина. В изучаемой Эрмитажной рукописи дата оформлена следующим образом: «В лето от первого дни Адама 7211. По Рождестве Иисус Христове 1703». Для сравнения, в другом произведении П.Н. Крёкшина, посвященном деяниям Петра I в год Полтавской победы, законченном им в 1753 г., она оформлена схоже, но более пространно: «...лето от первого дни Адама 7217. По Р[о]ждестве Иисус Христове 1709... в лето спасительного воплощения 1753. От зачатия царствующего града Санкт-Петербурга 50»⁴⁷. Важно, что тема «царствующего града Санкт-Петербурга» присутствует и в заглавиях обоих трудов П.Н. Крёкшина, что на титульных листах обоих произведений историка есть и столь часто используемое им слово «зачатие», что даты этих трудов тоже даны в одном ключе: сначала «лето от первого дни Адама», потом «по Рождестве Иисус Христове». По существу, в оформлении титульного листа черновой Эрмитажной рукописи для законченности недостаёт только указания на авторство «новгородского дворянина Петра Никифорова сына Крёкшина».

Что рассматриваемая рукопись принадлежит перу П.Н. Крёкшина, свидетельствует и общность развёрнутых в ней тем, взглядов, идей, отличавших П.Н. Крёкшина как мыслителя и историка, с другими его произведениями.

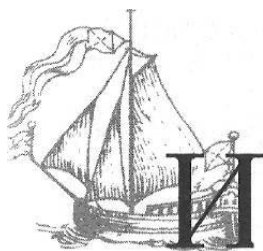
Так, он развивал темы сходства деяний императоров Константина I Великого (306-337) и Петра I Великого. Историком принадлежит особое сочинение «Экстракт из великославных дел кесарей восточных и западных и из великославных дел императора Петра Великого» (1759). В этом труде П.Н. Крёкшин провёл немало сопоставлений совершённого императорами Константином Великим и Петром Великим⁴⁸.

Или, П.Н. Крёкшин в своих трудах отмечал древность заселения земель Новгородского края славянами и значение «древняго великаго славенскаго Новаграда» - исторического предшественника Санкт-Петербурга. Псевдоисторические построения в духе легендарного «Сказания о граде Славенске», как в некоторых поздних летописях именовался Великий Новгород, присутствуют в сочинении историка, имеющем пространное заглавие: «Краткое описание о начале народа славенскаго, и о населении сими народы северных, полунощных и западных стран, и о наречениях сего славного народа славенского московским, российским, скифским, готским, сарматским и протчими именовани, и о преславных деяниях сего славного народа славенского московского российского. [...] Собранное от разных и древних историописателей в царствующем граде Санкт-Петербурге новгородцем дворянином Петром Никифоровым сыном Крекшиным. В лето миробытия 7254, по воплощении Бога слова 1746 году»⁴⁹. Среди манускриптов ценнейшей коллекции древних рукописей П.Н. Крёкшина имелся список краткой редакции Новгородской третьей летописи, предварявшийся «Историей, еже о начале Руския земли». В нём древнейшая история славян Вос-

точной Европы преподносится именно в таком ключе⁵⁰. Существенное место повествование о значении града Великого Славенска в изначальной истории славян, предыстории столицы Российской империи занимает и в исследуемом сочинении «О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга». Древняя история родных «новгородскому дворянину» П.Н. Крёкшину земель там изложена согласно «Сказанию о граде Славенске» (Приложение. Л. 9-9 об.).

Помочь в ответе на вопрос об авторской принадлежности исследуемой рукописи в немалой степени может и изучение самой истории формирования Эрмитажного собрания рукописей, получившего своё название по месту первоначального хранения в библиотеке императорского Эрмитажа. Его основательницей является императрица Екатерина II. Просвещённая государыня проявила интерес к «собранию российских древностей» известного коллекционера русских древностей А.И. Мусина-Пушкина. Императрица пожелала, как свидетельствовал сам коллекционер, «видеть собранные им некоторые летописи и Крёкшину принадлежавшие бумаги, которые, с крайним любопытством рассмотрев, благоволила некоторые оставить у себя, а вместо того пожаловала ему несколько харатейных (пергаменных. - П.К.) книг, и древних летописей, и бумаг, в Кабинете ея находившихся, кои самой ей читать было трудно»⁵¹. В собрание же А.И. Мусина-Пушкина часть бумаг П.Н. Крёкшина поступила в 1786-1788 г. от полковника А.М. Деденева, внука П.Н. Крёкшина. В конце 1792-1793 гг. от вдовы и дочери скончавшегося к тому времени А.М. Деденева в Кабинет Екатерины II (точнее говоря, в Эрмитажное собрание) поступила оставшаяся часть его архива, приобретённая по указанию императрицы за 10 000 руб.⁵² Следовательно, часть трудов П.Н. Крёкшина попала в это рукописное собрание ещё при Екатерине II. Наличие авторских рукописей П.Н. Крёкшина

(в том числе и среди анонимных) в современном Эрмитажном собрании Отдела рукописей Российской Национальной библиотеки поэтому вовсе не удивительно.

ПОРТРЕТ АВТОРА НА ФОНЕ ЭПОХИ

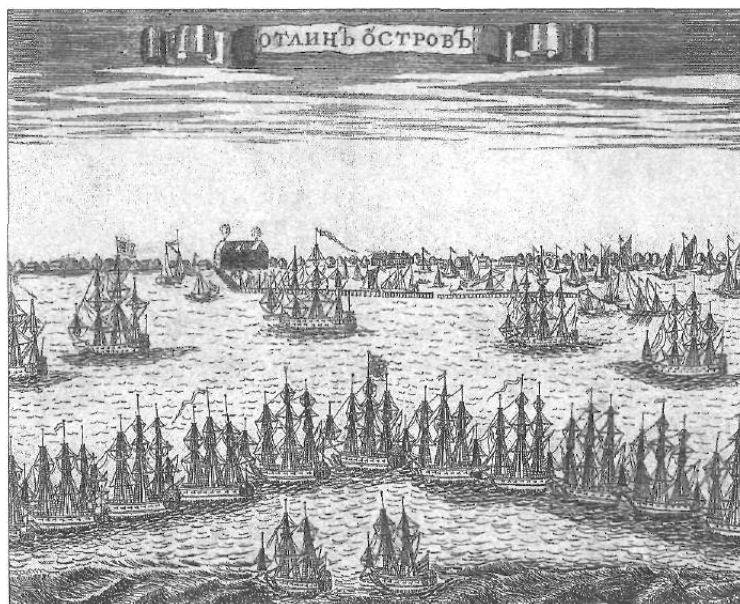
И так, что известно о личности и жизненном пути Петра Никифоровича Крёкшина? Эти сведения сами по себе важны для исследования его труда «О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга».

П.Н. Крёкшин именовал себя на заглавных листах своих многочисленных произведений обычно «новогородским дворянином» (с вариантами), то есть он происходил из дворянства Великого Новгорода. Дворянский род Крёкшиных современным историкам известен только с XVII века. Дед Петра Никифоровича Гаврила Никитич за службу своего отца получил жалованную грамоту от имени царей Ивана и Петра Алексеевичей на владение помещьем, расположенным в Шелонской пятине Великого Новгорода⁵³.

Младший современник П.Н. Крёкшина издатель и литературный деятель Н.И. Новиков отозвался о нём в «Опыте исторического словаря о российских писателях» довольно осторожно: комиссар «капитанского чина, человек любопытный и тщательный в собирании российских древностей и редкостей. Он сочинил три летописи...»⁵⁴. О первых трёх десятилетиях его жизни сведения скупы. И.И. Голиков, прибывший на продолжительное время в Санкт-Петербург для ведения торговых дел в 1761 г.,⁵⁵ общался с П.Н. Крёкшиным, слушал его рассказы о Петре Великом, пользовался собранными им материалами о Преобразователе. В 15-й части собствен-

ного «Дополнения к „Деяниям Петра Великого"» (1795) он заявил: «...почитаю за нужное дать знать читателям моим, кто был сей Крекшин»⁵⁶. По свидетельству И.И. Голикова, восходящему, надо думать, к словам самого Петра Никифоровича, он «был дворянин новгородской, служил у Петра Великого на собственной его шлюбке квартермистром, был при Его Величестве в разных походах, потом пожалован комиссаром ранга капитанского»⁵⁷. П.Н. Крёкшин имел, следовательно, наиболее распространённое в Петровскую эпоху для дворянина начало деятельности на благо Отечества - военная служба с нижних чинов. Приведённые митрополитом Евгением (Е.А. Болховитинов) данные, что он едва не с детских лет служил «писцом при разных канцеляриях»,⁵⁸ выглядят менее правдоподобно, но, возможно, они отражают его чиновничье-канцелярскую работу уже в чине комиссара? Его имя «входит в историю» в 1714 г. в связи со следствием по делу о растрате казённых денег. Тогда он служил смотрителем строительных работ, производившихся на Котлине - острове в тридцати верстах к западу от устья Большой Невы, являвшемся особой многофункциональной частью Санкт-Петербурга. Остров, во-первых, служил крепостью, которая охраняла идущий с моря к сердцу города фарватер; во-вторых, с 1713 г. на Котлине размещалась главная база Российского корабельного флота; в-третьих, его причалы и склады играли роль торгового аванпорта столицы. Спустя три года П.Н. Крёкшин был оправдан и определён к должности комиссара по приёму разного рода материалов, подряженных для котлинского строительства.

«Новгородский дворянин» П.Н. Крёкшин многие годы постоянно проживал в новой российской столице. Среди делопроизводственных бумаг удалось найти упоминания, что в 1722 г. он владел в городе на Неве собственным домом⁵⁹. Свой дом, собственно говоря, мог появиться у него и значительно раньше.

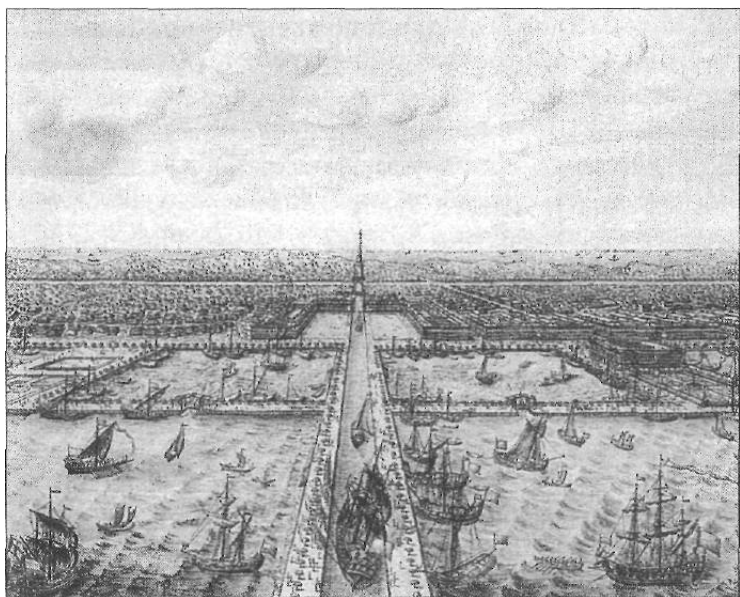
*«Вид Российского флота при острове Котлин. 1715 год»
Фрагмент гравюры А.И. Ростовцева. 1716-1717*

Новгородский дворянин П.Н. Крёкшин явно имел склонность к занятию предпринимательской деятельностью, ростовщичеству, увеличению собственных поместных владений. Выявленные разрозненные бумаги из его семейного архива дают некоторое представление о его деятельности такого рода. 6 апреля 1716 г. он дал в заём большую сумму денег - 500 руб. - под залог помещтной земли с крестьянами помещицъей вдове И.П. Туровой «на расплату долгов». Срок возврата займа был невелик: август того же 1716 г. После этого вдове И.П. Туровой следовало «Петру Крекшину, и жене ево, и детям, и родственником или кому он повелит» вернуть взятые деньги⁶⁰. Очевидно, сделка изначально была рассчитана на получение П.Н. Крёкшиным залога. Подконстапель флота И.Н. Гурьев в феврале 1737 г. продал комиссару «Петру Никифорову сыну Крекшину, жене ево и

детям недвижимое свое имение» в деревне Клабутицы Шелонской пятины Новгородского уезда - 15 четвертей пашни в двух полях без крестьян за 35 руб.⁶¹ А в январе 1740 г. П.Н. Крёкшину досталась за 80 руб. в той же Шелонской пятине Новгородского уезда пустошь Быково, проданная копиистом Санкт-Петербургской Партикулярной верфи Я.С. Савельевым⁶². Последний найденный документ, характеризующий деятельность П.Н. Крёкшина в этой области, относится к 21 декабря 1761 г. Это закладная заёмная крепость на 50 руб. серебром, данных в беспроцентный долг комиссаром П.Н. Крёкшиным вдове Т.Т. Волниной под залог пустоши Вердуги с 20 четвертями пашни «и санными покосы, с рыбными ловли и со всеми угоды» в Вельском погосте Шелонской пятины на срок до июля 1762 г.⁶³ Ростовщическая деятельность П.Н. Крёкшина, скупка им населённых поместий и пашенных угодий без крестьян, прослеженные, пусть и фрагментарно, за 1716-1761 гг., свидетельствуют о довольно устойчивом финансовом положении комиссара на протяжении, по сути дела, всего его жизненного пути.

С весны 1719 г. на Котлине по воле Петра I развернулось сооружение беспримерного по масштабам инженерно-технического сооружения - канала-дока, крупнейшего судоремонтного и кораблестроительного комплекса, который должен был стать прочным основанием достигнутого к тому времени Россией военно-морского преобладания на водах Балтийского моря. Работы велись под наблюдением инженера Э. Лейна, имевшего, когда они начались, чин капитана 1 ранга^м.

Финансовая и подрядно-снабженческая сторона строительства перешла в руки комиссара П.Н. Крёкшина. Он стал распоряжаться огромными суммами казённых денег, отпускавшихся по именным указам «за подписанием Его Величества собственной руки». Первый платёж состоялся 25 мая 1719 г. Всего же до декабря 1721 г. было

«Вид гавани острова Котлин». Рисунок И.Ф. Браунштейна. 1722—1723. ГЭ

перечислено 586 000 руб.⁶⁵ Достаточно сказать для сравнения, что в 1720 г. весь доход российского бюджета равнялся 7,5 млн. руб.⁶⁶

Строительство, шедшее на Котлине, притягивало немалое число вольнонаёмных рабочих. 24 апреля 1720 г. П.Н. Крёкшин сообщал, что если им срочно не будут уплачены деньги, то разойдутся 2 700 человек⁶⁷. 11 ноября того же года он писал, что из-за задержки выплаты денег с работ «отошло с 4 000 человек»⁶⁸.

В эти годы П.Н. Крёкшин общался непосредственно с Петром I. 10 июня 1720 г. царь, «будучи на Котлине-острове», «изустно указал» лично ему очерёдность производства дальнейших работ⁶⁹. Видимо, одновременно с получением громадных сумм для расходов на строительные нужды он приобрёл и замашки важной государственной персоны, не соответствовавшие, конечно же, его весьма скромному чиновному рангу комиссара. Так,

в 1720 г. П.Н. Крёкшин бил иноземца, «определённого у... каменной работы» на Котлине. Он приказал посланным от него людям забирать к себе каменщиков с ведущимися не под его ведением работ. Солдата, который попытался этому воспрепятствовать, он также «велел бить и сотцкого, взяв, отдал за караул и, держав, бил, о чем по розыску явно»⁷⁰. Как бы то ни было, 24 апреля 1720 г. своё донесение в Канцелярию канальных и гаванных дел П.Н. Крёкшин начал со слов: «Взят я под караул и содержусь, а кональное дело, которое имянным Царского Величества указом строить повелено, все остановилось...»⁷¹ Тем не менее комиссар не особо усердствовал в оправданиях. Он заявил, что «иноземца у церкви ударил он тростью в голову однажды за то, что назвал ево, Крекшина, гонсватом (от нем. Hundsfott, негодяй, подлец, мерзавец, прохвост. - П.К.) пьяной». После случившегося не кто иной, как «оной иноземец, просил у него, Крекшина, прощения, и он... в том ево простил»⁷².

Портрет М.М. Голицына

кисти неизвестного живописца
1710- 1720-е

ГИМ

Подпись М.М. Голицына
РГАВМФ

На такой «горячей» должности, на которой оказался П.Н. Крёкшин, колесо фортуны вращалось быстро. Особые трудности для комиссара при выполнении его новых обязанностей создавали служебные отношения со стольником М.М. Самариним, который осуществлял общий надзор за ходом строительства. М.М. Самарин с подозрительностью относился к слишком, как ему казалось, оборотливому в грандиозных денежных де-

лах комиссару и часто задерживал выдачу денег, что грозило остановить строительные работы. Постепенно их служебные отношения накалялись. 12 декабря 1720 г. комиссар П.Н. Крёкшин угрожал, «ежели он... будет чинить отговорки, избобличить... явно»⁷³. Тяжбу действительно начал сам П.Н. Крёкшин, подав донос на М.М. Самарина. 25 января 1722 г. император письменно поручил расследовать это дело генералу М.М. Голицыну: «Пишете вы, что камисар Крёкшин подал доношение на Михаила Самарина о похищении, также и он, Самарин, против оного Крекшина подал доношение, что во исправлении работ он, Крёкшин, не исправен. Того для в том розыщите сами и смотрите того, чтоб в котлинской работе не учинить остановки»⁷⁴. Следствие затянулось надолго. Во встречном обвинении М.М. Самарин, в частности, утверждал, что П.Н. Крёкшин, «будучи у конального дела, забрал многие тысячи рублей и... покупал дорогой камень: алмазы, яхонты, изумруды, лалы (благородная шпинель, близкая по цвету к рубину. - П.К.), - золото, серебро, лес, доски, лешедь (плитняк. - П.К.) и тем покупным торгует и продает, и к тому еще в прибавок денег многова ж числа требовал...»⁷⁵.

Распространённое мнение, что в 1726 г. комиссар П.Н. Крёкшин вышел в отставку и посвятил себя главным образом собиранию сведений о жизни и деяниях Петра Великого, написанию его истории⁷⁶, надо предполагать, восходит к утверждению И.И. Голикова: «Смерть монарха столько его поразила, что он не мог уже продолжить службы и отставлен тем же чином»⁷⁷. Однако такой «факт» не находит подтверждения в документальных материалах того времени. Комиссар ещё долгие годы состоял на государственной службе. В течение 1722-1727 гг. он был «при следствии кронштатских дел», получая годовое жалованье 240 руб.⁷⁸

Масштабные и, как показала практика, не поддающиеся строго точному учёту земляные и каменные работы

создавали благодатную почву для предъявления П.Н. Крёкшину обвинений в мошенничестве со стороны добровольных блюстителей казённого интереса. Как следствие контролёрами разных чинов и рангов составлялись очередные проверочные ведомости об объёмах ранее выполненных работ.

Дело обрастало побочными судебными тяжбами. 7 декабря 1722 г. обвинения П.Н. Крёкшину предъявил некий новгородский дворянин Е. Муравьёв. Он просил позволить ему пересчитать израсходованные П.Н. Крёкшиным деньги и материалы, утверждая, что сможет «сыскать похищения... денежной казны с 40 или с 50 тысяч рублей»⁷⁹. 4 марта 1723 г. комиссар И. Картмазов показал, что П.Н. Крёкшин в 1719 г. при выдаче армейским полкам жалованья «украл... денежной казны с 4 000 рублей»⁸⁰. На последнее обвинение «под страхом смерти» комиссар П.Н. Крёкшин заявил, что «той казны... не крадывал». Другой же вышеназванный его «доброхот» Е. Муравьёв вплоть до самой своей смерти так и не смог доказать справедливости выдвинутого им обвинения⁸¹.

П.Н. Крёкшин тоже бдительно наблюдал вокруг за соблюдением законности. 7 декабря 1722 г. он заявил, что «ведает похищения за взятки» от 2000 до 10 000 руб. секретарём А. Пироговым, а за комиссаром А. Дириным - 7 000 руб. «покраденых и лишних в росходе приписанных»⁸².

С 1725 г. предприимчивый комиссар был привлечён к задуманной А.Д. Меншиковым «реформе» монетного дела, суть которой сводилась к получению казной выгод от замены в обращении полноценной серебряной монеты низкопробной. П.Н. Крёкшину, как видно, не стеснявшемуся братья за все дела, где он видел возможность получить прибыль или иную собственную корысть, удалось убедить «полудержавного властелина» в своих возможностях создать металлический сплав для чеканки новых монет с существенно пониженным содер-

жанием серебра. На дворе Берг-коллегии в Санкт-Петербурге, располагавшемся на левом берегу Невы⁸³, на тогдашней городской окраине, который находился под контролем обер-коменданта Санкт-Петербургской крепости Е.И. Фаминцына - доверенного лица А.Д. Меншикова, вдали от любопытных глаз, новоявленный алхимик-самоучка развернул деятельность своей «лаборатории». Чтобы устранить вероятные помехи со стороны, комиссар П.Н. Крёкшин, служивший теперь по ведомству Монетной канцелярии, подстраховался подачей большого, на многих листах, невнятного и запутанного доноса на специалистов по монетному производству - монетного мастера Т. Лефкена и судью Монетной канцелярии И.А. Шлаттера, способных раскрыть его непрофессионализм. Итог деятельного вхождения в монетное дело П.Н. Крёкшина был плачевен, но вполне предсказуем и закономерен. Сотворенная кипучим комиссаром, фантастическая по составу крёкшинская «композиция», своего рода адский сплав, была использована при чеканке партии гривенников. Алхимик-экспериментатор был убеждён, что введенные им в состав сплава сверх серебра «сильные материи» (селитра, мышьяк, сулема) превратят все другие добавки и примеси, так и оставшиеся неизвестными, в благородный металл - серебро. Сложенные на складе для последующей чеканки слитки «новой инвенции» (изобретения) «композиции» П.Н. Крёкшина отпотевали, покрывались пузырями, некоторые из них, будучи взяты в руки, просто разрушались, из других сыпалось некое подобие песка. Спустя всего десять дней после опалы А.Д. Меншикова, 18 сентября 1727 г., последовал указ о прекращении чеканки «меншиковских» гривенников. Не удалось даже извлечь обратно из сомнительной «композиции» испорченное серебро. Неудачный опыт алхимии сошёл П.Н. Крёкшину с рук. Переезд императорского двора в начале 1728 г. и последовавший вслед за этим перевод всего монетного про-

изводства на десять лет (до начала 1738 г.) в Москву помогли ему снова выйти сухим из воды*¹.

В 1730-е гг. П.Н. Крёкшин продолжал государственную службу в качестве комиссара Монетной канцелярии⁸⁵. Он являлся также одним из членов «Комиссии о мерах и весах» (1735-1741)⁸⁶, занимавшейся изучением систем мер и весов в разных странах и изготовлением эталонов. В 1737 г. комиссия из академиков Л. Эйлера, И.В. Крафта и изобретателя А.К. Нартова не раз свидетельствовала сделанные под его руководством весы для драгоценных металлов и монет⁸⁷.

Одновременно документально прослеживается, что в 1730-е гг. его захватило увлечение историей. Как представляется, не следует доверять двум известным уверениям П.Н. Крёкшина о раннем начале его исторических занятий. На склоне лет он устно (то есть в наименее обязывающей форме) сообщал начинающему собирателю исторических материалов о деятельности Петра Великого, его восторженному почитателю И.И. Голикову, что рукопись труда о первом российском императоре «писана им до 1709 году»⁸⁸. Второе утверждение на этот счёт было сделано П.Н. Крёкшиным много раньше, 6 июля 1743 г., когда он находился под арестом. Комиссар заявил тогда в прошении на имя императрицы Елизаветы, что «двадцать семь лет» пишет истории: от потопа до Петра Великого, «которую кратким экстрактом сочинил»; историю деяний Петра Великого и др.⁸⁹ Как видно, два рассматриваемых известия противоречат одно другому. Первое из них - устное сообщение едва не 80-летнего старика своему неискушённому молодому подражателю, с доверием ловившему и запоминавшему каждое его слово. Другое свидетельство носит более обязывающий, официальный характер: оно сделано, когда П.Н. Крёкшин пребывал в предварительном заключении во время следствия. Однако главное заключается в том, что оба утверждения П.Н. Крёкшина голословны: он не

подкрепил их какими-либо своими рукописями тех лет. Как представляется, вовсе не случайно, что датированных манускриптов исторического содержания, принадлежавших перу П.Н. Крёкшина и относящихся к первому и второму десятилетиям XVIII в., не обнаружено; их, есть все основания полагать, просто не существовало.

Надёжные документальные свидетельства того, что неутомимый комиссар ведёт исторические исследования, как сказано выше, появляются в 1730-е гг. К примеру, в 1735 г. П.Н. Крёкшин подал в Санкт-Петербургскую Академию наук «предложение», в котором утверждал, что изначальную историю «рода славенскаго» следует излагать в соответствии со «Сказанием о граде Славенске». Историк-самоучка настаивал на том, что принадлежащую позднему новгородскому летописанию историю о приходе в 3099 г. от сотворения мира (то есть в 2409 г. до н. э.) скифских князей

Словяна и Русса на Ильмень-озеро и основании ими там града Великий Словянск следует полагать как «всей славянской истории истинный фундамент». По его словам, «ныне тово града Словянска разрытое место против Юрьева монастыря, которое именуется городище». Предания, бытовавшие у местного населения, П.Н. Крёкшин рассматривал как дополнительное доказательство того, что это «неложное и непритворное свидетельство, и жители новго-

*Портрет императрицы
Елизаветы Петровны
Живописец И.Я. Вишняков
1743. гтг*

родские изстари друг другу об оном сказывают и истории имеют у себя»⁹⁰.

22 июня 1742 г. П.Н. Крёкшин завершил⁹¹ и вскоре представил императрице Елизавете Петровне свой труд «Краткое описание блаженных дел великаго государя императора Петра Великаго, самодержца всероссийскаго, собранное чрез недостойный труд последнего раба Петра Крекшина, дворянина Великаго Новаграда». Он содержал изложение жизни и деяний монарха-преобразователя в период с 1672 по 1706 г. Патриотическая направленность сочинения, благоговение его автора перед Петром Великим не могли не произвести самого благоприятного впечатления на императрицу. Верноподанный историк получил беспрецедентное в те времена право работать с бумагами Кабинета Петра Великаго - личной канцелярии монарха. Открывшиеся перед П.Н. Крёкшиным огромные возможности вскоре породили у него грандиозный замысел создания 45-томной истории первого русского императора - «Журналов великославных дел великаго государя императора Петра Великаго...». В них историк предполагал с наивозможной степенью подробности, буквально день за днём излагать его деяния⁹².

По всей вероятности, П.Н. Крёкшин предполагал в каждом томе освещать один год из 44 лет правления Петра Великаго (1682-1725), а в первом томе задумал изложить его жизнь от рождения до вступления на престол (1672-1682). Как начало первого тома из задуманной эпопеи и следует рассматривать, по нашему мнению, называвшееся выше произведение П.Н. Крекшина «О зачатии и рождении великаго государя императора Петра Перваго, самодержца всероссийскаго» (следует напомнить, что это третье по порядку сочинение исследуемого рукописного сборника).

Вдохновлённый явственно обозначившимися новыми исследовательскими перспективами, полученным

«Вид Санкт-Петербурга». Гравюра А.Ф. Зубова. 1727

покровительством императрицы Елизаветы Петровны комиссар П.Н. Крёкшин сосредоточил усилия на историческом поприще. Когда в июле 1743 г. на него поступил донос и он оказался под следствием в предварительном заключении, то из его дома сенатский экзекутор доставил «пять сундуков с разными письмами и книгами... четыре куля рогожных больших с книгами и письмами, семь наволок и мешков также с книгами и письмами»⁹³. П.Н. Крёкшин тогда же словоохотливо заявил, что в иных местах тоже имеются его многочисленные рукописи, в том числе (что особенно важно подчеркнуть) «сочиняемой им истории (то есть истории Петра Великого. - П.К.) взято: к фельдмаршалу принцу Гессен-Гомбургскому 10 тетрадей, к обер-егермейстеру и камергеру Алексею Григорьевичу Разумовскому 38 тетрадей, в Тайную канцелярию одна тетрадь»⁹⁴.

На наш взгляд, сочинение «О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга» как раз и является частью масштабного исторического замысла историка

П.Н. Крёкшина - показать во всём величии деяния первого русского императора. Основание же новой столицы Российской империи, «царствующего града Санкт-Петербурга» - одно из главных исторических свершений преобразователя, и соответствующий раздел в задуманном им многотомном сочинении должен был обязательно присутствовать.

Историк, есть основания полагать, собирал материал для всех томов одновременно, доводя при этом до завершения отдельные сюжеты, некоторые тома. Изобилие исторических источников, как полагал Е.Ф. Шмурло, подавило «составителя: работа продолжалась, материалы в форме погодных «журналов» и «экстрактов» из этих последних накапливались том за томом, но дальнейшая обработка их приостановилась, и вторая половина царствования Петра, с Полтавской победы, кажется, осталась неопианного»⁹⁵.

Пожалуй, Е.Ф. Шмурло излишне категоричен. Общего систематического исследования творчества П.Н. Крёкшина нет и поныне. Немало его сочинений, можно предполагать, до сих пор просто не введены в научный оборот, не опубликованы и тем более не изучены. Впечатляющее историческое сочинение П.Н. Крёкшина «Экстракт из журналов великославных дел великаго государя императора Петра Перваго, самодержца всероссийскаго, том 29», оставшееся неизвестным Е.Ф. Шмурло, как раз освещает именно слепополтавский период деяний Петра Великого - события 1710 г.⁹⁶ Завершён названный труд был в 1758 г.⁹⁷ В последние годы жизни П.Н. Крёкшин, следовательно, продолжал деятельно заниматься научными изысканиями, подготовил большое историческое сочинение. Не отражён также в литературе факт, что в 1750 г. тонко чувствующий политическую конъюнктуру историк нашёл как нельзя более оригинальный способ обратить взор правившего монарха на собственное новое историческое произведение (в конечном счёте

попытаться заслужить его милость). Он объявил «Слово и дело»! Обнаруженное в архиве неизвестное историческое сочинение П.Н. Крёкшина, кстати, как нельзя более может помочь пониманию применявшихся историком «исследовательских» приёмов. В действиях скромного по служебному положению комиссара П.Н. Крёкшина весьма явственно прослеживается стремление обратить на себя внимание монаршей особы. Суть сделанного им в 1750 г. громкого политического заявления была в том, что тогда в стране много раз сообщалось в печати, что брак Петра I с Екатериной Алексеевной был заключён 19 февраля 1712 г. (что было совершенно справедливо), но это (если чуть-чуть подумать) означало, что правящая императрица «незаконнорожденная»! В собственном историческом «розыскании» П.Н. Крёкшин пытался доказать недоказуемое: императрица Елизавета была рождена не от наложницы, но от законной супруги⁹⁸. Историк, ничтоже сумняшеся, выдвинул для этого искусный (но подложный по существу) интеллектуальный ход. Бракосочетание монарха якобы состоялось ещё 19 февраля 1707 г. в Жолкве на Волыни, но, оказывается, его «торжественное объявление было в Санкт-Петербурге в... 1712 году»⁹⁹, то есть спустя ровно пять лет.

Предмет исследования настоящей монографии - также ранее не причислявшееся к кругу произведений П.Н. Крёкшина сочинение «О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга». Оно, как выше доказывалось, тоже создано в последние годы жизни историка и литератора. В июне 1759 г. П.Н. Крёкшин упомянул, что «блаженных дел» Петра Великого «до сорока пяти книг труда моего в собрании и имеетца...»¹⁰⁰. Библиофил, издатель и переводчик В.С. Сопиков писал, что в 1791 г. приобрёл на распродаже в книжной лавке сразу же 37 «книг чёрного журнала о делах Щетра] Великого]» комиссара П.Н. Крёкшина. В том же году он перепродал их А.И. Мусину-Пушкину¹⁰¹, собрание руко-

писей и книг которого погибло в огне московского пожара 1812 г.

Деятельные занятия комиссара П.Н. Крёкшина русской историей имели и важнейшие побочные результаты. Именно в его собрании манускриптов хранился Лаврентьевский список «Повести временных лет» 1377 г. - древнейший из дошедших до наших дней. У наследников П.Н. Крёкшина его приобрёл в своё собрание манускриптов А.И. Мусин-Пушкин, а в 1811 г. он был передан последним государству - в Императорскую Публичную библиотеку. Другой ценнейший летописный памятник из коллекции П.Н. Крёкшина - Чертковский список Владимирского летописца XVI в. («Летопись князя Кривоборского»). От наследников П.Н. Крёкшина он тоже перешёл к А.И. Мусину-Пушкину¹⁰². В 1749 г. П.Н. Крёкшин довёл до сведения Санкт-Петербургской Академии наук, что в одной из казарм Петропавловской крепости «без призрения в самой мочи истлевают» несколько возов документов Походной канцелярии А.Д. Меншикова. Тем самым они были спасены от гибели. П.Н. Крёкшин писал, что «ежели оныя дела в истление придут, то императора Петра I журнала, истории жития его обстоятельно и праведно... никто не может написать»¹⁰³. После этого документы были разобраны, описаны и в апреле 1750 г. поступили в Академию наук¹⁰⁴. Историк беспокоился, что и другие документы «без описи и охранения гниют занапрасно, в которых многия великия действия и дела святопочившаго родителя Ея Императорскаго Величества...»¹⁰⁵.

Для того чтобы дать более полный портрет комиссара П.Н. Крёкшина, надо отметить, что он был не только алхимиком, но и астрологом. Он не только верил в предсказания по космическим явлениям, но и сам составлял их толкования. Стержневая сюжетная линия одного из самых распространённых в XVIII столетии произведений П.Н. Крёкшина «О зачатии и рождении великого

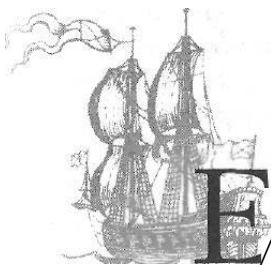
государя императора Петра Первого, самодержца все-российского», разошедшегося в неисчислимом множестве списков, - это предсказание придворного поэта Симеона Полоцкого царю Алексею Михайловичу (в связи с появлением на небесном своде рядом с Марсом новой звезды) о рождении у него 30 мая 1672 г. сына Петра, который «толикия преславныя победы содеет, елико никто от предков... благочестивых государей мог содеять»¹⁰⁶. Прочитав в 1742 г. печатное объявление Санкт-Петербургской Академии наук о появлении кометы, П.Н. Крёкшин 27 марта того же года «сочинил... для памяти себе своею рукою от своего же разсуждения», как он позднее объявил, «письмо прогностическое». Он писал тогда, что «сия звезда не комета... но некое особое предвозвещение». По его мнению, Санкт-Петербургская Академия наук «об означенной звезде погрешила и написала неправо, понеже-де оная звезда прогностическая». Суть астрологических толкований прихода кометы свелась у П.Н. Крёкшина к предсказанию победоносного завершения для России шедшей тогда войны со Швецией (1741-1743) и благополучного в будущем правления российских самодержцев¹⁰⁷.

Вера П.Н. Крёкшина в силу астрологических «предвозвещений» не должна удивлять. В журнале Санкт-Петербургской обсерватории зафиксировано, что императрица Анна Иоанновна (1730-1740) нередко приглашала во дворец астрономов с приспособлениями для наблюдения ночного неба не только с целью полюбоваться его красотами и побеседовать об астрономии, но и услышать астрологические предсказания¹⁰⁸. Пожалуй, по сравнению с осторожно сообщившим этот факт академиком В.Я. Струве (в те годы свирепствовал «цензурный террор» так называемого Бутурлинского комитета) следует поменять значение тем бесед с петербургскими учёными-астрономами для императрицы Анны Иоанновны: 1. астрологические предсказания; 2. созерцание

красот звездного неба; 3. предмет астрономической науки. Сам основатель Санкт-Петербургской и Парижской астрономических школ прославленный учёный Ж.-Н. Делиль, приглашённый в Россию Петром Великим, получал пенсию от герцога Орлеанского, сына регента Франции, чтобы иметь возможность заниматься астрологическими «исследованиями»¹⁰⁹. Более того, Ж.-Н. Делиль, похоже не в шутку, писал профессору философии Х.Ф. Гроссу: «Это доказывает, что впредь не должно довольствоваться одними астрономическими наблюдениями, но что нужно советоваться и с астрологиею...»¹¹⁰

Уход П.Н. Крёкшина из жизни в такой же степени окутан туманом недосказанности, как и первые приблизительно тридцать лет его жизненного пути. Н.И. Новиков, составлявший «Опыт исторического словаря о российских писателях», как он сам указал, «из разных печатных и рукописных книг, сообщённых известий и словесных преданий», привёл следующее известие о его кончине: «Умер сей трудолюбивый муж около 1763 года, будучи без мала 80 лет своей жизни»¹¹¹. Эта фраза едва не дословно повторена в труде И.И. Голикова (1795)¹¹², что предполагает заимствование сведений последним у Н.И. Новикова. Похоже, что именно приблизительное указание в словаре Н.И. Новикова, повторенное И.И. Голиковым, и стало опорой для воспроизводящихся из статьи в статью, из книги в книгу утверждений о годах жизни П.Н. Крёкшина: 1684-1763. Иными словами, все имеющиеся в литературе указания на годы жизни историка и писателя - итог сугубо приблизительных расчётов.

Историко-литературное наследие П.Н. Крёкшина не было в стороне от исследовательских интересов многих учёных. К освещению взглядов исследователей на историографическое значение его трудов сейчас и целесообразно перейти.

АВТОР МАНУСКРИПТА: МНЕНИЯ ИСТОРИКОВ И ИСТОРИКОВ ЛИТЕРАТУРЫ

Есть небольшой отрывок из сочинения П.Н. Крёкшина, в котором он сам и предельно рельефно изложил суть своего авторского метода и цель, побудившую его заняться сочинительством. В посвящении императрице Елизавете Петровне своего исторического труда о жизни и государственной деятельности Петра Великого до 1706 г. (1742) это сделано следующими витиеватыми фразами: «Аз, раб того благочестиваго императора... и дел блаженных его некоих самовидец бых, того ради по долгу рабства и любви должен блаженныя дела его прославлять, *а не образом истории писать дерзую* (курсив наш. - П.К.). Не буде то в дерзновение моему худоумию, яко недостоин отрешити (отвязать.- П.К.) и ремень сапога его и не имам толикаго разума, но собрах, яко малейшия крупницы от великия трапезы или яко почерпнух един водоносец от великаго моря или от всемирнаго дождя капли, падшия на главу мою, тако и от дел сего благочестиваго государя Петра Великаго, елико мог собрать и что видех и вспомянух, то и написах...»¹¹³

Итак, П.Н. Крёкшин заявлял, что не стремился создавать строго научные исторические сочинения. Его главенствующая мысль - показать во всём величии деяния первого русского императора. Способы для этого П.Н. Крёкшин был готов использовать различные: как исторические, так и литературно-художественные.

Исследуя творческое наследие П.Н. Крёкшина, важно не упускать из виду основополагающего для данной темы с методологической точки зрения заключения историка русской литературы Г.Н. Моисеевой. Оно, по

существу, имеет установочное значение. Один из принципиальных выводов, к которым пришла исследовательница в процессе её многолетних занятий русской литературой XI-XVIII вв., таков: «В аспекте ренессансных и раннепросветительских идей XVIII в. рукописное наследие Древней Руси было включено в систему развития новых литературных жанров, возникших под влиянием эстетики классицизма: эпической поэзии и торжественной лирики, драматургии и историографии. Последняя рассматривалась как род искусства, весьма близкий к искусству поэзии и драмы»¹¹⁴.

П.Н. Крёкшин создавал именно *эпопею* (курсив наш. - П.К.) великих дел Петра I. По классификации теоретика жанров классицизма Н. Буало-Депрео (1636-1711), эпопее принадлежало почётное место:

*Ещё возвышенной, прекрасней Эпопея.
Она торжественно и медленно течёт,
На мифе зиждется и вымыслом живёт*¹¹⁵.

Традиции эпопеи, столпов этого жанра Гомера, Вергилия, Ариосто, Тассо, Камозэнса и современника П.Н. Крёкшина Вольтера¹¹⁶ были близки и понятны автору «О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга». Они облегчали ему задачу прославления Петра Великого.

Гений русской учёности М.В. Ломоносов пользовался трудами П.Н. Крёкшина, близкими ему по духу, патриотизму, идейной направленности, но он решительно отступал в своём творчестве от идущих со времён античности традиций эпической поэмы в оценках Петра Великого (1760):

*Хотя вослед иду Вергилию, Гомеру,
Не нахожу и в них довольнаго примеру.
Не вымышленных петь намерен я богов,
Но истинны дела, великий труд Петров.*

Ставя историческую правду выше благородного вымысла, М.В. Ломоносов считал необходимым изображать реальные, а не придуманные или приукрашенные деяния Петра Великого¹¹⁷. В героической поэме «Пётр Великий» поэт возглашал:

*За кем же я пойду? Вслед подвигам Петровым
И возвышением стихов геройских новым
Уверю целые вселенные концы,
Что тем я заслужу парнасские венцы,
Что первый пел дела такого Человека,
Каков во всех странах не слыхан был от века¹¹⁸.*

Избранный П.Н. Крёкшиным метод неоднократно «удостаивался» жёстких критических оценок изучавших его труды историков. Так, В.Н. Татищев (1686-1750), хорошо с ним знакомый и часто ссылавшийся на известия собранных им древних летописей¹¹⁹, «посвятил» ему уничтожающую филиппику. Об одном из исторических заключений П.Н. Крёкшина он отозвался словами: «Новгородский баснословен, Крекшин безумно сложил, якобы достохвальный род Романовых от Романа Смоленского сына Ростиславля пошел, но свое незнание в истории многими обстоятельствами обличил...»¹²⁰ Как теперь установлено, сам Василий Никитич был небезгрешен касательно использования литературно-сочинительских методов, когда ему доставало известий исторических источников. Современный историк А. П. Тол очко взял на себя исследовательскую смелость разглядеть в уникальных «татищевских известиях» сознательный вымысел. Он убедительно показал, что стоящая особняком в русском летописании загадочная Иоакимовская летопись, вокруг известий которой велось и ведётся столько научных споров, сообщения которой не существуют вне трудов В.Н. Татищева и на которую историк многократно ссылался, - сознательная мистификация, литературный приём автора для придания

большой убедительности своему труду¹²¹. В.Н. Татищев, согласно обстоятельному научному труду А. П. Толочко, «облекал свои открытия в форму документальных свидетельств и щедро делился авторством с древними летописцами»¹²². Стало быть, выдающийся историк В.Н. Татищев, являвшийся суровым критиком П.Н. Крёкшина, сам видел в вымышленных исторических известиях способ доказать то, для подтверждения чего ему не удалось найти источников, но что уже стало убеждением историка. А.П. Толочко полагает: «Порой они лучше отражают картину «как могло быть», нежели неполная и случайная документация, оказывающаяся в распоряжении исследователя»¹²³.

Другой современник П.Н. Крёкшина член Санкт-Петербургской Академии наук Г.Ф. Миллер (1705-1783) в труде «Родословие великих князей, царей и императоров всероссийских», поданном Петром Никифоровичем Сенату (1747), также нашёл произвольные, ни на чём не основанные выводы и даже просто вымыслы¹²⁴.

Некоторые взгляды П.Н. Крёкшина на изначальную историю Руси, время Петра Великого получили мощную поддержку со стороны прославленного российского учёного М.В. Ломоносова. В научных прениях с Г.Ф. Миллером по поводу представленной последним к защите в 1749 г. диссертации «О происхождении имени и народа российского» профессор Академии наук М.В. Ломоносов выступил с позиций, которые были близки концепции древнейшего этапа русской истории, разделявшейся П.Н. Крёкшиным. Как говорилось, ещё в 1735 г. П.Н. Крёкшин предлагал Санкт-Петербургской Академии наук рассматривать древнейший период российской истории сообразно «Сказанию о граде Славенске». Во время диспута с Г.Ф. Миллером М.В. Ломоносов тоже утверждал, что «сего древнего о Славенске предания ничем опровергнуть нельзя» (1749)¹²⁵. Используемый М.В. Ломоносовым летописный памятник, содержащий назван-

ное «Сказание», относящийся к кругу Новгородской третьей летописи, выявлен исследователями¹²⁶. Учёный полагал, что Г.Ф. Миллеру следовало сосредоточиться на серьёзном изучении летописного сказания «о Славене, Русе, Болгаре, Комане, Истере, о создании Славенска и Старой Русы, о двух запустениях Славенска и о обновлении оногo»¹²⁷. Сам М.В. Ломоносов высказывался в таком ключе, что, хотя изложенная в «Сказании о

*Портрет М.В. Ломоносова
кисти неизвестного живописца
второй половины XVIII в.
ГТГ*

граде Славенске» историческая версия не подтверждается иностранными источниками, по существу, она является самодостаточной и её нельзя «самовольно опровергать» именно ввиду безусловной «древности славенороссийского народа»¹²⁸. М.В. Ломоносов заявлял, что Г.Ф. Миллером «новгородский летописец весьма дерзновенно отвергается»¹²⁹. В сданной в типографский набор в 1763 г. книге «Древняя российская история от начала российского народа...»¹³⁰, труде-альтернативе диссертации Г.Ф. Миллера, М.В. Ломоносов продолжал опираться на вышеупомянутый «Новгородский летописец». Учёный по-прежнему не разделял мнения своих научных противников, продолжавших «упрямо спорить, чтобы город Славенск никогда не был построен и разорён много прежде Рурика», что он был «дважды строен»: «В начале и в 862 году»¹³¹.

М.В. Ломоносов, как и П.Н. Крёкшин, в 1749 г. считал необходимым опираться в научном споре с Г.Ф. Миллером также на летописное сказание о посещении апосто-

лом Андреем Первозванным в I веке н. э. изначального, но потом разрушенного Великого Новгорода¹³². Повторно давая отрицательный отзыв на диссертацию Г.Ф. Миллера в 1750 г., М.В. Ломоносов по-прежнему придавал этому политико-идеологическому обоснованию древности истории славянства ключевое значение в своём противостоянии с ним. Он писал в Канцелярию Академии наук, что «должно опасаться, чтобы не было соблазну православной российской церкви от того, что господин Миллер полагает поселение славян на Днепре и в Новгороде после времён апостольских». Учёный напомнил, что «церковь российская повсягодно воспоминает о приходе святого апостола Андрея Первозванного на Днепр и в Новгород к славянам, где и крест от него поставлен». М.В. Ломоносов особо отмечал, что по указу Елизаветы Петровны «ныне... строится на оном месте (селе Грузине - Я.К.)каменная церковь»¹³³. В «Степенной книге царского родословия», летописном памятнике 1560-х гг., сказано, что церковь существовала и двумя столетиями прежде: «...жезл свой водрузи в веси, нарицаемой Грузино, идеже (где. - П.К.) ныне есть церковь во имя святого апостола Андрея Первозванного»¹³⁴.

Церковь в селе Грузино действительно существовала «с отдалённой древности»¹³⁵. Из рукописи игумена Макария находившегося рядом Деревяницкого монастыря, с которой сумел ознакомиться издатель журнала «Отечественные записки» П.П. Свиньин, явствовало, что первоначально здесь стоял деревянный храм. О каменной церкви упомянуто в писцовых книгах 1583 г. Потом храм сгорел и был восстановлен в 1691 г. Спустя столетие, в 1791 г., к нему была пристроена каменная колокольня. «Ветхость и малость церкви» не удовлетворили нового владельца Грузина известного графа А.А. Аракчеева. Ветхий храм был разломан, а на его месте по проекту знаменитого архитектора Ф.И. Демерцова в 1805-1806 гг. сооружён величественный Андре-

евский собор, погибший во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.¹³⁶

О водружении апостолом Андреем Первозванным его «путешественного» жезла в погосте Друзино (по-иному Грузино) на Волхове писал и П.Н. Крёкшин. Для него это «событие» означало, что апостол своим деянием не только «прообразовал самодержавие» в России в будущие времена, но и дал «предвозвещение сему царствующему граду Санкт-Петербургу» (Приложение. Л. 9-9 об.). В 1818 г. П.П. Свиньин наблюдал снаружи у стены храма «деревянный огромный крест», который был перенесён сюда с берега Волхова. На кресте читалась надпись о водружении его 6 июля 7201 г. (1693) в царствование Иоанна и Петра Алексеевичей, при патриархе Адриане и Новгородском митрополите Корнилии, жителями грузинского погоста. Ниже надписи было начертано: «Чудный крест сей Христов на поклонение православных христиан». Имевшиеся на кресте буквы «К.Т.Ч.П.Х.И.В.Т.С.» означали: «Кресту Твоему честному поклоняемся, Христе, и воскресение Твоё славим». Путешественник утверждал, что церковный праздник в честь св. апостола Андрея «при кресте том» существовал «с самых древних времён» и в 1818 г. был известен под именем «Крестового дня»¹³⁷.

М.В. Ломоносов в споре с Г.Ф. Миллером использовал и другой аргумент политического характера, связанный с вплетённой в ткань русского летописания легендой о посещении апостолом Андреем якобы населённых уже в апостольские времена славянами земель на Днепре и Волхове: «Из сего мнения не воследовала бы некоторая критика на премудрое учреждение Петра Великого о кавалерском ордене святого апостола Андрея»¹³⁸.

Нельзя не согласиться с М.А. Алпатовым, усмотревшим глубинную подоплёку разногласий М.В. Ломоносова (и П.Н. Крёкшина. - П.К.) с Г.Ф. Миллером не «в сфере

Для настоящего исследования важно подчеркнуть, что летописные сказания о посещении апостолом Андреем Первозванным в I веке н. э. земель Руси, о глубокой, «библейской» древности истоков русской государственности рассматривались русскими учёными М.В. Ломоносовым и П.Н. Крёкшиным как сильный аргумент в научно-исторических прениях. М.В. Ломоносов продолжал считать положения Г.В. Миллера недоказанными, дерзновенными предположениями, некорректными по форме изложения по отношению к русскому народу, его истории и подрывающими идеологические основы российской государственности.

Существует и взгляд на первопричину разногласий российских учёных середины XVIII столетия, который не выводит её за рамки «чисто научного» спора. Историк XIX столетия академик П.П. Пекарский видел первооснову спора П.Н. Крёкшина и Г.Ф. Миллера по проблеме «начала народа славенского» в следующем. Первый из них, «конечно, не мог хладнокровно смотреть на истинно учёное объяснение этого вопроса, разрушающее все эти хитро придуманные истории, в которых он так сильно был уверен»¹⁴⁴. Оценивая историческое сочинение П.Н. Крёкшина, в котором деятельность Петра Великого сопоставлялась с деяниями «кесарей восточных и западных» (1759), П.П. Пекарский подытожил так: «Для нашего времени это сочинение не имеет, конечно, никакого значения ни по содержанию, ни по языку и доказывает только, что мысль превозносить подвиги обожаемого государя нигде и никогда не покидала Крёкшина и составляет... главную основу всех его рассказов»¹⁴⁵. Не более «лестную» оценку заслужил у П.П. Пекарского и труд П.Н. Крёкшина «Экстракт из великославных дел царей и великих князей и самодержцев всероссийских, царствовавших... с 862 по 1756 год» (1756): «В этой компиляции почтенный собиратель является ревностным поборником нелепых баснословных рассказов будто бы

из русской истории, которые ходили между нашими грамотеями XVI и XVII столетий...»¹⁴⁶

Кредо учёного вполне понятно с современных нам позиций. По его словам, «история не должна терпеть прикрас, которые только подделывают под настоящее»¹⁴⁷. Но насколько продуктивен такой подход, не учитывающий особенностей той эпохи? Что он может дать для объяснения литературных, идейно-политических и прочих реалий середины XVIII в.? Ничего! В науке истории, по мнению автора книги, исследовательский подход должен быть именно исторический; метод историзма для любого исследования, если оставаться в рамках науки, - один из основополагающих. Об этом писал ранее С.Л. Пештич: «Изучать произведения Крёкшина можно и нужно как памятник общественной мысли своего времени: 40-50-х годов XVIII в.»¹⁴⁸.

Академик Н.Г. Устрялов характеризовал труды П.Н. Крёкшина по истории Петра Великого тоже резко и эмоционально: «Невежество в событиях, суеверие, вымыслы встречаются на каждой странице; он слагал предсказания, выдумывал речи, изобретал факты. Трудно вообразить, чтобы можно было так бессовестно обманывать современников и потомство, как обманывал Крёкшин, с клятвою уверяя людей простодушных, например Голикова¹⁴⁹, что все рассказываемое им сушая правда, вопреки свидетельствам неоспоримым. Всё его сочинение есть не что иное, как цепь выдумок, перемешанных с немногими сказаниями историческими»^{1тм}. С точки зрения литературно-художественной в качестве памятника историко-литературной мысли Н.Г. Устрялов, как и почти все другие авторы, труды П.Н. Крёкшина, следовательно, не рассматривает.

С.И. Елагин, коснувшись опубликованной в 1849 г. части «Журнала» П.Н. Крёкшина о событиях 1709 г., собрал имеющиеся там конкретные данные о вооружении Российского флота в том году на Азовском море.

Обнаружив их несоответствие реальным сведениям из материалов делопроизводства, исследователь жёстко отозвался обо всём сочинении П.Н. Крёкшина: «Ежели все остальные тетради написаны в том же духе, то утрата их не представляет важности для отечественной истории»¹⁵¹.

Исследовав сочинение П.Н. Крёкшина о событиях московской смуты 1682 г., Н.Я. Аристов охарактеризовал надёжность его исторической первоосновы весьма жёстко: «Крёкшин сочинял целые разговоры... он влагает в уста Наталье Кирилловне (матери Петра I. - П.К.) стихотворный плач, сочинённый Полоцким по случаю смерти царя Алексея; он заставил говорить Петра речь на соборе против раскольников, тогда как он и не присутствовал на нём. Все известия, уже преувеличенные Матвеевым (А.А. Матвеев - очевидец событий 1682 г., автор записок. - П.К.), под пером Крёкшина явились ещё более фантастическими...»¹⁵² Как заключал Н.Я. Аристов, «по запискам Крёкшина надобно изучать не время правления Софии, но взгляд на неё и мнения современников императрицы Елизаветы и приверженцев Петра»¹⁵³.

Схож в своём подходе к трудам П.Н. Крёкшина с В.Н. Татищевым, Г.Ф. Миллером, П.П. Пекарским, Н.Г. Устряловым, С.И. Елагиным и Н.Я. Аристовым также углублённо изучавший его труды Е.Ф. Шмурло. По мнению историка, автора серьёзного монографического труда по истории русской исторической мысли XVIII в., с которым нельзя не согласиться, заветная цель П.Н. Крёкшина - представить Петра Великого во всём величии и блеске славы через подробнейшее описание его деяний. Величие и благородство поставленной цели подвигло П.Н. Крёкшина, по мысли Е.Ф. Шмурло, «на благочестивый обман: сплошь и рядом он выдумывал факты, создавал небывалые положения, и притом в самой категорической форме»¹⁵⁴. Е.Ф. Шмурло пришёл к выводу, что сам П.Н. Крёкшин «едва ли... строго отдавал себе

отчёт в приёмах своей работы, наивно полагая дозволенным всё, что, так или иначе, могло служить к прославлению его героя»¹⁵⁵. Он сделал ударение на то, что «„баснословность" и несоответствие Крёкшина требованиям, каким должен был удовлетворять историк, серьёзным и образованным людям ясны были ещё в XVIII веке». Невзирая на сказанное, исследователь творчества П.Н. Крёкшина нашёл нужным отметить, что его произведения нравились и находили своих многочисленных читателей и почитателей и/что у большинства читающей публики «сказки и легенды, передаваемые им как исторический факт, отнюдь не вызывали улыбки... даже люди литературно образованные готовы были серьёзно считаться с ними»¹⁵⁶.

Мнение академика М.М. Богословского об исторических сочинениях П.Н. Крёкшина вполне вписывается в общую традицию, идущую от современников последнего - В.Н. Татищева и Г.Ф. Миллера, знавших его лично и знакомых с его произведениями. Одно из сообщений П.Н. Крёкшина он признавал «чистым вымыслом»¹⁵⁷. Открывающий хронологически цикл произведений П.Н. Крёкшина о Петре Великом труд «о зачатии и рождении» первого российского императора М.М. Богословский рассматривал как «наполовину баснословное повествование»¹⁵⁸. Общее заключение маститого историка таково: «Крёкшин, конечно, писатель недостоверный, его рассказ полон небылиц и выдумок»¹⁵⁹. Сразу же вслед за столь однозначным высказыванием М.М. Богословский, однако, делился с читателями своими сомнениями: «Но как можно выдумывать и сочинять такую точную дату, которую он приводит. Именно её определённости и точности сообщают ей характер вероятности»¹⁶⁰ (речь шла о времени начала обучения царевича Петра Алексеевича грамоте).

Совсем простая и однозначная оценка П.Н. Крёкшина и его научного и литературного творчества дана про-

фессором А.Л. Шапиро. По мнению учёного, он был «малограмотным и непорядочным человеком»¹⁶¹.

Современный исследователь С.А. Мезин рассматривает творчество П.Н. Крёкшина вполне традиционно для историков: «Недостаток подлинного материала он восполнял баснословными преданиями, слухами, откровенным вымыслом»¹⁶².

Все вышеперечисленные учёные исследовали (с разной степенью подробности) историко-литературное наследие П.Н. Крёкшина в целом, не касаясь его труда «О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга», авторство которого донныне оставалось неизвестным. Современный историк и писатель А.М. Шарымов, взгляды которого на это сочинение подробно освещены выше, напротив, как уже говорилось, посвятил многие страницы своих исследований именно анализу манускрипта-загадки «О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга», но не пришёл к выводу, что этот труд является частью творческого наследия П.Н. Крёкшина.

Под другим углом зрения, чем историки, смотрят на историко-литературное творчество П.Н. Крёкшина историки литературы.

Приведя высказывания о творчестве П.Н. Крёкшина В.Н. Татищева и Н.Г. Устрялова, Т.А. Красоткина и Г.П. Блок нашли, что их «оценка хоть и не лишена основания, но чересчур сурова»¹⁶³. Е.В. Колосова рассматривала свойственное П.Н. Крёкшину «введение обширного фантастического элемента и неправдоподобных, вымышленных ситуаций» как его «один из главных литературных приёмов»¹⁶⁴. Она вскрыла явственную связь произведений П.Н. Крёкшина и традиций жанра русской исторической повести XVII столетия, подчеркнула, что такие излюбленные им литературные приёмы, как «внесение фантастического элемента», ссылки на Священное Писание, чрезвычайно типичны для названного жанра¹⁶⁵. Как заключила исследовательница, изу-

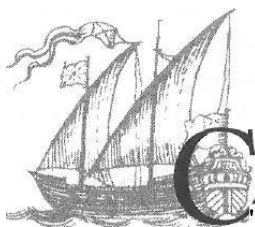
чавшееся ею «Сказание о зачатии и рождении Петра Первого, императора и самодержца всероссийского» - яркий пример угасания литературного жанра исторической повести XVII в. и перерастания его в иное качество - исторический труд XVIII в.¹⁶⁶

Примечательны и выводы, к которым пришла М.В. Николаева, тоже посвятившая особое историко-литературное исследование «Сказанию о зачатии и рождении великого государя императора Петра Первого, самодержца всероссийского» - начальному произведению из писавшегося П.Н. Крёкшиным многотомного цикла трудов о Петре Великом. Она отметила, что создатель произведения «жил тогда, когда история как наука ещё только зарождалась, а приёмы и методы литературного и исторического повествования не всегда чётко дифференцировались»¹⁶⁷. Общее заключение исследовательницы выделяет как раз то, что, как правило, ускользало от внимания «чистых» историков: «...перед нами автор, хорошо знавший искусство художественного слова и писавший не учёный труд, а литературное произведение, в основу которого он положил исторические лица и события»¹⁶⁸. По мнению историка литературы, часто использовавшаяся в сочинении прямая речь «как нельзя лучше способствовала воплощению его авторского замысла»: вкладывавшиеся им в уста монарха слова «приковывали к себе внимание читателей, вызывали доверчивое отношение к сказанному»¹⁶⁹.

Итак, труды исследователей XVIII-XX веков рисуют вполне однозначную картину творческих методов П.Н. Крёкшина: тесное, неразделимое, по существу, переплетение исторических и литературных подходов. Для взвешенной оценки трудов П.Н. Крёкшина полезно вспомнить слова крупного исследователя истории русской литературы Г.Н. Моисеевой: «Русская историография XVIII в. была важным инструментом национально-психологического и патриотического воспитания

читателя. Сближение историописания с литературой наметило те тенденции исторических сочинений, которые привели в начале XIX в. к «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина»¹⁷⁰.

Попытаемся теперь проанализировать документальную первооснову известий об основании и первом годе существования города св. Петра, изложенных в сочинении «О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга», авторство которого было установлено выше.

КАКОВЫ ИСТОЧНИКИ РУКОПИСИ?

Сведения исследуемого произведения П.Н. Крёкшина о торжественной закладке Санкт-Петербурга и первых месяцах бытия будущей столицы России носят уникальный характер: многие описанные в нём события, действия, подробности ни по каким другим сохранившимся источникам более не прослеживаются. Ключевые вопросы - насколько можно доверять приведённым в загадочном манускрипте сведениям «о зачатии и рождении» города, ставшего вскоре столицей Российской империи; каковы источники, использованные при написании манускрипта, насколько высока степень их надёжности?

Существующая литература вопроса отражает достаточно широкий спектр подходов и оценок между двумя крайностями: скептическим подходом, отрицающим за манускриптом какое-либо значение исторического источника, и, напротив, доверительным отношением к сообщаемым в нём фактам (на них просто ссылаются без оговорок и характеристики источника).

Особая значимость поставленного вопроса как раз и заключается в том, что ни один историк, включая посвятивших этому сочинению наиболее пространные исследования Г.А. Немирова и А.М. Шарымова, не выяснял подробно того, каковы же источники, на основании которых написан этот вызывающий столько споров манускрипт.

В первую очередь следует отметить, что совершенно определённо прослеживается некая связь сочинения П.Н. Крёкшина и труда другого петербуржца его современника А.И. Богданова (1696 - 1766), служившего помощником библиотекаря в Библиотеке Санкт-Петербургской Академии наук. Имеется в виду законченное последним в 1751 г. «Описание Санкт-Петербурга», остававшееся не напечатанным до 1779 г. Этот труд - своего рода энциклопедия столичного города Российской империи накануне первого полувека со дня его основания.

С.Л. Пештич отметил, что отдельные места из произведений П.Н. Крёкшина перекликаются с некоторыми моментами трудов о Петре Великом М.В. Ломоносова, точнее, с их источником - сочинением А.И. Богданова¹⁷¹. На стилистическую близость труда А.И. Богданова и сочинения «О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга» - одинаково присущий обоим произведениям «грубый слог» (самооценка А.И. Богданова) - обратил внимание А.М. Шарымов. Проведённое последним сравнение почерка А.И. Богданова и тех, что имеются в рукописи об основании Санкт-Петербурга, показало их явное различие (это может подтвердить и автор настоящей книги). Однако А.М. Шарымов не сумел выяснить, что рассматриваемая рукопись из Эрмитажного собрания значительно более поздняя по времени написания, чем, как он считал, 1720-1727 гг., что работа над ней шла уже после того, как А.И. Богданов завершил свой труд. Вследствие сказанного А.М. Ша-

рымов делал предположения «о знакомстве Богданова с рукописью „О зачатии и здании...“»: «либо Богданов был знаком с этим манускриптом, либо, может быть, даже имел к нему отношение»¹⁷²; утверждал, что труд А.И. Богданова является более поздним по времени содания¹⁷³.

На самом же деле, как представляется автору настоящего исследования, связь между двумя сочинениями как раз обратная: автор рукописи «О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга» П.Н. Крёкшин самым внимательным образом изучил труд А.И. Богданова и использовал его при написании собственного сочинения о начале Санкт-Петербурга.

В чём конкретно проявляется влияние труда А.И. Богданова на сочинение П.Н. Крёкшина?

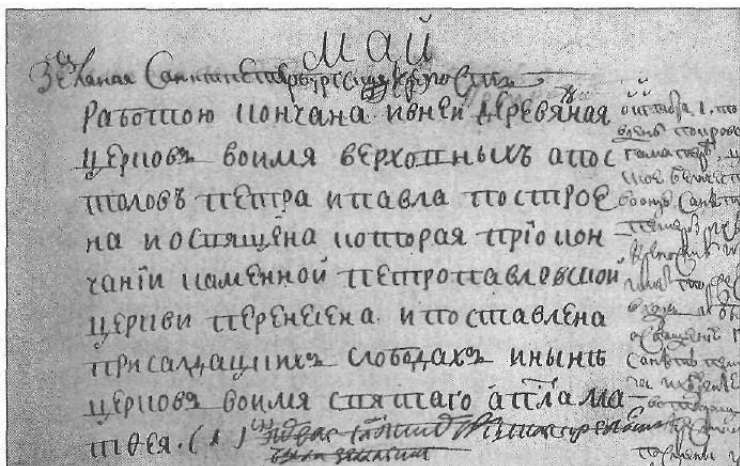
Во-первых, в ряде мест можно заметить наличие текстуальной переклички, близости обоих произведений. П.Н. Крёкшин, следовательно, как было сказано, использовал материалы из исторического произведения А.И. Богданова для написания своего сочинения. Сравним ниже выдержку из подраздела, называющегося «Начало построения Санкт-Петербурга», первой главы исторического труда А.И. Богданова и первые строки рукописи о рождении Санкт-Петербурга П.Н. Крёкшина.

Текст А.И. Богданова:

Текст П.Н. Крёкшина:

*...скоро соизволил Его Величество всюду осмотреть сего места все берега и острова и... избрал удобнейший из всех прочих островов один небольшой островок, посреди Большой Невы лежащий, благоизволил на оном острове заложить крепость..}*⁷⁴

Май. 14. Царское Величество изволил осматривать на взморье устьев Невы-реки и островов и усмотрел удобной остров к строению города (Приложение. Л. 3).

Фрагмент листа из рукописи «О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга» (Л. 9). ОР РНБ

і, пример текстуального сходства фрагментов сочинений А.И. Богданова и П.Н. Крёкшина, касающихся сооружения и судьбы первой деревянной соборной церкви Санкт-Петербурга во имя апостолов Петра и Павла.

Текст А.И. Богданова:

Текст П.Н. Крёкшина:

Соборная церковъ свя-
тых первоверховных апос-
тол Петра и Павла, дере-
вянная... освящена была
оная преосвященным Ио-
вом, митрополитом Ново-
городским, 1703 году. Ся
церковъ перенесена в Сал-
датския слободы Санкт-
Петербурґскаго гарнизона, тола Матфея (Приложе-
которая ныне поставлена и ние. Л. 9).
освящена во имя апостола
Матфея¹⁷⁵.

...деревянная церков во
имя верховных апостолов
Петра и Павла построена
и освящена, которая при
окончании каменной Пет-
ропавловской церкви пере-
несена и поставлена при
Салдацких слободах и ныне
церков во имя святого апос-

Во-вторых, думается, бесспорное влияние А.И. Богданова обнаруживается в одной из сцен во время торжественной закладки Санкт-Петербурга, изображённой П.Н. Крёкшиным. Ознакомление с названным трудом стало для Петра Никифоровича творческим толчком к тому, чтобы литературно-художественным путём «вообразить», что во время действия закладки крепости 16 мая 1703 г. должна была непременно произойти и следующая возвышенная история. Как повествуется в рукописи «О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга», в ров, который при закладке крепости 16 мая 1703 г. начал копать сам монарх, был поставлен высеченный из камня четырёхугольный «ящик». После окропления его святою водой Пётр I «изволил поставить в тот ящик ковчег золотой», заключавший в себе мощи апостола Андрея Первозванного. Затем монарх накрыл «ящик» каменною же крышкой с вырезанной на ней высокаторжественной надписью: «По воплощении Иисус Христове 1703 мая 16 основан царствующий град Санкт-Петербург великим государем царем и великим князем Петром Алексиевичем, самодержцем все-российским». А.И. Богданов, с сочинением которого столь внимательно знакомился П.Н. Крёкшин, многократно описал подобные церемонии с закладкой памятных камней с торжественными надписями. Первый такого рода случай, согласно историческому исследованию А.И. Богданова, произошёл 30 мая 1706 г. Именно в тот день, когда Петру I исполнилось 34 года, началась перестройка Санкт-Петербургской крепости в камне. Она была начата с фланка бастиона светлейшего князя А.Д. Меншикова, в который царь «изволил сам собственными своими руками положить первой камень во основание...»¹⁷⁶. В труде А.И. Богданова можно отыскать немало примеров подобных надписей, достоверность которых в принципе не вызывает сомнений: они списаны историком с сохранившихся исторических документов.

Если же документов о наличии таких надписей не удалось обнаружить, историк делал об этом особые оговорки¹⁷⁷.

П.Н. Крёкшин, на наш взгляд, позаимствовал событийные схемы более поздних подобных событий из исторического труда А.И. Богданова и перенёс их в 1703 г. Могла ли произойти закладка некоего памятного каменного ящика при основании крепости 16 мая 1703 г. на самом деле - это уже другой вопрос.

В-третьих, можно предполагать, что именно из сочинения А.И. Богданова П.Н. Крёкшин позаимствовал в качестве некоего продолжения своего труда в изучаемом Эрмитажном сборнике рукописей текст «Слова в похвалу Санкт-Петербурга и его основателя государя императора Петра Великого...», произнесённого в 1717 г. обер-иеромонахом флота Г.Ф. Бужинским. Оно было помещено А.И. Богдановым в качестве приложения к «Описанию Санкт-Петербурга». «Слово» было впервые издано только в 1772 г.¹⁷⁸, поэтому очевидно, что его текст П.Н. Крёкшин списывал с какой-либо его рукописной копии. Более чем вероятно предположить, что П.Н. Крёкшин воспользовался как раз списком, имевшимся в приложении к рукописному труду А.И. Богданова.

Четвёртое соображение, что А.И. Богданов и П.Н. Крёкшин в своих сочинениях развивают общие темы, имеет косвенное значение. Оба историка подчеркивали сходство деяний императоров Константина Великого и Петра Великого. Первый перенёс столицу из Рима в город, наречённый по его имени Константинополем. Второй основал новую столицу государства на самом краю своих владений и нарёк её именем своего небесного покровителя апостола Петра¹⁷⁹. А.И. Богданов и П.Н. Крёкшин отмечали древность заселения земель Новгородского края славянами и значение «древняго великаго славенскаго Новаграда» - исторического предшественника Санкт-Петербурга¹⁸⁰. Сходство мировоззрения обоих

петербургских историков, объединявшие их любовь к Отечеству, преклонение перед личностью и деяниями Петра Великого дают основание предполагать, что в процессе устного общения они оказывали друг на друга определённое влияние, делились мыслями, фактически-ми сведениями.

Можно предполагать, в частности, что на А.И. Богданова оказало воздействие традиционно проводившееся П.Н. Крёкшиным сравнение деяний Петра Великого и императора Константина. П.Н. Крёкшину даже принадлежит особое сочинение «Экстракт из великославных дел кесарей восточных и западных и из великославных дел императора Петра Великого» (1759)¹⁸¹. К сопоставлению с императором Константином первого российского императора П.Н. Крёкшин обращается и в своём сочинении «О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга» (Приложение. Л. 5 об.-6). Такого же характера сравнения двух императоров, античного и российского, проводятся и на последних страницах труда А.И. Богданова¹⁸².

По всей видимости, А.И. Богданов мог использовать и следующие сведения, сообщавшиеся ему П.Н. Крёкшиным. Пётр Никифорович, как уже говорилось, был убеждённым сторонником того, что изначальную историю «рода славенского» следует излагать в соответствии со «Сказанием о граде Славенске», принадлежащем позднему новгородскому летописанию. Предания, бытовавшие у местного населения, П.Н. Крёкшин рассматривал как дополнительное доказательство того, что это «неложное и непритворное свидетельство, и жители новгородские изстари друг другу об оном сказывают и истории имеют у себя»¹⁸³. Отрывок труда А.И. Богданова, освещающий предысторию Санкт-Петербурга - историю «онаго древняго славенского Новаграда» и «древняго великаго славенского народа»¹⁸⁴, - написан именно в русле воззрений П.Н. Крёкшина.

Одним словом, творческое взаимовлияние П.Н. Крёкшина и А.И. Богданова, думается, отрицать вряд ли возможно. Несомненно, при этом, что именно П.Н. Крёкшин использовал основополагающий труд А.И. Богданова «Описание Санкт-Петербурга» в качестве одного из источников для написания своего произведения «О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга», а не наоборот.

Обращает на себя внимание близость текста труда А.И. Богданова и формулировок «Книги Марсовой». Её первое издание было напечатано в 1713 г., но в продажу так и не поступило, продолжая лежать в виде несброшюрованных листов с текстами реляций о победах русского оружия в Библиотеке Санкт-Петербургской Академии наук. Подборки листов, в виде исключения, продавались лицам, желавшим ознакомиться с ними (в том числе и М.В. Ломоносову)¹⁸⁵. В Библиотеке на протяжении нескольких десятилетий трудился А.И. Богданов, и этот первоисточник был ему явно доступен и известен. Из печати «Книга Марсова» вышла только в 1766 г., но это не отменяет вышесказанного: текстуальную зависимость отрицать невозможно.

В ткань сочинения П.Н. Крёкшина также вплетены летописные предания. Это легенда о том, что апостол Андрей, следуя от Великого Славенска вниз по Волхову, «жезл свой путешественной» водрузил в селении Друзино и благословил местных обитателей. Как видно, в предании обыгрывалось созвучие названия поселения и глагола «водрузить», с помощью которого описывались действия апостола Андрея во время его легендарного путешествия на север Восточной Европы. Историк русской церкви Е.Е. Голубинский полагал, что имя села дало толчок к сложению сказания о водружении или же вогужении апостольского жезла¹⁸⁶. Известный погост Грузино на Волхове действительно иногда именовался в XVIII столетии Друзино¹⁸⁷. Как уже гово-

рил ось, в погосте издревле существовала деревянная, потом каменная церковь во имя апостола Андрея Первозванного. На берегу Волхова в пределах поселения был водружён внушительных размеров поклонный крест. Церковь в Друзине упомянута и в сочинении «О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга» (Приложение. Примечание на л. 9 об.). А.М. Панченко заметил, что вставка в летописное предание об апостольском жезле явно поздняя по происхождению, соперничающая с крестом, который якобы установил Андрей Первозванный на Киевских горах¹⁸⁸.

На страницах исследуемого манускрипта изложено предание о том, что «издревле на оных местах многожды видимо было света сияние...» (Приложение. Л. 10). П.Н. Крёкшин излагает предание о чуде - вощаных свечах, горевших в ночь на Рождество в 1701 г. на суку сосны, росшей на острове, в последующем носившем имя

Пень заповедной государевой» сосны на Санкт-Петербургском острове - свидетельницы основания Санкт-Петербурга, рядом с которым показана молодая сосна. Рисунок Ф. Васильева 1718-1722. ГРМ

Санкт-Петербургского (или Городского), и непостижимым образом бесследно исчезнувших (Приложение. Л. 10 об.). Именно до этого сука, находившегося над поверхностью земли на высоте около двух сажень, доходила, как «чухна разглашали», бывало, во время наводнений вода. «В народе великое было сомнение, - повествует П.Н. Крёкшин, - и Царское Величество при присудствии своем повелел оную сосну срубить... которой сосны пень и доныне видим» (Приложение. Л. 10 об.).

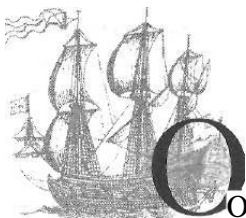
Что последнее предание - не плод литературно-художественного творчества П.Н. Крёкшина, не его выдумка, но что оно действительно имело хождение среди петербургских жителей в первые десятилетия существования города, доказывает то, что его близкий вариант включён в собрание достопамятных историй о Петре Великом, записанных Я. фон Штелиным. Этот учёный-немец, профессор Санкт-Петербургской Академии наук проживал в городе на Неве в течение полстолетия, с 1735 по 1785 г. Он ссылается на сделанную им запись соответствующего рассказа голштейнского немца Кёнига, служившего во времена Петра I в Санкт-Петербурге секретарём вице-канцлера П.П. Шафирова и вторично прибывшего в Россию в 1743 г. (скончался в 1751 г.)¹⁸⁹. Вариант предания, услышанный Я. фон Штелиным, имеет некоторые не столь уж существенные отличия от крёкшинского. Высокое старое дерево названо ольхой, но росло оно там же - вблизи берега Невы на Санкт-Петербургской стороне, неподалеку от церкви. Согласно рассказу Кёнига, первоисточником слуха, что «в ближайшем сентябре месяце столь великое будет потопление, что вода превысит помянутое дерево», оказался русский мужик, недовольный переселением в новые места. Широко разнёсшийся слух привёл «жителей сего нового города, а особливо легковёрную чернь, в страх и беспокорство», поэтому рассерженный царь, подозревая в этой выдумке» кого-нибудь из знатных людей, недо-

вольных новым его городом» и переносом столицы в Санкт-Петербург, «велел то дерево срубить», выявить и наказать «ложного сего пророка»¹⁹⁰.

Целый ряд использованных П.Н. Крёкшиным источников не связаны прямо с событийной стороной рождения Санкт-Петербурга. Они свидетельствуют о широкой начитанности автора и общекультурном кругозоре. Включая в своё сочинение отсылки к самым разнородным памятникам письменной культуры, писатель явно стремился поставить факт появления Санкт-Петербурга в контекст мирового исторического процесса. Прослеживается связь с древнерусской литературной традицией. Так, имеется ссылка на «Повесть о белом клобуке» - русское легендарно-публицистическое произведение второй половины XVI в. (Приложение. Л. 12-12 об.). П.Н. Крёкшиным сделаны также прямые ссылки на библейские пророчества (Приложение. Л. 12 об.). Остается неизвестным, какими он пользовался печатными изданиями или рукописными текстами переводов Библии. Слова о «четвёртой - Северной монархии» в изложении П.Н. Крёкшина обнаруживают вполне осязаемую текстуальную близость с пророчествами Даниила в толковании сна Навуходоносора о четвёртом царстве в современном переводе Библии¹⁹¹ (Приложение. Л. 12 об.). Тем не менее искусственность привязки библейских пророчеств Даниила к России вполне очевидна. Русский автор добавил, что «четвёртое царство», предсказанное пророком Даниилом, - это именно Северная монархия, Российская империя, родившаяся при Петре Великом (Приложение. Л. 11 об.).

Все вышеназванное - особенности П.Н. Крёкшина как историка и литератора. О них так писал в своё время П.П. Пекарский: «Сочинитель... вырос на старинных преданиях нашей книжной учёности, поэтому и мысль, и изложение сильно напоминают у него старинные исторические рассказы»¹⁹².

Однако первостепенен для оценки значения рукописи П.Н. Крёкшина о начальной истории Санкт-Петербурга именно источниковедческий разбор уникальных, точно датированных днями известий за май 1703 г.

КАК БЫЛ ЗАЛОЖЕН САНКТ-ПЕТЕРБУРГ?

Обстоятельства рождения будущей столицы Российской империи в майские дни 1703 г. и поныне скрыты покровом тайны. Значение сочинения П.Н. Крёкшина «О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга», в котором с высокой степенью подробности описаны обстоятельства закладки градообразующей крепости 16 мая 1703 г., другие события мая и октября того года, в силу сказанного представляется исключительно большим. Других источников, с такой детализацией излагающих историю основания Санкт-Петербурга, в распоряжении исследователей до настоящего времени нет.

В отечественной историографии, как уже было сказано, наличествуют, по существу, два полярно противоположных подхода к оценке надёжности сообщаемых в манускрипте-загадке фактов. Один подход - что ни на есть высоकोдоверительное отношение к приведённым в нём сведениям. Противоположный подход - полное отрицание за рукописью значения исторического источника. Некоторые авторы занимают промежуточные позиции, выдвигают более сложные схемы появления этого историко-литературного памятника.

С.Д. Степанов, современный автор трудов по истории Петропавловской крепости, - представитель первого из названных, «доверительного» подхода. Не сделал огово-

рок, он описывает начало сооружения крепости в полном соответствии с текстом и со ссылкой на Эрмитажную рукопись: «...на небольшом островке, расположенном в дельте реки Невы и имевшем два названия - Луст-Эй-ланд (Весёлый остров)¹⁹³ и Ени-Саари (Заячий остров), 16 мая 1703 года, в день Пятидесятницы, в присутствии генералитета и статских чинов «по прочтении молитвы на основание града и по окроплении святою водою» была заложена крепость Санкт-Петербург»¹⁹⁴.

Напротив, широко известный историк-петербурговед П.Н. Столпянский изложенную в рукописи «О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга» торжественную церемонию закладки крепости на Заячьем острове целиком рассматривал как легенду или предание («гласит легенда или предание»)¹⁹⁵. Подводил итог своим рассуждениям историк следующими словами: «Таким образом, Пётр не накладывал крестообразно дёрн, не копал рва, не опускал в него ковчег с мощами св. Андрея Первозванного, над Петром не парил орёл: крепость на островке Енисари заложил в отсутствие Петра его любимец Меншиков»¹⁹⁶. Современный историк Е.В. Анисимов развивает мысли в русле этого же историографического направления. Вывод историка однозначен: 16 мая 1703 г., в день основания Санкт-Петербурга, при закладке крепости на острове «не было ни торжества по случаю закладки, ни царя, ни духовенства»¹⁹⁷.

Что же сообщается в манускрипте «О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга» о кануне и самом дне заложения крепости на Заячьем острове; в какой степени следует доверять этим известиям?

Приведённые в изучаемом сочинении точные датировки многих событий за май 1703 г., как сразу же может показаться, заставляют полагать, что они извлечены из некоего современного событию первоисточника: дневника очевидца, походного журнала государственного деятеля и т. п. Так ли это на самом деле?

Исследовательский путь для перепроверки точно датированных сообщений Эрмитажной рукописи за май 1703 г. естествен и очевиден: это сопоставление их с надёжными сведениями из современных событиям первоисточников.

Согласно рукописи П.Н. Крёкшина, 14 мая 1703 г. царь «изволил осматривать на взморье устьев Невы-реки и усмотрел удобной остров к строению города». Однако источник, современный событию, утверждает иное. Походный журнал Бомбардирской роты Преображенского полка, капитаном которой являлся сам монарх, сообщает, что 11 мая 1703 г. из места расположения русских войск вблизи взятого Нюенсканса/Ниеншанца самодержец-капитан роты поехал в Шлиссельбург по суше, 13 мая «гулял» на Ладожском озере на яхте, а 14 числа приехал «на Сяское Устье»¹⁹⁸. Запись была сделана очевидцем. Следовательно, доверять в данном случае Эрмитажной рукописи, как это делает А.М. Шарымов, полагавший, что «14 мая царь явился на остров (Заячий. - П.К.), ему уже знакомый»¹⁹⁹, нет оснований.

14 мая 1703 г. Пётр I был далеко от устья Невы, при впадении реки Сяси в Ладожское озеро. Чем был вызван интерес монарха к посещению этого места - понятно. 18 апреля 1703 г. боцман И.А. Сенявин писал царю, что на верфи, расположенной у села Сяское Устье (или Сясьские Рядки), достроены два фрегата, получившие имена «Сясьский 1-й» и «Сясьский 2-й» (или «Фан Сас» 1-й и 2-й). Они, согласно письму И.А. Сенявина, уже стояли на воде и шло полным ходом их оснащение: установка мачт, рей, бегучего такелажа. Отделка кают к тому времени была завершена. «С сего числа, - писал И.А. Сенявин, - в 2 недели совсем будут в готовности»²⁰⁰. Иными словами, к началу мая 1703 г. боцман И.А. Сенявин обещал закончить отделку и оснащение спущенных на воду фрегатов. Одновременно до сведения монарха доводилось: «...корабли широки да коротки...»²⁰¹

Боцман предполагал один из них оснастить тремя мачтами («с безаном»; с бизань-мачтой), другой - тоже тремя мачтами с дополнительным парусом на гафель-рее («с гафелем»). Цель неодинакового оснащения малых фрегатов - опробовать в деле «из тех двух на ходу, который лучше будет». Боцман сомневался и спрашивал монаршего распоряжения: «Пожалуй, государь, отпиши ко мне, угодно ли тебе так будет или нет?». Письмо было получено Петром I на следующий день в Шлиссельбурге²⁰². На верфи с начала 1703 г. велось также строительство пяти яхт и пяти каг - судов грузового типа (в мае 1703 г. их постройка была закончена); на исходе зимы - в начале весны 1703 г. там же развернулось сооружение шести шмаков - судов для перевозки грузов²⁰³. Стремившийся успеть везде, царь желал лично осмотреть фрегаты, первенцев рождавшегося Российского флота на Балтике, и ознакомиться с ходом дел на верфи. Возможно, царь также хотел убедиться, пригодны ли они будут для того, чтобы спустя несколько дней перевезти по Ладоге и Неве к Шлотбургу посольство Великого княжества Литовского.

Источник сведений анализируемого манускрипта из Эрмитажного собрания о 14 мая 1703 г. остается неизвестным. Выше была отмечена тесная текстуальная близость этого отрывка с трудом А.И. Богданова «Описание Санкт-Петербурга». Не приписал ли П.Н. Крёкшин к несколько переделанной им части текста А.И. Богданова дату? Это вполне действенный литературный приём, если стремиться к тому, чтобы написанное выглядело убедительно.

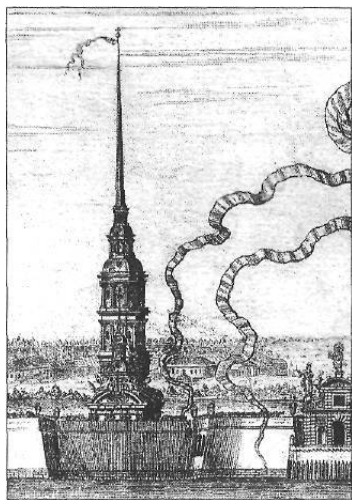
Выше уже упоминалось, в какие сомнения повергло М.М. Богословского свидетельство П.Н. Крёкшина, имеющее точную дату, относительно того, достоверно оно или нет. Е.Ф. Шмурло, имевший сомнения того же рода, тщательно сопоставил произведение П.Н. Крёкшина «Журнал» деяний Петра I в 1683 г. с современны-

ми событиям надёжными источниками и обнаружил «выдуманные речи... деланность, сочинённость». Он показал, что в этом труде П.Н. Крёкшина было «искусственно уже само распределение материала по дням...»²⁰⁴.

Е.Ф. Шмурло, тщательным образом изучив различные произведения П.Н. Крёкшина, сумел раскрыть тайну его авторской методики. Историк исследовал, в частности, документальную первооснову его сочинения о жизни Петра I в 1683 г. Подённое изложение П.Н. Крёкшиным хода событий заставляло Е.Ф. Шмурло, следуя формальной логике, первоначально предполагать использование им неких дворцовых ежедневных записей, в которых изо дня в день фиксировалось то, что делали цари. Сопоставив, однако, крёкшинскую хронологию действий монархов с сохранившимися документальными первоисточниками, так называемыми «дворцовыми разрядами» и записями дворцовых приказов, он с удивлением обнаружил, что о действительно важных реальных событиях из жизни царей в тексте П.Н. Крёкшина часто нет ни слова. Напротив, к примеру, 4 апреля 1683 г., в Великую среду, он «заставил» обоих царей посетить Успенский собор в Кремле, где они, по известию дворцовых разрядов, как раз тогда не были. Проделав подобное скрупулёзное сопоставление «крёкшинской» и реально бывшей, восстановленной по подлинным и надёжным документам истории, учёный заключил: «После этого, разумеется, с трудом веришь и тому, что рассказывает автор о военных забавах царя, каждый раз с приурочиванием их к известному определённому дню... На каждом шагу противоречия документальным данным, П.Н. Крёкшин сплошь и рядом явления более позднего времени приурочивает к 1683 году»²⁰⁵.

В рукописи П.Н. Крёкшина событиям 14 мая 1703 г., с описания которых и начинается повествование, придан высокотожественный характер. Оказавшись на середине острова, Пётр I услышал шум крыльев орла, парив-

шего в воздухе. Монарх явно усмотрел в этом знак Небес (литературных параллелей здесь бесчисленное множество) и, взяв багинет (вставлявшийся в дульную часть фузеи нож с широким лезвием) у солдата, вырезал два куска дёрна, положил их крестообразно, затем водрузил в них сделанный им самим здесь же деревянный крест. При этом, «водружая крест в реченные дерны», самодержец произносит точно зафиксированную Эрмитажной рукописью фразу: «Во имя Иисус Христово на сем месте будет церков во имя верховных апостолов Петра и Павла» (Приложение. Л. 3). Нетрудно заметить в изложенных здесь действиях Петра I литературное уподобление его апостолу Андрею Первозванному, который, как далее повествуется в рукописи, «следуя к стране Санкт-Петербургской» от Великого Славенска по Волхову, на берегу реки, «благословив оное место, водрузил жезл свой путешественной» (Приложение. Л. 9-9 об.).

*Вид на Петропавловский собор с Невы
Фрагмент гравюры А.Ф. Зубова
«Панорама Санкт-Петербурга»
1716*

Осмотрев остров, где было намечено заложить крепость, монарх тогда же проследовал пешком вдоль берега Невы по будущему Санкт-Петербургскому острову и, «взяв топор, ссек куст ракитовой» - там следовало построить церковь во имя Троицы. Для размышлений о правдоподобности последнего факта стоит отметить, что, согласно А. И. Богданову, церковь на этом месте заложили и возвели много позже - только в 1710 г.²⁰⁶. В тот же день самодержец, «мало отшед, ссек второй куст», где вско-

ре, как далее повествуется в рукописи, был срублен его первый бревенчатый «дворец» (Приложение. Л. 3 об.).

На следующий день, 15 мая 1703 г., согласно рукописи П.Н. Крёкшина, монарх послал несколько рот солдат с тем, чтобы очистить берега острова от леса (Приложение. Л. 3 об.). А.М. Шарымов считал это распоряжение царя реальностью («коль скоро 15 мая царь отдал приказ о расчистке острова...»)²⁰⁷. Если царь в этот день присутствовал в Шлотбурге (так был переименован отобранный у шведов Ньюенсканс), то такой приказ вполне мог быть отдан. Говоря об узко поставленном выше вопросе, послал ли Пётр I 15 мая 1703 г., прибыв в тот день в Шлотбург, несколько солдатских рот, чтобы очистить от зарослей Заячий остров, скорее, следует считать, что П.Н. Крёкшин хорошо вжился в образ и логику событий и считал, что он может так написать.

Такое действие монарха, в самом деле, вполне логично, оно могло бы иметь место, но было ли так на самом деле, исторические первоисточники молчат.

Необходимо ответить на вопрос, где 15 мая 1703 г. находился Пётр I. Журнал Бомбардирской роты, зафиксировавший присутствие монарха 14 мая 1703 г. на Сясьском Устье, не содержит за этот день никаких записей. О следующем дне, дне основания Санкт-Петербурга, сказано обезличенно: «В 16 де[нь], в неделю Пятдесятницы, пошли». Запись за 17 мая сообщает,

».....—1

с

*Троицкий собор на Санкт-Петербургском острове
Фрагмент гравюры Г. де Вита
«Торжественный ввод в Санкт-Петербург взятой шведской эскадры 9 сентября 1714 г.», 1714*

куда на следующий день пришли бомбардиры Преображенского полка: «В 17 де[нь] приехали на Лодейную пристань»²⁰⁸. Итак, Преображенские бомбардиры 16 мая двинулись с Сясьского Устья на Олонецкую верфь (именовавшуюся так по названию уезда) и прибыли (очевидно, на телегах) к Лодейной пристани (иначе Лодейное Поле), где на берегу напротив широкого плёса Свири строились на стапелях корабли Российского Балтийского флота, 17 мая 1703 г. Если с 11 по 14 мая 1703 г. журнал Бомбардирской роты фиксирует присутствие своего капитана-самого царя рядом с лицом, которое делало записи, («капитан пошел», «на яхте гулял», «приехал»), то за 16 и 17 мая записи совсем иного рода - неопределённо-личные («пошли», «приехали»).

Важнейшее наблюдение о том, куда прибыл 15 мая 1703 г. царь, сделал Г.А. Немиров. В тот день в Шлотбурге на письме из Москвы от начальствовавшего Разрядным приказом боярина Т.Н. Стрешнева, снабжённом пометкой: «Господину, господину капитану поднестъ», что подчеркивало его важность и обязательность вручения лично в руки монарху, была сделана приписка о получении: «Принета с почты в Шлотбурхе майя 15 1703»²⁰⁹. Г.А. Немиров, правда, оговаривался, что почтовая пометка сделана не рукой Петра I (что как раз и соответствовало заведённому порядку. - *П.К.*), а «потому допускает различные толкования»²¹⁰. Представляется, скорее, прав А.М. Шарымов, полагавший, что вскрытие послания на имя царя в его отсутствие, по существу, даже невозможно представить. По мнению историка, слово «принета» означало «не просто факт прихода письма в царскую канцелярию, но именно факт «принятия» его царём «с почты», то есть из рук в руки от вестового ...»²¹¹. В самом деле, если бы царь не возвратился в тот день в Шлотбург, без тени сомнения можно утверждать, что это письмо в ту же минуту отправили бы туда, где он находился в тот час. Водный путь от устья Сяси до Шлот-

бурга по Ладожскому озеру и Неве составляет около 160 км; ещё быстрее можно было его достичь в ночь с 14 на 15 мая сухопутными дорогами.

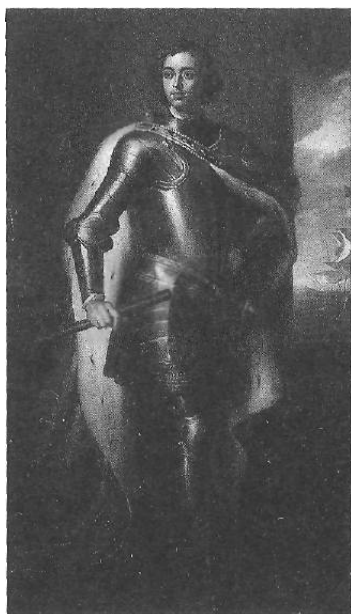
Однако на вопрос, присутствовал ли царь при закладке 16 мая 1703 г. крепости на Заячьем острове, ряд учёных, как уже было ранее отмечено, доныне отвечают «не был». В этой связи интересно вспомнить основные вехи полемики, ведущейся по этому вопросу на протяжении около полутора столетий.

Историографическое «первенство» в выдвигании и обосновании мысли об отсутствии Петра I при закладке крепости на Заячьем острове 16 мая 1703 г. принадлежит историку П.Н. Петрову. Он написал об этом в книге, впервые напечатанной в 1884 г. Историк положился на известия лишь одного источника - походного журнала, который вёлся в Бомбардирской роте Преображенского полка.

Рассуждение П.Н. Петрова породило устойчивую историографическую традицию, поэтому целесообразно поместить его целиком: «Под 14-м числом мая записано: „Приехали на Сяское Устье“; 16 мая „в неделю Пятидесятницы (т. е. в Троицын день. - П.К.) пошли“ далее с Сясьского Устья, где производилась спешная стройка мореходных судов. Наконец под 17 мая 1703 г. записано в Преображенском журнале: „Приехали на Лодейную пристань“. Заметки эти велись при государе в дежурстве, и, стало быть, в точности ежедневного взноса в них только того, что было, не остается ни малейшего сомнения. Между тем 16 мая 1703 года, когда Пётр I находился на Сяси, ему предписывается, вполне ошибочно, заложение Петербурга на Неве»²¹². Некто, скрывающий имя под инициалами В.Н., позднее высказывался даже столь решительно: «Оспаривать записи походного журнала - дело настолько же нелёгкое, насколько и бесполезное»²¹³. Корифеем исторического петербурговедения С.П. Луппов, однако, так отозвался об исследова-

тельском подходе П.Н. Петрова: «Недостатком Петров'а как исследователя является то, что временами он излишне поспешен в своих выводах; при этом часто свои заключения он выдаёт за факты, не делая необходимой оговорки»²¹⁴.

Непонимание П.Н. Петровым того простого обстоятельства, что Пётр I не пребывал безотлучно среди сослуживцев по Бомбардирской роте Преображенского полка, слишком бросалось в глаза и сразу же вызвало возражения по существу. Академик А.Ф. Бычков заметил, что П.Н. Петров неправильно отнёс «записи «юрнала» 1703 года под 16-м и 17-м мая, касающиеся лица, ведшего этот «юрнал», к Петру Великому» и поэтому неверно попытался передвинуть дату закладки крепости на Заячьем острове с 16 мая на 29 июня 1703 года²¹⁵.

*Портрет Петра!
Живописец Г. Нелавр. 1697*

Копия Белли. Середина XIX в. ГЭ хайла ФеодОрОВИЧа (1613-

Действительно, есть необходимость подробнее объяснить особенности службы Отечеству Петра Великого. Как не раз упоминалось, капитаном Бомбардирской роты являлся сам монарх, именовавшийся в качестве рядового «подданного» Петром Алексеевым сыном Михайловым (или Михайлов, Михайлоф). Фамилию Михайлов, попутно стоит заметить, по представлению автора монографии, царь взял себе по имени собственного деда, родоначальника новой династии на престоле Россий-

и д е р ж а в ы — ц а р я м и —

1645). Если первые цари новой династии (вышедшие из старомосковского боярского рода Романовых), помазанные божьи, по средневековой византийско-русской традиции, фамилии, конечно, не имели, то Пётр I, первый русский монарх, мысливший уже мировоззренческими понятиями Нового времени, фамилию себе позволил избрать самостоятельно: Михайлов. Когда царь выступал в качестве Петра Первого, самодержца всероссийского, он именовался официально Пётр Алексеевич. Если же монарх действовал как обычный россиянин на службе Отечеству, то его писали в документах Петром Алексеевым сыном Михайловым. Не встречается ни одного случая, когда бы Пётр I, последний русский царь и первый император всероссийский, назвал себя по родовому прозвищу предков, давших начало новой династии, Романовым.

П.Н. Петров не учёл того, что служба Петра Алексея сына Михайлова капитаном в Бомбардирской роте Преображенского полка - это лишь одна из многочисленных ипостасей столь не вписывающейся в привычные рамки личности царя-преобразователя. Монарх продвигался по ступеням служебной лестницы в качестве обычного «подданного»: от рядового плотника-судостроителя до корабельного мастера (1697), от барабанщика в «потешной» роте до генерала (1713), от матроса до адмирала (1721). Тем самым самодержец как бы давал личный пример собственным подданным: всем следует начинать служить Отечеству с самых нижних чинов. Царь вовсе не обязательно большую часть времени проводил в войсках и Бомбардирской роте Преображенского полка, или на верфях по званию корабельного мастера, или же на кораблях военно-морского флота. «Служба» Петра Алексея сына Михайлова по военно-сухопутному ведомству ни в малейшей степени не затмевала первенствующего значения выполнения монархом функций главы государства. Напротив, разноплановая деятель-

ность царя подобно отдельным кусочкам смальты встраивалась в общее грандиозное «мозаичное» панно действий монарха по управлению государством.

Среди делопроизводственных бумаг Петровской эпохи встречаются документы, способные озадачить тех, кто не знаком с описанным выше характером царской службы. Например: «1721 сентября в 7 день великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич всеа Великия и Малыя и Бelyя России самодержец указал имянным своим великого государя указом вице-адмирала от синяго флага Петра Михайлова за мною ево службу написать в адмиралы от красного флага и его, великого государя, жалованье давать ему по ево рангу и указу и сей указ в Адмиралтейской коллегии записать в книгу». Указ был заручён подписями генерал-адмирала Ф.М. Апраксина, шаутбенахта (старинное название чина контр-адмирала) галерного флота М.Х. Змаевича, генерал-майора Г.П. Чернышева, цейхмейстера Х.Г. Отто и полковника Г.В. Норова²¹⁶. Или, можно привести обычную делопроизводственную запись в документе за 8 сентября 1703 г.: «Карабль «Штандарт»...Капитан на сем карабле пошел в поход господин Петр Алексеевич Михайлов...»²¹⁷ Записей подобного рода известно немало.

Столь уверенно высказанное П.Н. Петровым суждение, которое, по существу, является лишь предположением, гипотезой, периодически вызывает сполохи научных споров. Немало копий было сломано по этому вопросу учёными и представителями заинтересованной общественности в первой половине 1903 г., накануне празднования 200-летнего юбилея основания столицы Российской империи. Прения развернулись тогда главным образом на страницах газеты «Новое время».

Открыла полемику статья Н.А. Энгельгардта «Когда праздновать юбилей Санкт-Петербурга?»: «Из всех государственных юбилеев, которыми оказалось столь богато „начало века“, самый значительный, несомненно,

двухсотлетний юбилей нашей столицы. Это воистину „праздников праздник и торжество торжеств“, так как чувствовать русские люди будут творение Петра Великого, его любимое чадо - северный „парадиз“²¹⁸. Далее автор повторил в статье и как бы возродил изложенные выше взгляды П.Н. Петрова²¹⁹. Н.А. Энгельгардта оспорил предметно занимавшийся проблемой рождения Санкт-Петербурга Г.А. Немиров²²⁰.

Профессор С.Ф. Платонов в краткой заметке выделил главное, то же, на что указывал и академик А.Ф. Бычков: «...на „журнал“ 1703 года нельзя ссылаться в вопросе о времени основания Петербурга. Лицо, ведшее „журнал“, называет Петра „капитаном“ и говорит о нём под 11 мая и 21 июля. Известия же прочих чисел мая и июня относятся не к Петру, а к лицу, ведшему „журнал“. Не Пётр, а автор „журнала“ был 16 мая на Сясьском Устье»²²¹.

Эту же мысль детально и убедительно развивал А.В. Половцов. Он подчёркивал, что корень ошибочного умозаключения П.Н. Петрова в том, что он неверно, без доказательств отождествил журнал Бомбардирской роты с камер-фурьерским, то есть с таким, который постоянно вёлся при особе царя. А.В. Половцов в категорической форме утверждал: «...не подлежит никакому сомнению, что „журнал“ есть журнал передвижений Бомбардирской роты, вследствие чего и царь Пётр именуется в „журнале“ не иначе как капитаном и о нём говорится лишь постольку, поскольку это касается роты»²²²; «лишь между прочим, время от времени»; «только в тех случаях, когда он „к нам“, то есть в роту, возвращается»²²³. Вывод А.В. Половцова вполне логичен: «Итак, с 11-го по 14-е мая Пётр был с ротой, 16-го же и 17-го рота двигалась уже без него, и вернулся он к роте лишь 21-го июля, как видно из записи в «журнале»: «Июля в 21-й день, то есть в среду, капитан к нам приехал на Лодейную пристань»²²⁴. По расчёту А.В. Половцова, «покинув роту 14-го мая днём или вечером, царь Пётр свободно

мог доехать до устья Невы 15-го или утром 16-го и заложить в этот день Петербург...»²²⁵. Любопытно, что в статье А.В. Половцова есть ссылка на сказание о действиях Петра I при закладке Санкт-Петербурга: «К этому дню относится сказание о том, что Пётр взял у солдата багинет (штык), вырезал им два продолговатых куса дёрну, положил их крестообразно один на другой и сказал: „Здесь быть городу“...»²²⁶ Совсем нетрудно догадаться об источнике сказания: это, как представляется автору настоящей монографии, уже искажённые стоустой молвой круги, расходившиеся в обществе от публикации Г. В. Есипова(1863).

Военный историк П.О. Бобровский уверенно заявлял: «...в день закладки крепости Санкт-Петербурга, 16-го мая 1703 года, царь Пётр „яко капитан Бомбардирской роты“ спешил к Лодейной пристани, чтобы личным присутствием подвинуть замявшиеся кораблестроительные работы»²²⁷. Но ни одного доказательства, опирающегося на первоисточники, для своего тезиса автор привести не смог. Его доводы сводились к косвенным соображениям о том, что Петру I в те дни было «необходимо осмотреть работы по кораблестроению и дать указания приведённым на помощь иностранным мастерам своим собственным мастерам» в Лодейном Поле. А 20 мая 1703 г., полагал историк, царь был уже снова в Шлотбурге на берегах Невы. Историк поступил весьма «интересно»: документальных свидетельств, приведённых участниками дискуссии, которые противоречили его предположению, он просто не коснулся²²⁸. В логике П.О. Бобровского есть заметный изъян. Он полагал вслед за П.Н. Петровым, что 14-17 мая 1703 г. царь не мог оставить Бомбардирскую роту и прибыл-таки в Лодейное Поле, хотя этому нет документальных подтверждений. Приехав же на верфь у Лодейной пристани, царь почему-то теперь легко её оставил, и 20 мая надёжные источники снова фиксируют его нахождение в Шлот-

бурге. Когда историку нужно было подтвердить собственную гипотезу, то царь, оказывается, не мог оставить бомбардиров. Когда же «доказательство» отсутствия монарха 16 мая 1703 г. на Заячьем острове было путём этой натяжки «получено», то он уже смог без помех оставить Бомбардирскую роту в Лодейном Поле и до 21 июля того года там более не появляться! Более того, когда нужно было подтвердить гипотезу П.Н. Петрова, то историк считал вполне оправданным не поднимать вопроса, почему в походном журнале Бомбардирской роты нет записи об отъезде «капитана» Петра Михайлова 17, 18 или 19 мая 1703 г. с верфи у Лодейной пристани обратно в Шлотбург. Одна гипотеза, следовательно, в исследовательской конструкции П.О. Бобровского накладывается на очередные гипотезы, а реальные факты, реально существующие свидетельства источников, противоречащие «излюбленному» им предположению, в которое историк твёрдо «верил», оставлены без ответа.

Уже в 1980-е гг. В.В. Мавродин не разбирал доказательств ни «за», ни «против» по этому непростому сюжету. Историк описал исторические события в соответствии лишь с одной из точек зрения: «В день закладки крепости - 16 мая - Петра не было на Заячьем острове: 11 мая царь уехал в Лодейное Поле, откуда вернулся в Шлотбург лишь 20 мая. Фактически закладку крепости на Заячьем острове на месте крохотного „поселения чухонского“, жители которого вымерли, вёл не Пётр, а его „друг сердешный“ А.Д. Меншиков»²²⁹.

А.М. Шарымов все имевшиеся в литературе доказательства «за» и «против» присутствия Петра I 16 мая 1703 г. на Люст-Эланде свёл воедино, дополнил и изучил в совокупности.

Во-первых, это обращенное к Петру I письмо боярина Т.Н. Стрешнева от 7 мая 1703 г. из Москвы (адрес на конверте: «Господину, господину капитану отдать»), которое было вручено именно в Шлотбурге 15 мая²³⁰.

Как заключал А.М. Шарымов, это письмо - «документ, веско аргументирующий уверенность в пребывании в этот день царя, лично принявшего послание своего „министра“, на Неве, а не на Сяси...»²³¹.

Во-вторых, 13 мая 1703 г. Пётр I написал генерал-фельдмаршалу Б.П. Шереметеву из Шлиссельбурга в Шлотбург о том, чтобы он ехал к осаждённой русскими войсками крепости Ямы только «назавтрея праздника», то есть лишь на следующий день после Троицы. Завершалось же письмо словами: «...а я сам буду завтра к вам»²³². А.М. Шарымов рассматривал эти слова как «ключевое историческое свидетельство», считал, что им «документально и неопровержимо зафиксировано намерение царя Петра быть 14 мая в Шлотбурге»²³³.

В-третьих, 17 мая 1703 г., на следующий день после заложения крепости на Заячьем острове, в Шлотбурге состоялось пожалование постельничего Г.И. Головкина в кавалеры ордена Св. Андрея Первозванного (за участие в ночном бою 7 мая 1703 г.). А.М. Шарымов высказывался в связи с этим фактом так: «Нет никакого сомнения в том, что награждение это могло совершиться только в присутствии государя, который, конечно, лично утверждал все списки награждаемых и присутствовал на церемониях, если они ему были доступны. А тут всё было доступно...»²³⁴

Целый блок документальных материалов, приведённых в книге А.М. Шарымова, связан с доказательством того, что до 21 июля 1703 г. Пётр I на верфи в Лодейном Поле не бывал.

17 мая 1703 г., когда царь якобы прибыл на Лодейную пристань, майор гвардии, кораблестроитель Ф.С. Салтыков и бомбардиры-корабелы А.В. Кикин, И.Д. Кочет и М.Г. Собакин послали монарху в Шлотбург поздравительное послание. «Это письмо кажется, - писал А.М. Шарымов, - достаточно ясно решает все вопросы о том, был ли царь Пётр в тот день на Олонецкой

верфи... Ведь будь он там, разве пришло бы в голову Салтыкову с товарищами писать царю поздравительное письмо?»²³⁵

21 июля 1703 г. царь прибыл на Олонецкую верфь и на следующий день написал А.Д. Меншикову, что достраивавшийся там фрегат («Штандарт») не «во всём против пропорции, также и в прочем». В ответ губернатор выражал сожаление: «...конечно, если бы Ваша милость застал его пораньше, когда он еще не в отделке был, то мог бы исправиться он изряднее...»²³⁶ Вывод А.М. Шарымова вполне естествен и оправдан: монарх «впервые приехал туда только 21 июля», «это ещё одно доказательство того, что 16 мая 1703 г.... Пётр I не отправлялся со своими бомбардирами на Свирь, а был уже на Неве»²³⁷.

Что Пётр I не ездил 16-17 мая 1703 г. на Олонецкую верфь в Лодейном Поле говорят и письма А.Д. Меншикова от 22 и 25 мая того года из Шлиссельбурга коменданту Олонецкого уезда И.Я. Яковлеву. В письмах сообщается, что царь намерен ехать на Олонецкую верфь «х карабелному строению» начиная с 1 июня 1703 г. и к его приезду следует «устроить светлицу», сделать кровать²³⁸. Следующий из содержания писем вывод вполне очевиден: монарх на Олонецкой верфи на Свири до 25 мая ещё не бывал!

Е.В. Анисимов тоже не рассматривал выдвинутые А.Ф. Бычковым и другими исследователями возражения на тезис П.Н. Петрова, что Пётр I не присутствовал во время закладки своего любимого детища - крепости, города и порта на Балтике, морских ворот страны на Запад, пробитых сквозь владения Швеции. Вышедшая к 300-летию рождения Санкт-Петербурга книга Е.В. Анисимова «Юный град» по настоящему вопросу вторит мыслям П.Н. Петрова, причём утверждается, что его предположение разделяет «большинство историков Петербурга». Появился также новый неясный момент:

самой науки, а в сфере политики». Историк считал, что этот исторический «спор был порождён идейно-политическими условиями, сложившимися в России XVIII в.¹³⁹

М.В. Ломоносов и П.Н. Крёкшин обращали внимание власть предержащих, по существу, именно на то, что умозаключения Г.Ф. Миллера подрывали традиционные основы национально-государственной идеологии России, основывавшейся не в малой степени на незыблемости положения о приходе апостола Андрея на Русь. Это литературного происхождения сказание уходит в глубину веков. В рамках средневекового мировосприятия сказание содействовало самоутверждению русской народности: предки жителей Руси видели первого из учеников Иисуса Христа и были им благословлены! Старинная легенда о пребывании апостола Андрея на землях Руси в I веке н. э. давала основания претендовать на высокое место страны в иерархии межгосударственных отношений христианской Европы. Первый русский император использовал её самым основательным образом.

Заложенная Петром I в идейное основание национально-государственной доктрины России легенда о посещении апостолом Андреем Первозванным коренных земель Руси позволяла показать Европе идущие из глубины веков корни великодержавного положения страны среди европейских держав Нового времени. Именно такого международного положения удалось достичь стране в итоге широкомасштабной реформы конца XVII - первой четверти XVIII в. Первый русский орден молодой царь Пётр I в 1699 г. учредил в честь апостола Андрея Первозванного. Именно с Петровских времён российский военно-морской флаг - белое полотнище с голубым Андреевским крестом.

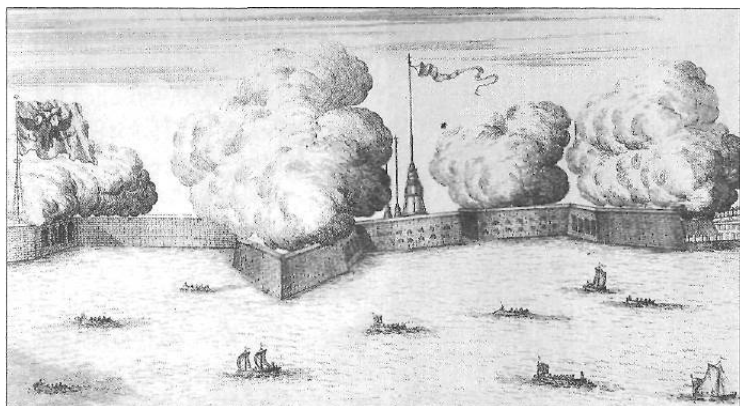
В XVIII в. идеи сказания о приходе Андрея Первозванного на Русь были распространены и в народной, и в правительственной среде. Для примера, близкий сподвижник Петра I думный дьяк А.А. Винуис в послании

царю по поводу возвращения России выхода к Балтийскому морю, отправленном 12 мая 1703 г., осмысливал это событие именно через символику этого летописного сказания: «...за предстательством святого российского проповедника и апостола Андрея, иже и Варяжских дойде пределов, во знак своего креста ныне [о дивное чудо!] по желанию вашему государскому от пристани океанской (города Архангельского. - П.К.) до Азова, а от Слотенбурха до Астрахани совершил... замкнение по число четырех частей вселенских четыре дивныя пристанища...»¹⁴⁰ Иными словами, в витиеватой фразе обыгрывалось сходство с косым Андреевским крестом воображаемых прямых линий между Архангельском и Азовом, между Шлиссельбургом и Астраханью - российскими портами на четырёх морях.

Относившиеся с самым трепетным пиететом к деяниям Петра Великого, придавшего новое национально утверждающее звучание летописному сказанию об апостоле Андрее Первозванном, М.В. Ломоносов и П.Н. Крёкшин не могли позволить себе стать соучастниками разрушения в итоге научной дискуссии несущих политико-идеологических конструкций средневековой и новой российской государственности. М.В. Ломоносов не отказался от своей позиции относительно диссертации Г.Ф. Миллера и много позднее. Когда в 1761 г. Г.Ф. Миллер в выпущенных Санкт-Петербургской Академией наук изданиях «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие»¹⁴¹ и на немецком языке в «Собрании русской истории»¹⁴² воспроизвёл мысли своей диссертации 1749 г., М.В. Ломоносов снова резко отозвался о сути и направленности этого сочинения Г.Ф. Миллера: «Всего доказательнее его злоба, что он в разных своих сочинениях вмещает свою скаредную диссертацию о русском народе по частям и, забыв свое наказание, хватается, что он ту диссертацию, за кою штрафован, печатает золотыми литерами»¹⁴³.

почему историк в подкрепление своего утверждения сослался на «Журнал, или Подённую записку» Петра I - так при первом издании в 1770 г. была названа М.М. Щербатовым «Гистория Свейской войны». Е.В. Анисимов пишет: «Большинство историков Петербурга, опираясь на „Журнал, или Подённую записку" Петра Великого за 1703 г., утверждают, что 16 мая, то есть в момент закладки крепости, царя на Заячьем острове не было - с 11 по 20 мая он находился в Лодейном Поле»²³⁹. К мнению, что 16 мая 1703 г. «Пётр I был далеко от дельты Невы и закладкой крепости руководил губернатор А.Д. Меншиков», примкнула в новейшей работе и Е.А. Андреева²⁴⁰.

«Гистория Свейской войны» писалась в последние годы правления Петра Великого под наблюдением самого императора. Это весьма надёжный и насыщенный фактами источник по истории Петровской эпохи, и в нём без каких-либо двусмысленностей, чётко сказано, что монарх отправился из Санкт-Петербурга в Лодейное Поле «для дела морских судов» только после того, как при его личном участии была одержана победа над корпусом шведского генерала А. Крунгйорта. Бой же с полками А. Крунгйорта произошёл на реке Сестре 7 июля 1703 г.²⁴¹ О присутствии или же отсутствии царя при закладке 16 мая 1703 г. крепости на Люст-Эланде в ней не проронено ни слова. В источнике говорится буквально следующее: «По взятии Канец отправлен воинский совет, тот ли шанец крепить или иное место удобнее искать (понеже оной мал, далеко от моря и место не гораздо крепко от природы), где положено искать новова места. И по нескольких днях найдено к тому удобное место - остров, которой назывался Люст-Элант, то есть Веселый остров, где в 16 день мая (в неделю Пятидесятницы) крепость заложена...»²⁴² В зачёркнутом первоначальном тексте роль Петра I выделена в большей степени: «Между тем же временем господин капитан бомбардирской изволил обыскать единой остров, зело

*Вид Санкт-Петербургской (Петропавловской) крепости
Фрагмент гравюры Г. де Вита «Торжественный ввод в Санкт-Петербург
взятной шведской эскадры 9 сентября 1714 г.». 1714*

удобной положением места, на котором в скором времени, а именно мая в 16 день в неделю Пятидесятницы, фартецию заложили...»²⁴³ Таким, образом, как это любил делать Пётр I, его действия скрыты за обезличенными формулировками. Историк Н.И. Павленко об этой особенности царя-реформатора писал следующее: «...царь никогда не выпячивал своего руководства той или иной операцией, предпочитая скрывать за анонимными местоимениями множественного числа „мы“, „нас“ личный вклад...»²⁴⁴

Итак, до настоящего времени некоторыми историками оставляются без ответа выдвинутые ещё более столетия назад доводы, опирающиеся на документы 1703 г., о присутствии Петра I при основании города, ставшего вскоре столицей Российской империи. На веру принимается выдвинутая П.Н. Петровым гипотеза, которая, следует особо подчеркнуть, донныне не получила какой-либо опоры в свидетельствах первоисточников. Напротив, вывод П.Н. Петрова встретил твёрдый отпор в трудах немало числа учёных, разобравших его «допуски» и прямые ошибки. До настоящего времени не удалось

*Портрет П.П. Шафинова
кисти неизвестного живописца
До 1720. Ярославский
художественный музей*

обнаружить ни одного источника, в котором бы прямо говорилось, что царь отсутствовал в Шлотбурге и прилегающих местах 16 мая 1703 г.

20 мая 1703 г. Пётр I принимал в Шлотбурге посольство Великого княжества Литовского - посла, мозырского старосту М. Халецкого «с товарищи». Посольство прибыло по Неве на двух боевых кораблях. Когда корабли с послами, посольскими дворянами и их людьми подошли «к ТТГлп-

бурху», то, как сказано в статейном списке приёма посольства, «со взятого шведского карабля, которой стоял близ города, поздравляли приход тех караблей... пушечной стрельбою из всех пушек». В ответ с каждого из подошедших к крепости кораблей салютовали из 15 пушек. После этого каждый из посольских кораблей отдельно приветствовали выстрелами из Шлотбурга: «палили в городе... ис пушек толиким же числом». К посольским кораблям «от Его Царского Величества» (курсив наш. - П.К.) был послан тайный секретарь П.П. Шафиров «в барже государевой, в которой гребцы были все в бархатных бостроках и штанах»²⁴⁵. П.Н. Крёкшин, как видно, ещё не служил в тот год гребцом на «барже государевой». Иначе, можно не сомневаться, листы рукописи «О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга» были бы насыщены яркими подробностями, в том числе и встречи посольства Великого княжества Литовского. В Эрмитажной же рукописи о первом посещении Шлотбурга иноземным посольством не проро-

нено ни слова. Может быть, к Шлотбургу прибыли новопостроенные на верфи в Сяськом Устье малые фрегаты «Сясьский 1-й» «Сясьский 2-й» создававшегося российского флота для Балтийского моря? Не на эти ли корабли так стремился посмотреть царь на Сяськой верфи в напряжённой обстановке подготовки к началу сооружения новой крепости?

*Портрет Ф.А. Головина
Гравюра П. Шейка. 1706*

Что с 20 по 30 мая 1703 г. царь пребывал именно в устье Невы, свидетельствуют несколько его посланий. Они имеют отметки об отправлении из Шлотбурга²⁴⁶. 21 мая 1703 г. там же принимается очередное письмо от Т.Н. Стрешнева с указанием: «Вручить Господину, господину капитану»²⁴⁷. Такую же отметку имеют и письма на царское имя, которые были вручены монарху 22 и 23 мая 1703 г. в Шлотбурге²⁴⁸. Пребывание Петра I в те дни в Шлотбурге, констатировал Г.А. Немиров, несомненно²⁴⁹.

К изложенным доказательствам в пользу царского присутствия в день заложения крепости на Заячьем острове можно добавить ещё одно немаловажное свидетельство, выявленное в архиве автором книги. Среди подборки деловых писем («отписок») Б.П. Шереметева, посланных Ф.А. Головину, есть роспись трофейных припасов со шведских шнявы «Астрильд» и яхты «Гедан», захваченных на взморье в ночь на 7 мая того года под командованием капитана бомбардиров Петра Михайлова²⁵⁰. Роспись была адресована так: «В Новгородском приказе боярину нашему Феодору Алексеевичу Головину с товарищи»²⁵¹. На обороте последнего листа документа есть делопроизводственная запись: «Подал

Портрет БЛ. Шереметева кисти ИЛ. Аргунова. Вторая половина XVIII века. Дворец Шереметевых на Фонтанке (Санкт-Петербург)

сию роспись каптен Бомбардирской роты адмиралу»²⁵². Иными словами, роспись была вручена адмиралу Ф.А. Головину лично монархом в качестве капитана Бомбардирской роты. Главное же заключается в том, что датирован документ был совершенно определённо: «Писан в нашем великого государя походе в Шлотбурге лета 1703 мая в 15 день»²⁵³!

Следовательно, во-первых, генерал-фельдмаршал Б.П. Шереметев, как ему и предписывал царь в письме от 13 мая 1703 г., действительно находился в устье Невы 15 мая на месте предстоявшего в Троицын день действия. Под его ведением была подготовлена и передана царю «Роспись». Во-вторых, и это несравненно важнее, капитан бомбардиров Пётр Михайлов, получив роспись шведских трофеев, своеручно отдал её в Шлотбурге начальнику Новгородского приказа, боярину и адмиралу Ф.А. Головину. Роспись была написана и, так сказать, отправлена по назначению 15 мая 1703 г. - она и находится среди «отписок» Б.П. Шереметева того дня. Нет никаких отметок о посылке росписи из Шлотбурга в иные места. Послания на царское имя, да ещё от столь высокого военного чина, как генерал-фельдмаршал, доставлялись с предельно возможной скоростью. Посылать документ далеко и не требовалось. Царь находился там же в Шлотбурге. Ему в тот же день вручили роспись, как командовавшему тем отрядом лодок с солдатами, который в жестокой ночной абордажной схватке овладел этими двумя боевыми кораблями

шведов. Капитан бомбардиров как военный чин обязан был быстро исполнить поручение генерал-фельдмаршала, к тому же столь приятное. Первое тогда после монарха лицо в государстве, начальник Посольского, Новгородского и других приказов, ближний боярин адмирал Ф.А. Головин постоянно пребывал в Шлотбурге.

Таким образом, вновь выявленные документы из Походной канцелярии Б.П. Шереметева, вся совокупность обстоятельств 14-15 мая 1703 г. заставляют оставить последние сомнения: к 15 мая самодержец возвратился в военный лагерь в устье Невы, имея намерение на следующий день вместе с важнейшими государственными чинами заложить новую крепость, сердце будущего города Санкт-Петербурга!

Как лее оценить после всего вышесказанного литературное «воссоздание» П.Н. Крёкшиным событий 16 мая 1703 г. - торжественной закладки Санкт-Петербурга?

П.Н. Крёкшин в сочинении «О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга» не преминул подчеркнуть сходство действий Петра I с тем, что совершил император поздней античности Константин Великий (306-337). Как повествует П.Н. Крёкшин, императору Константину было божественное видение во сне «о построении в Востоке града». После этого «великий и равноапостольный царь Константин», избирая место для будущего города, предпринял морское путешествие. Рядом с городом Византием император узрел в небесах летящего орла, который держал в лапах строительную верёвку и другие орудия каменщиков. Строительные инструменты орёл на глазах императора положил у стены города Византия. Именно на этом месте монарх и возвёл новый город, наречённый им «во имя свое Константинград» (Приложение. Л. 5 об.-6).

Описание торжественной закладки Санкт-Петербурга на страницах манускрипта - это воспроизведение, как представляется, той же литературной схемы. Спустя

четырнадцать столетий после того как свершился перенос столицы Римской империи из Рима в Византии и переименование города в Константинополь, Пётр I повторял в главном действии императора Константина I Великого. Оба монарха лично участвовали в церемониях закладки и освящения новых крепостей. Император Константин I Великий заложил в 324 г. рядом со стенами древнего Византия, основанного ещё в 660 г. до н. э., новый невиданных размеров город²⁵⁴. 4 ноября 326 г. снова при личном же участии императора Константина заложили новую западную стену города. Пышные торжества по случаю освящения новопостроенной крепости города и наречения её Новым Римом в присутствии императора прошли позднее - только 11 мая 330 г.²⁵⁵ Вскоре за Новым Римом закрепилось иное название в честь императора - «Константинополь», и император с ним согласился²⁵⁶. На берегах Босфора в 324 г. императору Константину, согласно возникшей ещё в античные времена легенде, строительные орудия и верёвки на место постройки новой части города принесли орлы²⁵⁷. Над Петром I тоже 14 мая 1703 г., в день избрания места для будущей крепости - ядра города, и в день её закладки, 16 мая, парил орёл - знак благоволения Небес. 14 мая царь «почувствовал шум в воздухе», «усмотрел орла парящего» и «шум от парения крыл его был слышан». «Зделав крест из дерева», монарх водрузил его посреди острова, обозначив место для сооружения храма (Приложение. Л. 3). П.Н. Крёкшина не смутило даже слишком известное обстоятельство, что орлы в этих северных местах не обитают.

Действия Петра I величественны. Они соответствуют божественному предопределению (следование предначертанию апостола Андрея Первозванного), подобны действиям «равноапостольного» Константина Великого, перенёсшего столицу в город, названный по его имени, и получают благословение Небес (символический

полёт орла). Литературность, искусственность, следование П.Н. Крёкшиным отработанной схеме в изложении данных событий вполне очевидны. Проводя столь чётко исторические параллели между основанием Константинополя и рождением Санкт-Петербурга, П.Н. Крёкшин стремился подчеркнуть всемирное значение последнего события, и это эффектное сопоставление - свидетельство его широкой исторической начитанности и высокого патриотического настроения.

Описывая события основного торжества, произошедшего в день Троицы 16 мая 1703 г., П.Н. Крёкшин насытил их православной символикой. Когда *после Божественной литургии* монарх прошествовал из Шлотбурга на судах Невою «с ликом святительским, и генералитетом, и статскими чины» на остров Люст-Эланд и *«по освящении воды, и по прочтении молитв на основание града, и по окроплении святою водою*, взяв заступ, первее начал копать ров», тогда, как повествует П.Н. Крёкшин, *«орел с великим шумом парения крыл от высоты (именно с самой высоты Небес! - П.К.) опустился и парил над оным островом»*. Самодержец вырезал три куса дёрна, принёс их к месту, где был уже выкопан на глубину около двух аршин (полтора метра) начатый им ров. Туда был поставлен высеченный из камня «ящик». *Его окропили святою водою. Внутрь «ящика» сам царь поставил золотой ковчег с мощами св. апостола Андрея Первозванного*. Каменный «ящик» монарх закрыл каменною же крышкою. Возложив на крышку *каменного саркофага с апостольскими мощами* ранее принесённые три дёрна со словами: *«Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь»*, как сказано в рукописи, монарх «основал царствующий град Санкт-Петербург». Со стороны всех присутствовавших на торжественном православно-церковном действе последовали поздравления царю. Его Величество в свою очередь изволил благодарить всех поздравлявших. Раздалась «многая пушечная пальба». В это же время *«орел*

Иисусъ христово, на се мѣсте будѣ
 црковъ. Воиша върховныхъ апосто-
 ловъ Петра и Павла (1) тогда
 номъ осмотрѣнии онаго острова
 исполнивъ предписанъ тогда
 стоящимъ въ строити попорки
 Нынѣ же въ городѣ и про нѣрехомъ имѣе
 тѣхъ же (2) по прѣшествіи тро-
 шона и шествіи на островъ
 (3) исполнивъ шествіе вапъ по-
 бѣрѣгу върхъ нѣвы рѣки и въ
 попоръ. Свѣтъ нѣсть раятпо вой
 (4) имало отъ шедъ (свѣтъ второй
 нѣсть) (5) и себѣ вълюбіи изво-
 ливъ шествіе вапъ върхъ нѣ-
 вою рѣкою. Хманецкою црковати.

15. изволивъ послати нѣколи
 по ропъ солдатъ, повелѣлъ
 берега онаго острова очисти
 и леса върѣхъ инасти выжи
 трѣною высекитъ усмотрѣно
 гнѣздо орлово, того острова на-
 дѣреть.

16. по еста вѣдѣ пятидесятины

(1) нынѣ на онѣ мѣсте наменная соборная црковь
 върховныхъ апостоловъ Петра и Павла.
 (2) во онамъ строити стовахъ вполнѣхъ лѣса Варго
 лѣвнѣ востанѣ въ попорѣ.
 (3) попорки нынѣ именуется санктпетербургскій
 (4) на онѣ мѣсте нынѣ црковь въ гонимыи тѣхъ
 (5) на онамъ мѣсте первой дѣворѣ.

по божественной литургіи снѣгомъ
 снѣжити снѣгомъ и генералитетомъ
 исплатилими чини отъ канцель-
 исполмъ шествіе вапъ на судакъ
 рекою нѣшою, и поприбытіи на об-
 ропъ люи странѣ и по освященіи
 воды и по прибіеніи молитвъ
 на основаніе града, и по обратнѣ
 сяномъ водою взявъ заступтъ
 прѣрѣе еомъ на кама. по гатъ
 ропъ тогда орѣлъ. степи нѣмъ
 шумомъ пареніа ирѣмъ отъ вы-
 соки отпустила и парнѣ набо-
 номъ островомъ.

Царское величество отъ шедъ ма-
 ло върѣзавъ три дѣрна иazole
 принѣста по означенному мѣсту,
 въ время Запатаго вѣа вышота-
 но было земли около двохъ ар-
 шинъ. Глубины и вѣмъ тѣмъ по-
 ставленъ сѣтвероугольной ящичъ
 въ сѣенной и знамя, и по обратнѣ-
 ній того ящича снѣгомъ водою
 исполнивъ поспавити въплотъ
 ящичъ по вѣгъ Золоттой, въ имъ
 мощи святатаго апостола андрѣя.

Разворот рукописи «О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга» (Л. 3 об. - 4)

видим был над островом парящий». Монарх, отойдя в протоке, огибающей Люст-Эланд с севера, после литии и кропления святою водою изволил заложить крепостной раскат. «Тогда была вторишная пушечная стрельба», - повествуется в манускрипте П.Н. Крёкшина. Размерив, где следует строить ворота, самодержец всея Руси вырубил две высоких и тонких берёзы, вставил их в проделанные в земле отверстия, отметив тем самым место сооружения будущих ворот. В самый момент установки монархом в землю второй берёзы *орёл спустился с небес* и сел на одну из берёз, которыми было обозначено место крепостных ворот. Орёл был снят с ворот оказавшимся рядом ефрейтором Одинцовым. Царь, говорится в манускрипте, «о сем добром *предзнаменовании* весьма был обрадован», перевязал лапы орла платком, надел на руку перчатку, посадил орла на руку и *повелел снова петь литию*. Размеченные к постройке «ворота» *окропили святою водою*. Грянула «третичная ис пушек пальба», монарх «изволил вытти во оные ворота, держа орла на руке», и, сойдя на яхту, возвратился «в дом свой царской» в Шлотбург. Там участвовавшее в торжестве «зачатия» новой крепости *духовенство («лик святительской»)*, генералитет и «статские чины» были приглашены на пир, затянувшийся до двух часов ночи. Пиршество сопровождала «многая пушечная стрельба» (Приложение. Л. 4-5 об.; курсив использован для выделения православной символики).

ГА. Немиров и следовавший в главном по проторенному им исследовательскому пути А.М. Шарымов не увидели в повествовании П.Н. Крёкшина о событиях 16 мая 1703 г. на острове Люст-Эланд его литературно-художественной первоосновы, его историко-литературного сходства с действиями Константина Великого (которое так стремился подчеркнуть П.Н. Крёкшин). Названные историки полагали, что даже паривший над особою царя 14 и 16 мая 1703 г. орёл, своевременно являвшийся с вы-

соты небес в «нужные» кульминационные моменты церковно-обрядовых действий, вполне может соответствовать историческим реалиям²⁵⁸. Г.А. Немиров оговаривался, что, «весьма возможно», парение орла 16 мая 1703 г. было «искусно подстроено для угождения царю»²⁵⁹. Современная исследовательница О.Г. Агеева, напротив, верно отметила, что в изучаемой рукописи «повествование строится на символической интерпретации событий, свойственной средневековому мировоззрению» .

Не раз в исторической литературе отмечалось глубоко личное отношение Петра I к церковному празднику Троицы. Именно укрываясь за мощными стенами Троице-Сергиева монастыря, под защитой его святых Божьих угодников, царь в 1689 г. сумел одержать победу над своими политическими противниками и получить реальную власть в Московском государстве. Не случайно, надо предполагать, и закладку каменного Петропавловского собора в Санкт-Петербургской крепости самодержец тоже приурочил ко дню праздника Святой Троицы - 8 июня 1712 г.²⁶¹

Надо особо отметить, что П.Н. Крёкшин был превосходно осведомлён о том, как во времена Петра Великого проходили церемонии закладки крепостных сооружений или, например, военно-морских кораблей. В 1706 г. в Киеве Пётр I, удостоверившись, что «киевская фортеция имеет зело худую ситуацию», самолично избрал место для возведения новой, отвечавшей современным требованиям инженерно-фортификационного искусства - Киево-Печерский монастырь. Затем «Его Величество фортецию размерел и заложил... (при сем был сам один инженером)». Заложение новой крепости было приурочено к 15 августа, празднику Успения Богородицы. На торжестве присутствовали сам самодержец всероссийский, глава Русской Православной Церкви, местоблюститель патриаршего престола митрополит Рязанский Стефан (Яворский), начальник Разрядного

приказа боярин Т.Н. Стрешнев, думный дьяк А.И. Иванов «и протчии». Подробнее характер светской и церковно-обрядовой церемонии источник не раскрывает: «...того дня крепость Печерскую заложили и молебен пели»²⁶². Примечательно, что имевшаяся в первоначальном тексте фраза: «Оной крепости фундатором, или инженером, был сам Его Величество» - была вычеркнута²⁶³ и в окончательный вариант «Истории Свейской воины» не вошла²⁶⁴

Интересно ознакомить читателей с обрядом закладки 4 мая 1712 г. трёхлинейных кораблей на Соломбальской верфи вблизи Архангельска, которые предназначались для усиления Российского флота на Балтике. Дело в том, что всё это действие совершалось «во имя Святой Троицы» (сходство с основанием Санкт-Петербурга в праздник Святой Троицы). Сценарий торжества был разработан архангелогородским вице-губернатором А. А. Курбатовым. В его основу легла православная церковная обрядность и народные обычаи. Особый упор делался на «священное» число три: три закладываемых корабля, три священнослужителя, которые наносили каждый по три удара топором по килевому брусу. «При начале карабелного строения» архимандрит Михайло-Архангельского монастыря с соборным протопопом, ключарём и дьяконом должен был отправить «молебное пение с водоосв[я]щением». Потом полагалось прочесть соответствующие молитвы «с преклонением колен» - «особливое действо о начатии дела кораблей». По завершении «всего действия» священнослужители обходили и окропляли освящённую водою заготовленные для кораблестроения лесоматериалы и «места», где следовало начать постройку кораблей, также внутри амбаров и кузниц. После этого следовало просить трёх священнослужителей, (архимандрита «и прочих двух»), чтобы они «во имя Святыя Троицы» «первое бревно фундаментальное (то есть составную часть кия. - П.К.) по три кратно назна-

чили топором своими руками». Торжество закладки трёх линейных кораблей на Соломбале по народной традиции должен был завершить пир. Первоначально празднество было намечено «на пяток Святыя недели», но из-за весеннего разлива вод Северной Двины, подтопивших верфь, его перенесли на воскресенье, 4 мая 1712 г., когда оно и состоялось²⁶⁵.

В подробностях по нескольким надёжным источникам известно, как происходила закладка императором Петром Великим крепости Кронштадт на острове Котлин в октябре 1723 г. Это реально произошедшее действие очень близко изображённой П.Н. Крёкшиным торжественной закладке Санкт-Петербургской крепости на Заячьем острове 16 мая 1703 г.

4 октября 1723 г. император, пребывая на яхте в гавани острова Котлин, согласно его походному журналу, «делал чертёж фортеции Котлинской», а после полудня «был на работе». По прямым указаниям монарха место будущей крепости отмечали маленькими ровиками и приготавливали дёрн и фашины²⁶⁶. На следующий день монарх снова трудился над чертежом, а после полудня снова «был на работе» на месте будущей церемонии²⁶⁷. Утром 6 октября 1723 г. Пётр Великий закончил чертёж, после чего слушал литургию. Во втором часу пополудни «собрались все знатные персоны» и «совсем было приготовлено, чтоб тогда заложить крепость», но непогода сорвала замысел: место предстоявшего обряда было залито нагонной водой с моря²⁶⁸.

Только 7 октября 1723 г. произошла церемония начала сооружения крепости Кронштадт. Чтобы оценить сходство самой «схемы» совершившегося тогда торжества с тем, что написано П.Н. Крёкшиным о дне рождения Санкт-Петербурга, ниже помещено описание закладки крепости Кронштадт по походному журналу императора: «А во 2-м часу пополудни заложили таким образом: перво был молебен с водоосвящением, и на молебне имя-

нована Кронштат, а по молебне наперёд сам Его Величество изволил положить три дернины, потом Ея Величество государыня императрица изволила положить також три дернины, после того протчие все по одной дернине, и как положили все, то Его Величество угол обрезал, как быть болверку, а с Кроншлота учинена из пушек стрельба. Потом салдаты и матрозы стали носить и класть дёрн; и, как положили в длину до указанного места, а в ширину по 8-ми дернин, тогда на том заложен салдатам и матрозам был погреб, а знатным господам подношено было по покалу хорошаго вина бургонскаго. На вечер сидели все в доме у генерала-фелтмаршала князя Меншикова и ночевали все по своим судам»²⁶⁹.

Кто мог находиться в государственной свите при закладке крепости на Заячьем острове 16 мая 1703 г., установить нетрудно. Сопровождение монарха должно было быть очень высокопредставительным. Как видно из приведённых выше примеров начала строительства крепостей и линейных кораблей, вопрос о представительности на церемониях такого рода расценивался как один из важнейших. Чем выше был ранг участников обрядового

Портрет АД Меншикова
кисти неизвестного живописца
1716-1720. ГЭ, Дворец Меншикова

действия, тем, считалось, большее значение имело происходившее. В государственном походе к Ньюенскансу участвовал ближний боярин, начальник Посольского, Новгородского и нескольких других приказов адмирал Ф.А. Головин²⁷⁰ - в те годы фактический глава русского «правительства». Специально было предписано царём генерал-фельдмаршалу Б.П. Шереметеву, КОТОРЫЙ КОМАНДО-

вал войсковым корпусом, овладевшим устьем Невы, отправляться из Шлотбурга к Ямам только «назавтрея праздника» Троицы, то есть 17 мая. По должностному положению ингерманландского губернатора должен был участвовать в церемонии закладки новой крепости в устье Невы А.Д. Меншиков. Отсутствие этих ключевых лиц 16 мая 1703 г. на Заячьем острове, по сути, трудно даже допустить. Следует отметить, что Санкт-Петербург закладывали в первую очередь (считая по высоте их положения в российской пирамиде государственной власти) кавалеры ордена Св. Андрея Первозванного (!): Пётр I (1703), первый кавалер этого ордена Ф.А. Головин (1699), Б.П. Шереметев (1702) и А.Д. Меншиков (1703). Рядом с царём в те дни в Шлотбурге находились и 16 мая 1703 г. они должны были, следуя логике события, «усилить»

Портрет Г.И. Головкина. Живописец И.Н. Никитин. 1720-е. ГТГ

Портрет А.И. Репнина кисти неизвестного живописца 1724. ГЭ, Дворец Меншикова

представительность государевой свиты (говорилось, что этому придавалось первостепенное значение) также другие важные государственные чины. Среди них следует выделить следующих: постельничий Г.И. Головкин, гене-

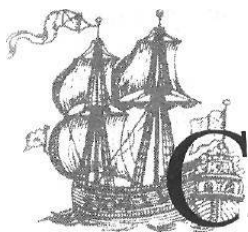
Портрет Я.В. Брюса. Гравюра неизвестного мастера. 1710-е

рал князь А.И. Репнин, командовавший двумя полками гвардии генерал-майор И.И. Чамберс, генерал-майор артиллерии Я.В. Брюс, полковник гвардейского Семёновского полка князь М.М. Голицын²⁷¹, тайный советник П.П. Шафиров...

Как хорошо видно теперь, исторический кругозор П.Н. Крёкшина относительно событий 1703 г. в устье Невы не следует преувеличивать. Историк, как уважаемый читатель может самостоятельно увидеть в Приложении, знакомясь с текстом сочинения «О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга», наряду с рельефно, ярко показанной в действе закладки крепости личностью самого монарха Петра Алексеевича, выделяет лишь царского фаворита губернатора возвращённой стране провинции А.Д. Меншикова. Остальные государственные деятели, их действия в день основания крепости, в день начала славной истории Санкт-Петербурга, и даже просто сам факт их присутствия на месте вершившегося события в произведении П.Н. Крёкшина отражены только общо («с... генералитетом и статскими чины»). Сказанное, конечно, в очередной раз свидетельствует: историк действовал, воссоздавая картину начала строительства крепости на Заячьем острове, преимущественно методом художественно-литературным. Он использовал наиболее надёжные факты, в которых, как считал, нельзя сомневаться: присутствие на церемонии Петра I, А.Д. Меншикова и хорошо известную устоявшуюся русскую православную традицию закладки крепостей.

Итак, как же всё-таки происходила закладка Санкт-Петербурга 16 мая 1703 г. - остаётся неизвестным. Начало строительства Санкт-Петербургской крепости в реальных подробностях не описано ни одним из современников, ни одним из очевидцев. Может быть, такой первоисточник ещё будет найден?

Сочинение же П.Н. Крёкшина, как теперь очевидно, не может претендовать на роль реально отразившего историю «зачатия» Санкт-Петербурга.

СОЗИДАНИЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА. ГОД 1703: РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ ВЫМЫСЕЛ?

Только ярко изображённые П.Н. Крёкшиным события закладки крепости 16 мая 1703 г. на Заячьем острове - плод художественного воспроизведения реальностей прошлого, и только в этом качестве и могут оцениваться. Однако не отразились ли в произведении П.Н. Крёкшина известия первоисточников о последующих событиях из жизни Санкт-Петербурга в первый год его истории?

Начнём со следующего датированного известия.

Г.А. Немиров считал, что известие Эрмитажной рукописи о начале строительства домика Петра I (стоящего поныне близ берега Невы на Петроградской стороне Санкт-Петербурга) 24 мая 1703 «весьма правдоподобно»²⁷², но, на наш взгляд, это тонко выверенный литературно-сочинительский приём П.Н. Крёкшина. Этот «факт» ничем не выделяется из построенного сочинителем манускрипта событийного ряда за май 1703 г. Нельзя согласиться и с современной исследовательницей Т.А. Базаровой, которая полагает, что сообщение о постройке солдатами из свежесрубленного леса первого

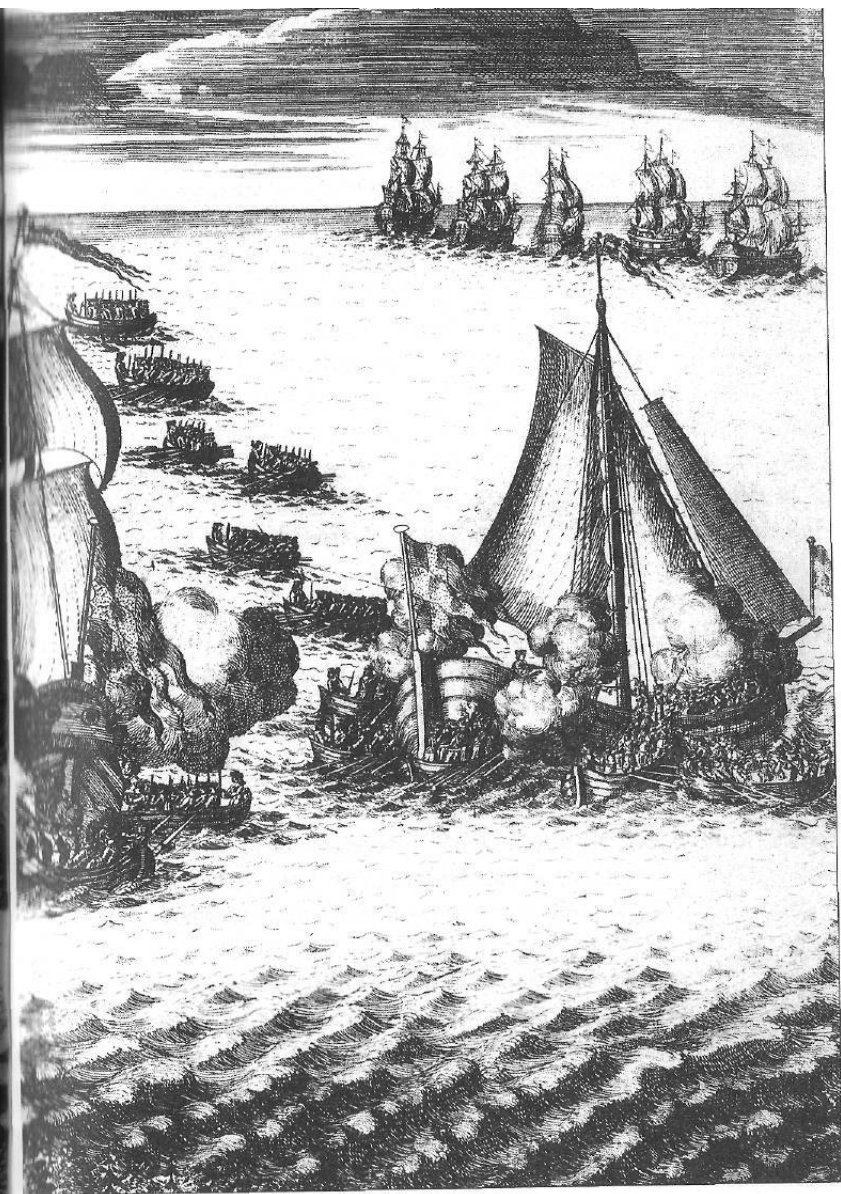
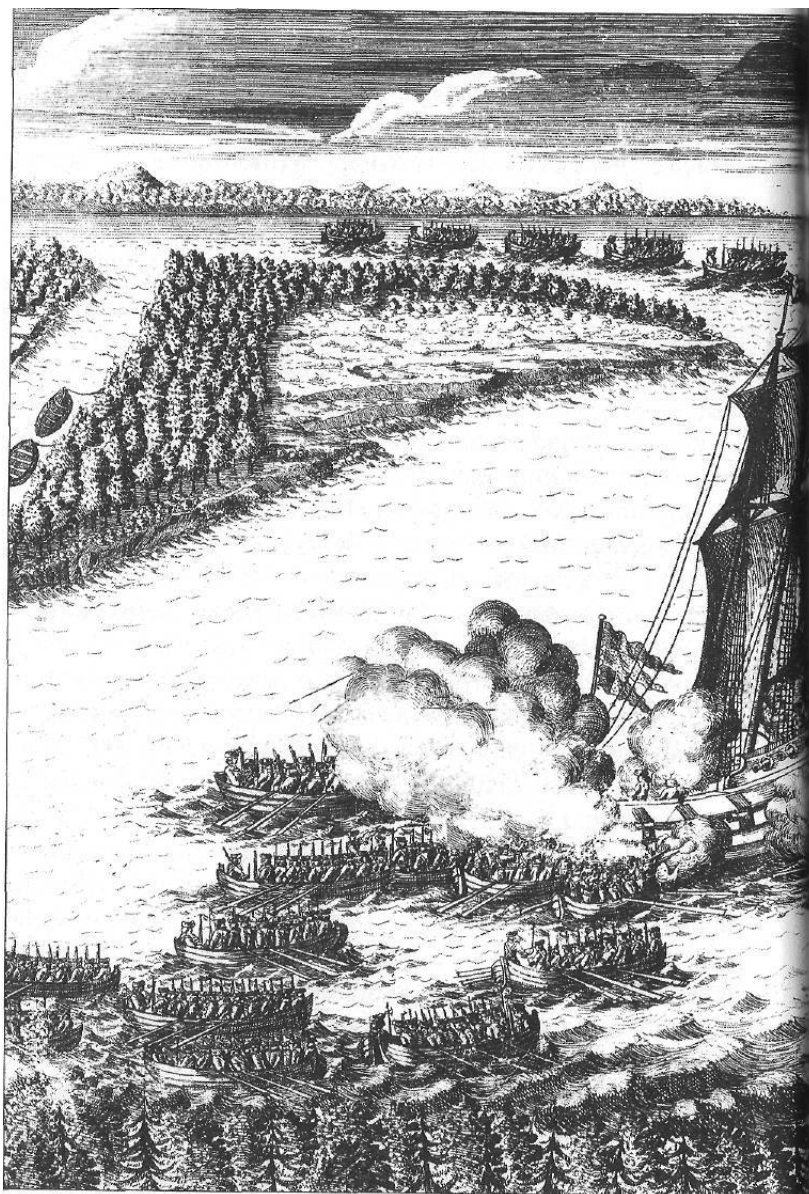
деревянного «дворца» Петра I именно 24-26 мая 1703 г. почерпнуто из предания²¹³. Народным преданиям свойственно как раз то, что точные даты (особенно с указанием дней) устной традицией из поколения в поколение не передаются. Временными привязками в рамках этого фольклорного жанра являются какие-то широко известные события («до», «во время» или «после» них). Как представляется, названная П.Н. Крёкшиным дата и в этом случае чисто условная. Это удачный и, как видим, исправно выполняющий своё предназначение и поныне литературно-художественный приём, призванный придать вес выдуманному «факту».

Следует оговориться, что Г.А. Немиров, предполагал, что сведения Эрмитажной рукописи за 25, 26 и 28 мая²⁷⁴ следует в действительности («обращая внимание на общую связь рассказа») относить к соответствующим числам июня 1703 г.²⁷⁵ Историк изучал сочинение П.Н. Крёкшина, однако, не по рукописи, но по публикации Г.В. Есипова. Первопричина такого суждения заключается в неполноте и погрешностях сделанной в 1863 г. публикации. На самом деле на листах манускрипта, где излагаются события тех дней, есть колонтитул «Май» (Приложение. Л. 6 об.-8 об.; примеч. 1 на странице 139), что и разрушает предположение Г.А. Немирова.

Для характеристики рукописи «О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга» весьма показательно, что после описания якобы прошедших 28 мая 1703 г. торжеств переселения Петра I в его новопостроенный дом и одновременно празднования фактически состоявшегося рождения Балтийского флота поставлено чернилами, которыми написан основной текст, число «29». Колонтитул вверху листа «Май» обозначает месяц, к которому относится это число. Однако «событие» за этот день осталось ненаписанным! При последующей правке дата «29» (мая), не подкреплённая соответствующим «фактом», стала выпадать из текста и была

зачёркнута простым карандашом, вероятно, самим же П.Н. Крёкшиным (Приложение. Л. 8 об.). Сделанное наблюдение как нельзя ярче передаёт «творческий процесс» работы над сочинением «О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга». П.Н. Крёкшин сочинял «события», которые, как ему представлялось, должны были реально произойти в майские дни 1703 г.!

Соответственно пышное торжество вселения Петра I в его новопостроенный дом, когда монарх с духовенством, и «генералитетом, и статскими знатными чинами на 63-х судах изволил шествовать рекою Невою к новопостроенному» дому, по Г.А. Немирову, происходило накануне торжества закладки Петропавловского собора и наименования крепости Санкт-Петербургскою, произошедшего 29 июня 1703 г. При приближении торжественного шествия к возводимой из земли крепости на Заячьем острове самодержца всея Руси поздравляли пушечного пальбою «со всех шести роскатов» (П.Н. Крёкшин имел в виду бастионы). Когда монарх вступил в новопостроенный дом, который был окроплён святою водою, остров был наречён им во имя святого Петра, а его собственный деревянный бревенчатый дом на любимый голландский лад - «Петергоф». Духовенством царю был поднесён образ Святой Троицы и хлеб с солью, а губернатором А.Д. Меншиковым и прочими «посуда золотая и серебряная многая и дорогая вещи». Царь «изволил всех благодарить». Затем прогремела трёхкратная пушечная пальба «с крепости», из стоявших близ «дворца» артиллерийских орудий и со шнявы. Выстроившаяся рядом с домиком-дворцом в парадном строю гвардия троекратно стреляла из ружей. Обрадованный самодержец изволил всех поздравлявших «жаловать к руке» и водкой. Потом монарх сел «кушать» с духовными чинами в собственном «дворце», после чего продолжил пир в шатре вблизи «дворца» «с генералитетом и статскими знатными чинами».

*«Взятие шведских судов „Астрильд” и „Гедан” в устье Невы 7 мая 1703 г.
Гравюра А.Ф. Зубова. 1726*

В половине третьего дня по Неве из Шлиссельбурга подошли к дворцу новые две шнявы и яхта, украшенные флагами и вымпелами, салютовавшие пушечного пальбою. Царь присоединил к вновь пришедшим судам захваченные у шведов в ночном бою на 7 мая 1703 г. на взморье у устья Большой Невы шняву «Астрильд» и галиот (яхту) «Гедан» и проследовал водою к крепости на Заячьем острове. Из крепости салютовали кораблям из пушек. В ответ раздавалась пушечная стрельба из корабельных артиллерийских орудий. Монарх возвратился с этим отрядом судов к шатру, в котором шло пиршество. «Поставя флот на якори» перед новопостроенным собственным «дворцом», самодержец снова примкнул к пировавшим сановникам. Губернатор А.Д. Меншиков со всеми участниками пира поздравил «Царское Величество с новым флотом» (Приложение. Л. 7-8 об.). А.М. Шарымов в связи с описанием этого торжества предложил даже считать условной датой рождения Российского Балтийского флота 28 мая 1703 г.²⁷⁶

Нарисованная столь ярко и образно П.Н. Крёкшиным картина празднества 28 мая 1703 г. не подтверждается ни одним из известных ныне источников, которые современны событиям. Смелое предположение Г.А. Немирова о том, что события того дня произошли месяцем позже и поэтому лучше вписываются в реальную событийную канву 1703 г., также не подкреплено ни единым первоисточником и противоречит тексту манускрипта.

Недоумение у людей, знакомых с историей Санкт-Петербурга, может вызвать трудно объяснимый факт: манускрипт со столь претенциозным названием, обещавшим рассказать не только «о зачатии», но и «о здании» Санкт-Петербурга, ни словом не упоминает наиважнейших для истории Невской столицы в первый год её существования событий. Прежде всего, остались вообще не описанными в сочинении «О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга» такие важ-

нейшие для истории города события, как торжество в Петров день, 29 июня 1703 г., когда заложенная 16 мая крепость, давшая начало городу, получила имя «Санкт-Питер-Бурх». В тот же день в присутствии монарха заложили и главный храм города-крепости - деревянный собор во имя святых апостолов Петра и Павла.

С другой стороны, в сочинении П.Н. Крёкшина весьма подробно описано торжество 1 октября 1703 г. в праздник Покрова Богоматери, когда якобы произошло освящение крепости. Само торжество освящения крепости в тот день также следует считать вымышленным П.Н. Крёкшиным. Дело в том, что освящение крепости произошло, как это и положено по православной обрядности, одновременно с её наименованием и вместе с торжественной закладкой в ней 29 июня 1703 г., в день апостолов Петра и Павла, одноимённого собора. Г.А. Немиров так и писал: «29 июня 1703 г., в Петров день и тезоименитство государя и освящения «новопостроенной крепости», была заложена в ней церковь во имя апостолов Петра и Павла...»²⁷⁷

Можно ли удовлетворительно объяснить то, что такое знаковое событие, как освящение крепости - сердца города, который Пётр I стал считать своей резиденцией едва ли не со дня его основания, якобы произошедшее 1 октября 1703 г., оказалось не упомянутым в современных событию первоисточниках? Ни в походном журнале Бомбардирской роты Преображенского полка, ни в официальной «Истории Свейской войны», ни в каких-либо иных источниках, за исключением сочинения П.Н. Крёкшина, об этом нет ни слова. Напротив, есть все основания считать, что именно П.Н. Крёкшин ошибался. Он не знал, когда действительно произошло это событие. Можно лишь предположить: он поверил в то, что освящение крепости должно было быть поздней осенью - в рукописи есть слова, что земляная крепость сооружалась в продолжение пяти месяцев (Приложение. Л. 8 об.-9).

Остальное было воссоздано «методом воображения». В пользу того, что описанное П.Н. Крёкшиным пышное торжество 1 октября 1703 г. с хождением «[с жи]вотворящи[м] крестом по стены гр[ада]», с кроплением святою водою, с первым в истории города военно-морским парадом - литературный вымысел и никогда не имело места в действительности, косвенно может свидетельствовать и не соответствующий реальной истории факт, что якобы в тот день сам Пётр I заложил в Санкт-Петербурге церковь Св. Троицы.

Требует оценки и другой «точный факт», приведённый П.Н. Крёкшиным.

Во время торжественной церемонии 1 октября 1703 г. была «[мно]гая пушечная [паль]ба с крепости и ис [сто]ящих на Невы-ре[ке...?] фрегат, 5 шн[яв] и 8 яхт». Историки неоднократно пытались использовать это «точное» показание источника. Последний пример этого - многие страницы исследования А.М. Шарымова²⁷⁸. Он затратил немало усилий, чтобы показать, какие конкретно корабли приветствовали орудийными выстрелами Санкт-Петербург 1 октября 1703 г.

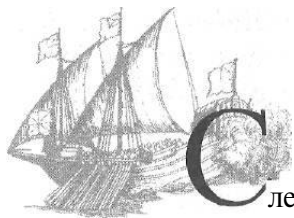
Конкретно названные количества судов здесь, как это бывает у П.Н. Крёкшина, представляет собой, на наш взгляд, столь хорошо отработанный им литературно-художественный приём, имеющий цель вызвать доверие читателей к тексту.

Сказанное доказывается тем, что и приведённые П.Н. Крёкшиным цифры, и проделанные А.М. Шарымовым расчёты имеют слишком много расхождений с реалиями кораблестроения 1703 г., чтобы им можно было довериться. Если полагать, что перед крепостью во время торжества стоял весь корабельный состав Балтийского флота, то он должен был быть существенно другим. (Само число фрегатов в рукописи не указано: оно оказалось утраченным при обрезке полей во время переплётных работ.)

Обратим внимание лишь на некоторые противоречащие подсчётам А.М. Шарымова факты. Среди трёхмачтовых кораблей - фрегатов - А.М. Шарымовым назван только один фрегат - «Штандарт». Однако ещё Г.А. Немиров установил, что даже 4 октября 1703 г. Пётр I находился на «Штандарте» далеко от Санкт-Петербурга. Царь пытался личными усилиями ускорить проводку фрегата в Неву через ещё плохо тогда известные мелководья Ладожского озера вблизи истока реки²⁷⁹. Флейт «Бельком» при отправлении с Олонецкой верфи вниз по Свири в Санкт-Петербург 8 сентября 1703 г., как сказано в архивном первоисточнике, тоже был «оснащен по-корабельному», то есть имел три мачты и солидное артиллерийское вооружение: две пушки 18-фунтового калибра и шесть 3-фунтового²⁸⁰. Следовательно, он должен был восприниматься очевидцами как фрегат. Среди трёхмачтовых кораблей могли находиться и малые фрегаты, первенцы Сясьской верфи - «Сясьский 1-й» и «Сясьский 2-й», по непонятным причинам вовсе выпущенные из подсчётов А.М. Шарымовым. Между тем именно они, по всей вероятности, доставили посольство Великого княжества Литовского вниз по Неве от Шлиссельбурга к Шлотбургу 20 мая 1703 г. и приветствовали по прибытии крепость выстрелами из 15-ти пушек каждый. Перечень несоответствий реалиям 1703 г. продолжать бессмысленно, так как литературно-художественный приём в данном случае неоправданно сравнивать с известиями первоисточников.

Можно подвести общий итог. Совершенно очевидно, что П.Н. Крёкшин не знал источников, которые бы подробно, день за днём освещали действия царя в 1703 г. Не прослеживается влияние на его сочинение ни широко известного ныне походного журнала Бомбардирской роты Преображенского полка 1703 г. (публиковался в 1854 и 1911 г.), ни «Истории Свейской войны», которая при жизни П.Н. Крёкшина ещё не была опубликована. Как можно теперь уверенно утверждать, в основу описания

действий Петра I в мае и в последующие месяцы 1703 г. не положено какого-либо первоисточника, в котором бы были зафиксированы действия монарха в 1703 г.

С ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Следует сделать общие выводы, к которым пришёл автор настоящей монографии.

Во-первых, загадочное сочинение «О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга» принадлежит перу историка и литератора середины XVIII столетия П.Н. Крёкшина.

Во-вторых, изучавшееся произведение, оказалось, было написано П.Н. Крёкшиным в период его творческого взлёта, во временной промежуток 1754-начала 1760-х гг.

В-третьих, сочинение П.Н. Крёкшина не может считаться историческим источником. Это литературное произведение, не являющееся отражением реальной исторической картины того, как происходило на самом деле основание Санкт-Петербургской крепости 16 мая 1703 г. Изложение событий в манускрипте «О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга» за май 1703 г. носит нарочито литературный, вымышленный характер. П.Н. Крёкшин «воссоздавал» его, прежде всего исходя из хорошо известной ему русской православной традиции закладки крепостей.

Главный же вывод проведённого исследования таков.

Выявленные к настоящему времени документальные материалы позволяют уверенно полагать: Пётр I принимал участие в закладке в день Троицы 16 мая 1703 г. безымянной крепости на Заячьем острове, которая положила начало городу Санкт-Петербургу.

*Табакерка с видом Петербурга
Неизвестный мастер
1719-1725. ГЭ*

*Медаль в память основания
Санкт-Петербурга 16 мая 1703 г.
Медальер Ф.Г. Мюллер
Около 1714-1716*

*Один из вариантов подписи
П.Н. Крёшкина: «Петр Крещинин
руку приложил»*

Несколько слов о принципах подготовки к публикации помещённого ниже сочинения П.Н. Крёкшина - рукописи «О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга», которая осуществлена в соответствии с требованиями ГОСТа.

Вышедшие из употребления буквы заменены современными, обозначающими тот же звук. Отсутствующие в словах под титлами и надстрочные буквы внесены в строки, но не отмечены. Твердый и мягкий знаки поставлены по правилам современного правописания. Предлоги, написанные слитно с последующими словами, разделены. Заглавные буквы поставлены в соответствии с современными нормами, в том числе и в названии «Санкт-Петербург» (в рукописи заглавные буквы, как правило, вообще не используются). Знаки препинания поставлены согласно современным правилам пунктуации (включая прямую речь).

Вставки слов и предложений введены в текст и оговорены в подстрочных примечаниях; зачёркнутые слова и предложения не воспроизводятся в тексте, но приведены в примечаниях (при этом примечания публикатора даются курсивом). Фрагменты текста, не прочтённого из-за повреждения рукописи, восстановлены предположительно, заключены в квадратные скобки и отмечены в подстрочных примечаниях. Примечания автора сочинения П.Н. Крёкшина и редакторов рукописи даны в подстрочных примечаниях с сохранением их знаков. Различные транскрипции географических названий в тексте сохранены с оговоркой в подстрочных примечаниях.

Ввиду того что разного характера исправления, сделанные простым карандашом, не являются окончательной правкой, они не отражены в тексте рукописи, но оговорены в подстрочных примечаниях.

¹ Имеется в виду одно из старинных значений слова «лик»: множество. Святительский чин: 1. высшее духовенство; 2. духовенство. Следовательно, «с ликом святительским» может означать: со множеством духовенства.

² ОР РНБ. Ф. 885 (Эрмитажное собрание). № 359. Л. 3-13.

³ Там же. Л. 1.

" О зачатии и здании царствующего града С.-Петербурга / Изд. Г.В. Есинов// Русский архив. 1863. Вып. 10-11. Стб. 833-843.

⁵ Письма Петра Великого, хранящиеся в Императорской Публичной библиотеке / Изд. А.Ф. Бычков. СПб., 1872. С. 91.

⁶ Первый юбилей Санкт-Петербурга праздновался в 1753 г., второй в 1803 г.

⁷ *Энгельгардт Н.А.* Золотой ковчег Петра Великого (К вопросу о дате основания Петербурга) // Новое время. 1903. 10 (23) апреля. № 9732. С. 4.

⁸ Там же.

⁹ *Немиров Г.А.* Троицкий собор, что на Петербургской стороне, в 1703-1903 гг. Историческая справка. СПб., 1905. С. 35.

¹⁰ Там же. С. 35-36.

¹¹ Там же. С. 36.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 49.

¹¹ *Беспярых Ю.Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. Введение. Тексты. Комментарии. Л., 1991. С. 258-262.

¹⁵ *Шарымов А.М.* 1. Был ли Пётр I основателем Санкт-Петербурга? // Аврора. 1992. № 7-8. С. 130-137, 152-161; 2. 1703 год// *Шарымов А.М.* Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год. Книга исследований. СПб., 2004. С. 520-541, 579-586, 684-688.

¹⁶ *Агранцев И.* Александр Меншиков. Царевич без трона. СПб., 2005. С. 117.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 112.

¹¹⁾ Там же. С. 118.

²⁰ *Предтеченский А.В.* Основание Петербурга // Петербург Петровского времени. Л., 1948. С. 42.

²¹ *Агеева О.Т.* «Величайший и славнейший более всех градов в свете» - град святого Петра (Петербург в русском общественном сознании начала XVIII века). СПб., 1999. С. 60.

²² *Шарымов А.М.* 1703 год // *Шарымов А.М.* Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год. Книга исследований. С. 524.

²³ *Агранцев И.* Александр Меншиков. Царевич без трона. С. 112.

" *Клепиков С.А.* Филигрani и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII-XX века. М., 1959. С. 41, 169.

²⁵ Наличие чистых листов в сборнике из Эрмитажного собрания не оговаривается.

²⁶ ОР РНБ. Ф. 885.. № 359. Л. 69-108 об.

²⁷ *Клепиков С.А.* Филигранные и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII-XX века. С. 45 (№ 186,188, 189).

²⁸ ОР РНБ. Ф. 683 (М.И. и А.И. Семевские). № 12. Л. 3-13.

²⁹ *Клепиков С.А.* 1. Филигранные и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII-XX века. С. 73 (№ 804, 805), 156; 2. Филигранные на бумаге русского производства XVIII - начала XX века. М., 1978. С. 220 (№ 1278).

³⁰ *Шарымов А.М.* 1703 год // Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год. Книга исследований. С. 522.

³¹ Там же. С. 538.

³² Там же. С. 759-765.

³³ Там же. С. 765.

³⁴ РГВИА. Ф. 490 (Коллекция офицерских сказок). Он. 2. Д. 47. Л. 122.

³⁵ Там же. Д. 55. Л. 18.

³⁶ См. об этом: *Рабинович М.Д.* Социальное происхождение и имущественное положение офицеров регулярной русской армии в конце Северной войны // Россия в период реформ Петра I. М., 1973. С. 134-171.

³⁷ В современных печатных изданиях буква «ё», как правило, не употребляется вообще и соответственно фамилия Крёкшина пишется через «е». Однако знатоки пишут её через «ё» (См.: 1. *Красоткина Т.А., Блок ГЛ.* Примечания к стихотворению 256 // *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. М.; Л., 1959. Т. 8. С. 1131, 1140-1144; 2. *Спасский И.Г.* Первое трёхлетие Санкт-Петербургского Монетного двора (1724-1727)//Труды Государственного Эрмитажа. Л., 1986. Т. XXVI. С. 38, 42-44. В настоящей монографии буква «ё» употребляется везде, кроме выдержек из документов XVIII в., поэтому и фамилия Крёкшина пишется через «ё».

³⁸ *Шарымов А.М.* 1703 год // *Шарымов А.М.* Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год. Книга исследований. С. 521, 688.

³⁹ Там же. С. 524.

⁴⁰ Там же.

«Там же. С.521.

⁴¹ *Есипов Г.В.* Эпизод из жизни Крёкшина // Древняя и Новая Россия. СПб., 1878. № 4. С. 341.

⁴² *Шарымов А.М.* 1703 год // *Шарымов А.М.* Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год. Книга исследований. С. 521-522.

⁴³ *Есипов Г.В.* Эпизод из жизни Крёкшина. С. 339.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. С. 340.

¹⁷ РГАВМФ. Ф. 315 (Материалы по истории русского флота). Он. 2. Д. 265. Л. 1.

¹⁸ См.: ОР РНБ. Ф. 550 (Основное собрание рукописной книги). Q. IV. 4. Л. 6, 8 об., 10, 15, 17, 18, 18 об.

¹⁹ ОР РНБ. Ф. 550. F. IV. 52.

²⁰ *Толочко А.П.* «История российская» Василия Татищева: источники и известия. М.; Киев, 2005. С. 219, 244.

²¹ Цит. по: *Моисеева Г.Н.* Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. Л., 1980. С. 82.

²² *Козлов В.П.* Кружок А.И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве». Новые страницы истории древнерусской поэмы в XVIII в. М., 1988. С. 85-88.

²³ *Шумков А.А.* Крёкшины // Отечественная история. История России с древнейших времён до 1917 г.: Энциклопедия. М., 2000. Т. 3. С. 107.

²⁴ *Новиков Н.И.* Опыт исторического словаря о российских писателях. Из разных печатных и рукописных книг, сообщённых известий и словесных преданий. СПб., 1772. С. 98.

²⁵ *Мезин С.А.* Русский историк И.И. Голиков. Саратов, 1991. С. 24.

²⁶ *Голиков ИМ.* Дополнение к «Деяниям Петра Великого», содержащее полное описание славных Полтавских победы и предшествовавшая измены Мазепы. М., 1795. Т. 15. С. 152.

²⁷ Там же. С. 152-153.

²⁸ *Евгений, митрополит.* Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России. М., 1845. Т. 1. С. 316.

²⁹ РГАВМФ. Ф. 235 (Контора по строению канала им. Петра Великого, гаваней и зданий в Кронштадте). Оп. 1. Д. 6. Л. 19 об., 20, 21.

³⁰ ОР РНБ. Книга новых поступлений. 1969-1973. С. 76. № 24. Документ 1. Л. 1.

³¹ Там же. Документ 2. Л. 1.

³² Там же. Документ 3. Л. 1.

³³ Там же. Документ 4. Л. 1.

³⁴ *Кротов П.А.* Становление судоремонта в Российском флоте (конец XVII -1762 г.) // История отечественного военного судоремонта. СПб., 2004. С. 23.

³⁵ РГАВМФ. Ф. 235. Он. 1. Д. 6. Л. 4-5 об.

³⁶ *Милюков П.Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. 2-е изд. СПб., 1905. С. 489.

³⁷ РГАВМФ. Ф. 235. Оп. 1. Д. 1. Л. 102.

³⁸ Там же. Д. 10. Л. 166.

³⁹ Там же. Д. 1. Л. 1, 5 об.-б, 439.

⁷⁰ Там же. Д. 1.Л. 10,224.

⁷¹ Там же. Д. 1. Л. 102.

⁷² Там же. Д. 1.Л..224,

⁷³ Там же. Д. 1.Л. 6.

⁷¹ Там же. Д. 10. Л. 124.

⁷⁵ Там же. Д. 6. Л. 7.

⁷⁶ Записки новгородского дворянина Петра Никифоровича Крёкшина // *Сахаров ИЛ.* Записки русских людей. События времён Петра Великого. СПб., 1841. Пагинация 2-я. С. [1]; *Пештич С.Л.* Русская историография XVIII века. Л., 1971. Ч.3. С. 129; *Мезин С.А.* Русский историк И.И. Голиков. С. 26.

⁷⁷ *Голиков ИМ.* Дополнение к «Деяниям Петра Великого», содержащее полное описание славных Полтавских победы и предшествовавшая измены Мазепы. Т. 15. С. 153.

⁷⁸ *Н. Ч. Крёкшин Пётр Никифорович* // Русский биографический словарь. СПб., 1903. Т. 9. Стб. 423.

⁷⁸ РГАВМФ. Ф. 235. Оп. 1. Д. 10. Л. 30 об.-31.

⁸⁰ Там же. Л. 31 об.-32.

⁸¹ Там же. Л. 32, 118.

⁸² Там же. Л. 31.

⁸³ Немного левее, ниже по течению Невы от того места, где нынешний проспект Чернышевского (б. Воскресенский) упирается в набережную.

⁴ *Спасский И.Г.* Первое трёхлетие Петербургского монетного двора (1724-1727). С. 38, 42-44; 2. Русская монетная система. Историко-нумизматический очерк. Л., 1970. С. 165; *Спасский И.Г., Юхт АМ.* Финансы. Денежное обращение // Очерки русской культуры XVIII века. М., 1987.4.2. С. 142-143; *Юхт АЛ.* Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М., 1994. С. 57.

⁸⁵ *Юхт АМ.* Русские деньги от Петра Великого до Александра I. С. 99.

⁸⁶ Центральный государственный архив древних актов СССР: Путеводитель. В 4 т. М., 1992. Т. 2. С. 241.

⁸⁷ *Н. Ч. Крёкшин Пётр Никифорович.* Стб. 423.

⁸⁸ *Голиков ИМ.* Анекдоты, касающиеся до государя императора Петра Великого. 2-е изд., испр., доп. М., 1798. С. 2.

⁸⁹ *Есипов Г.В.* Эпизод из жизни Крёкшина. С. 341.

⁹⁰ *Пекарский П.П.* История Императорской Академии наук. СПб., 1873. Т. II. С. 426.

⁹¹ *Козлов В.П.* Кружок А.И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве». Новые страницы истории древнерусской поэмы в XVIII в. С. 162.

⁹² *Шмурло Е.Ф.* Пётр Великий в оценке современников и потомства. СПб., 1912. С. 48; пагинация 2-я. С. 53-55; также см.: *Козлов В.П.*

Кружок А.И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве». Новые страницы истории древнерусской поэмы в XVIII в. С. 162.

⁹³ *Есипов Г.В.* Эпизод из жизни Крёкшина. С. 340.

⁹⁴ Там же.

⁹⁰ *Шмурло Е.Ф.* Пётр Великий в оценке современников и потомства. Пагинация 1-я. С. 48.

⁹⁶ ОР РНБ. Ф. 550. Ф. IV. 864. 279 л.

⁹⁷ Там же. Л. 1.

⁹⁸ РГАДА. Ф. 7 (Преображенский приказ, Тайная канцелярия и Тайная экспедиция). Оп.1. Д. 1414-. Л. 7-11.

⁹⁹ Там же. Л. 2.

¹⁰⁰ ОР РНБ. Ф. 550. Q. IV. 4. Л. 21.

¹⁰¹ *Козлов В.П.* Кружок А.И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве». Новые страницы истории древнерусской поэмы в XVIII в. С. 85-88.

¹⁰² *Толочко АЛ.* «История российская» Василия Татищева: источники и известия. С. 65-66.

¹⁰³ *Соловьёв СМ.* Распоряжение Сената относительно бумаг Петра Великого. 1-го июля 1751 года // Русский архив. 1873. Кн. 1. Стб. 777.

^m Там же. Стб. 778.

¹⁰⁵ Там же. Стб. 777.

¹⁰⁶ *Николаева М.В.* Из истории русской повествовательной литературы первой половины XVIII века («Сказание о Петре Великом» П.Н. Крёкшина) // Учёные записки Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена. Л., 1958. Т. 170. С. 16.

¹⁰⁷ *Есипов Г.В.* Эпизод из жизни Крёкшина. С. 339.

¹⁰⁸ *Струве В.Я.* О рукописи астронома Делиля, принесённой в дар Русскому Географическому обществу членом оного князем И.А. Долгоруковым // Записки Русского Географического общества. СПб., 1849. Кн. III. С. 64-65.

¹⁰⁹ Там же. С. 65.

¹¹⁰ Там же. С. 65-66.

¹¹¹ *Новиков Н.И.* Опыт исторического словаря о российских писателях. Из разных печатных и рукописных книг, сообщённых известий и словесных преданий. С. 98.

¹¹² *Голиков ИМ.* Дополнение к «Деяниям Петра Великого», содержащее полное описание славных Полтавских победы и предшествовавшая измене Мазепы. Т. 15. С. 153.

¹¹³ Записки новгородского дворянина Петра Никифоровича Крёкшина. Предисловие от издателя // *Сахаров ИЛ.* Записки русских людей: События времён Петра Великого. Пагинация 2-я. С. [4-5].

¹¹¹ *Моисеева ГЛ.* Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. С. 233.

¹¹³ Цит. по: *Гребенюк В.П.* Пётр I в творчестве М.В. Ломоносова, его современников, предшественников и последователей // Ломоносов и русская литература. М., 1987. С. 71.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁷ *Гребенюк В.П.* Пётр I в творчестве М.В. Ломоносова, его современников, предшественников и последователей. С. 71.

¹¹⁸ *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. Т. 8. С. 697.

¹¹⁹ См., например: *Татищев В.Н.* История российская. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 118, 124, 310.

¹²⁰ Там же. С. 371.

¹²¹ *Толочко А.П.* «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. С. 203-205, 242-245, 522.

¹²² Там же. С. 522.

¹²³ Там же. С. 518.

¹²⁴ *Пекарский П.П.* История Императорской Академии наук. Т. II. С. 369.

¹²⁵ *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. М.; Л., 1952. Т. 6. С. 39.

¹²⁶ *Моисеева Г.Н.* Ломоносов и древнерусская литература. Л., 1971. С. 134-136; *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. Т. 6. Примечания. С. 554-555.

¹²⁷ *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. Т. 6. С. 38.

¹²⁸ Там же. С. 39.

¹²⁹ Там же. С. 38.

¹³⁰ Там же. Примечания. С. 576.

¹³¹ Там же. С. 177.

¹³² Там же. С. 31-32, 56.

¹³³ Там же. С. 80.

¹³¹ ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 21. Первая половина. С. 7.

¹³⁵ *Свиньин П.П.* Поездка в Грузино // Отечественные записки. СПб., 1818. Ч. 49, №40. С. 51.

¹³⁶ Там же. С. 49-50.

¹³⁷ Там же. С. 49.

¹³⁸ *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. Т. 6. С. 80.

¹³⁹ *Алпатов М.А.* Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII - первая половина XIX в.). М., 1985. С. 9.

¹⁴⁰ «ПБИБВ. СПб., 1889. Т. 2. С. 538.

¹⁴¹ СПб., 1761. Июль-октябрь. («Sammlung Russischer Geschichte. SPb., 1761. Bd. V. Stüicke 5-6. S. 381-572.)

¹⁴² Sammlung Russischer Geschichte. SPb., 1761. Bd. V. Stucke 5-6. S. 381-572.

¹⁴³ *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. Т. 6. С. 552.

¹⁴⁴ *Пекарский П.П.* Русские мемуары XVIII века // Современник. 1855. Т. 51. Отд. 2. С. 32.

¹⁴³ *Пекарский П.П.* Петербургская старина // Современник. 1860. Т. 82. С. 145.

¹⁴⁶ *Пекарский П.П.* Русские мемуары XVIII века. С. 31.

¹⁴⁷ Там же. С. 31-32.

¹⁴⁸ *Пештич С.Л.* Русская историография XVIII века. Ч. 3. С. 134.

¹⁴⁹ *И.И. Голиков (1735-1801)* - историк, автор многочисленных трудов по истории Петра Великого.

¹⁵⁰ *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. 1. С. XLIII.

¹⁵¹ *Елагин С.И.* История русского флота. Период Азовский. СПб., 1864. С. 315.

¹⁵² *Аристов Н.Я.* Московские смуты в правление царевны Софии Алексеевны. Варшава, 1871. С. 32.

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ *Шмурло Е.Ф.* Пётр Великий в оценке современников и потомства. С. 48.

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ Там же. Пагинация 2-я. С. 64.

¹⁵⁷ *Богословский М.М.* Пётр I: Материалы для биографии. 2-е изд. М., 2005. Т. 1. С. 18.

¹⁵⁸ Там же. С. 29.

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ Там же.

¹⁶¹ *Шапиро А.Л.* Историография с древнейших времён по XVIII век. Курс лекций. Л., 1982. С. 155.

¹⁶² *Мезин С.А.* Русский историк И.И. Голиков. С. 26.

¹⁶³ *Красоткина Т.А., Блок Г.П.* Примечания к стихотворению 256 // *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. Т. 8. С. 1131.

¹⁶⁴ *Колосова Е.В.* К проблеме традиции древнерусской исторической повести в литературе XVIII века («Сказание» П.Н. Крёкшина о Петре I как последний этап развития исторической повести XVII века) // *Древнерусская литература и её связи с Новым временем.* М., 1967. С. 289.

¹⁶⁵ Там же. С. 297, 308.

¹⁶⁶ Там же. С. 316.

¹⁶⁷ *Николаева М.В.* Из истории русской повествовательной литературы первой половины XVIII века (Сказание о Петре Великом) **П.Н. Крёкшина**. С. 14.

¹⁶⁸ Там же. С. 26.

¹⁶⁹ Там же.

¹⁷⁰ *Моисеева Г.Н.* Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. С. 234.

¹⁷¹ *Пештич С.Л.* Русская историография XVIII века. Ч. 3. С. 135.

¹⁷² *Шарымов А.М.* 1703 год // *Шарымов А.М.* Предыстория Санкт-

Петербурга. 1703 год. Книга исследований. С. 580.

¹⁷⁰ Там же. С. 540.

¹⁷¹ *Богданов А.И.* Описание Санкт-Петербурга. СПб., 1997. С. 107.

¹⁷² Там же. С. 125.

¹⁷⁶ *Богданов А.И.* Описание Санкт-Петербурга. С. 127.

¹⁷⁷ См.: *Богданов А.И.* Описание Санкт-Петербурга. С. 127, 128, 131.

¹⁷⁸ *Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. II. С. 397-398.

¹⁷⁹ См.: *Богданов А.И.* Описание Санкт-Петербурга. С. 370-371.

¹⁸⁰ *Богданов А.И.* Описание Санкт-Петербурга. С. 105.

¹⁸¹ См.: ОР РНБ. Ф. 550. Q. IV. 4.

¹⁸² *Богданов А.И.* Описание Санкт-Петербурга. С. 370-371.

« а ц и т по: *Пекарский П.П.* История Императорской Академии наук. Т. II. С. 426.

^{181/1} *Богданов А.И.* Описание Санкт-Петербурга. С. 105.

¹⁸⁵ *Мурзанова М.Н.* «Книга Марсова» - первая книга гражданской печати, напечатанная в Петербурге // Труды Библиотеки АН СССР. М.; Л., 1948. Т. 1. С. 156-168.

¹⁸⁶ *Голубинский Е.Е.* История русской церкви. М., 1880. Т. 1. Первая половина. С. 7.

¹⁸⁷ Петербург в эпоху Петра I. Документы в фондах и коллекциях Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории: Каталог. СПб., 2003. Ч. 1. С. 352, № 2028.

¹⁸⁸ *Панченко А.М.* Летописный рассказ об Андрее Первозванном // *Панченко А.М.* Русская история и культура: Работы разных лет. СПб., 1999. С. 456.

¹⁸⁹ [Штелиня. фон.] Подлинные анекдоты Петра Великого, слышанные из уст знатных особ в Москве и Санкт-Петербурге / Изданные в свет Яковом фон Штелиным, а на российский язык переведённые К. Карлом Рембовским. 2-е изд. М., 1787. С. 562-563.

¹⁹⁰ Там же. С. 157-159, № 38.

¹⁹¹ Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета канонические в русском переводе с параллельными текстами. Минск, 1992. С. 863-864. Книга пророка Даниила. Гл. 2. 40-44; см. также: С. 871. Гл. 7. 23.

¹⁹² *Пекарский П.П.* Русские мемуары XVIII века. С. 37.

¹⁹³ Приведённое С.Д. Степановым наименование острова Люст-Эйланд, скорее, соответствует голландскому языку (Lust eiland). В «Гистории Свейской войны» его название приводится как Люст-Элант, в переводе Весёлый остров. В настоящей монографии в авторской речи употребляются более распространённые в литературе названия: Заячий остров и Люст-Эланд.

^m *Степанов С.Д.* Строительство и перестройка фортификационных сооружений Петропавловской крепости // Краеведческие записки

ки: Исследования и материалы / Государственный музей истории Санкт-Петербурга. СПб., 1998. Вып. 6: Фортификация и архитектура Петропавловской крепости. С. 23-24.

¹⁹⁵ *Столянский П.Н.* Как возник, основался и рос Санкт-Петербург. 2-е изд. СПб., 1995. С. 10-11; 1-е изд.: Пг., 1918.

¹⁹⁶ Там же. С. 12.

¹⁹⁷ *Анисимов Е.В.* Таинство рождения Петербурга // Россия XV-XVIII столетий. Волгоград, 2001. С. 222.

¹⁹⁸ ПЖ 1703 г. СПб., 1854. С. 4. Фототипическое воспроизведение текста походного журнала Бомбардирской роты приведено: *Шарымов А.М.* 1703 год // *Шарымов А.М.* Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год. Книга исследований. С. 494.

¹⁹⁹ *Шарымов А.М.* 1703 год // *Шарымов А.М.* Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год. Книга исследований. С. 526.

²⁰⁰ МИРФ. СПб., 1865. Ч. 1. С. 20.

²⁰¹ Там же.

²⁰² Там же. С. 20-21.

²⁰³ РГАВМФ. Ф. 177 (Приказ воинского морского флота). Оп. 1. Д. 32. Л. 165 об., 170, 217, 229 об.-230; МИРФ. Ч. 1. С. 12-13, 20.

²⁰⁴ *Шмурло Е.Ф.* Пётр Великий в оценке современников и потомства. Пагинация 2-я. С. 60.

²⁰⁵ Там же. Пагинация 2-я. С. 60-61.

²⁰⁶ См.: *Богданов А.И.* Описание Санкт-Петербурга. С. 124.

²⁰⁷ *Шарымов А.М.* 1703 год // *Шарымов А.М.* Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год. Книга исследований. С. 529.

28 фототипическое воспроизведение текста походного журнала бомбардирской роты: *Шарымов А.М.* 1703 год // *Шарымов А.М.* Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год. Книга исследований. С. 494.

²⁰⁹ ПБИПВ. Т. 2. С. 529.

²¹⁰ *Немиров Г.А.* Троицкий собор, что на Петербургской стороне, в 1703-1903 гг. Историческая справка. С. 45.

²¹¹ *Шарымов А.М.* 1703 год // *Шарымов А.М.* Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год. Книга исследований. С. 529-530.

²¹² *Петров П.Н.* История Санкт-Петербурга с основания города до введения выборного городского управления по Учреждениям о губерниях. 1703-1782. СПб., 1884. С. 37.

²¹³ *В.Н.* Когда был основан Петербург. Историческая справка // С.-Петербургские ведомости. 1900. 29 июня (12 июля). № 175. С. 1.

²¹⁴ *Луппов С.П.* История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. М.; Л., 1957. С. 7.

²¹⁵ ПБИПВ. Т. 2. С. 561.

²¹⁶ РГАВМФ. Ф. 212 (Адмиралтейская коллегия и её учреждения). Оп. Указы. Д. 4. Л. 159, 160.

²¹⁷ Цит. по: *Шарымов А.М.* 1703 год // *Шарымов А.М.* Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год. Книга исследований. С. 673.

²¹⁸ *Энгельгардт Н.А.* Когда праздновать юбилей Санкт-Петербурга? // Новое время. 1903. 17 (30) января. № 9652. С. 4.

²¹⁹ Там же.

²²⁰ *Немиров Г.А.* Дни празднования юбилея С.-Петербурга // Новое время. 1903. 25 января (7 февраля). № 9660. С. 3.

²²¹ *Платонов С.Ф.* День основания Петербурга // Новое время. 1903. 30 марта (12 апреля). № 9723. С. 5.

²²² *Половцов А.В.* Пётр Великий был при основании Петербурга. Историческая справка // Новое время. 1903. 6 (19) апреля. № 9730. С. 5.

²²³ *Половцов А.В.* Разрешение вопроса о дне основания Петербурга // Московские ведомости. 1903. 2 апреля. № 91. С. 4.

²²⁴ *Половцов А.В.* Пётр Великий был при основании Петербурга. Историческая справка. С. 5.

²²⁵ Там же.

²²⁶ *Половцов А.В.* Разрешение вопроса о дне основания Петербурга. С. 4.

²²⁷ *Бобровский П.О.* Где находился Пётр Великий в день закладки крепости Санкт-Петербург? // Новое время. 1903. 22 апреля (5 мая). № 9744. С. 2.

²²⁸ *Бобровский П.О.* 1. К вопросу об основании Санкт-Петербурга // Новое время. 1903. 5 (18) апреля. № 9729. С. 3; 2. Где находился Пётр Великий в день закладки крепости Санкт-Петербург? С. 2.

²²⁹ *Мавроди В.В.* Основание Петербурга. Л., 1983. С. 65.

²³⁰ *Шарымов А.М.* 1703 год // *Шарымов А.М.* Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год. Книга исследований. С. 529-530.

^{М1} Там же. С. 531.

²³² ПБИПВ. Т. 2. С. 167.

²³³ *Шарымов А.М.* 1703 год // *Шарымов А.М.* Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год. Книга исследований. С. 514, 518.

^{ТМ} Там же. С. 577.

²³³ Там же. С. 518-519.

²³⁶ МИРФ. Ч. 1. С. 23.

²³⁷ *Шарымов А.М.* 1703 год // *Шарымов А.М.* Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год. Книга исследований. С. 637-638.

²³⁸ *Немиров Г.А.* Троицкий собор, что на Петербургской стороне, в 1703-1903 гг. Историческая справка. С. 51; *Шарымов А.М.* 1703 год // *Шарымов А.М.* Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год. Книга исследований. С. 577, 583.

²³⁹ *Анисимов Е.В.* Юный град. Петербург времён Петра Великого. СПб., 2003. С. 35.

^{-м} *Андреева Е.А.* Первый губернатор и строитель Петербурга //

Александр Данилович Меншиков. Первый губернатор и строитель Санкт-Петербурга. СПб., 2003. С. 11.

²¹¹ Гистория Свейской войны (Подённая записка Петра Велико-го). М., 2004. Вып. 1. С. 106, 234.

²¹² Там же. С. 105, 234.

¹¹¹ Там же. С. 105.

¹¹¹ Павленко Н.И. Пётр Великий. М., 1990. С. 162.

¹¹¹ РГАДА. Ф. 79 (Сношения России с Польшей). Оп. 1, 1703 г. Д. 21. Л. 59-59 об.

²¹⁶ ПБИПВ. Т. 2. С. 168-171, 532, 534, 535, 536, 537, 547, 548, 549, 551. Об этом: *Немиров ГЛ.* Троицкий собор, что на Петербургской стороне, в 1703-1903 г. Историческая справка. С. 50-52; *Шары-мов А.М.* 1703 год // *Шарымов А.М.* Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год. Книга исследований. С. 576-579, 582-595.

²¹⁷ ПБИПВ. Т. 2. С. 480.

² «Там же. С. 480-481.

²¹⁹ *Немиров ГЛ.* Троицкий собор, что на Петербургской стороне, в 1703-1903 г. Историческая справка. С. 50.

²⁵⁰ РГАДА. Ф. 96 (Сношения России со Швецией). Оп. 1, 1703 г. Д. 5. Л. 7-9.

²⁵¹ Там же. Л. 11.

²⁵² Там же. Л. 9 об.

²⁵³ Там же. Л. 11.

²⁵¹ *Петросян ЮЛ.* Древний город на берегах Босфора. М., 1986. С. 35-37.

²⁵⁵ *Буркхард Я.* Век Константина Великого / Пер. с англ. яз. М., 2003. С. 294, 338, 339.

²⁵⁶ *Петросян ЮЛ.* Древний город на берегах Босфора. С. 35-37.

²⁵⁷ *Буркхард Я.* Век Константина Великого. С. 337.

²⁵⁸ *Немиров ГЛ.* Троицкий собор, что на Петербургской стороне, в 1703-1903 г. Историческая справка. С. 45, 47-49; *Шарымов А.М.* 1703 год // *Шарымов А.М.* Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год. Книга исследований. С. 539-541.

²⁵⁹ *Немиров ГЛ.* Троицкий собор, что на Петербургской стороне, в 1703-1903 г. Историческая справка. С. 49.

²⁶⁰ *Агеева О.Г.* «Величайший и славнейший более всех градов в свете» - град святого Петра (Петербург в русском общественном сознании начала XVIII века). С. 61.

²⁶¹ *Целина ЕМ.* Новое о хорошо известном (К вопросу о начале строительства Петропавловского собора) // Петербургские чтения - 96: Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург - 2003». СПб., 1996. С. 67.

²⁶² Гистория Свейской войны (Подённая записка Петра Велико-го). Вып. 1. С. 126.

^{жс} > Там же.

^{2М} Там же. С. 264-265.

²⁶⁵ Архив СПбИИ РАН. Ф. 10 (Архангелогородская губернская канцелярия). Оп. 4. Д. 68. Л. 4 об.-5, 19 об.

²⁶⁶ ПЖ 1723 г. СПб., 1855. С. 25.

²⁶⁷ Там же.

²⁶⁸ Там же. С. 25-28.

^{2<и|} Там же. С. 26-27.

²⁷⁰ Ф.А. Головин и Б.П. Шереметев вручали знаки ордена Андрея Первозванного Петру I и А.Д. Меншикову в Шлотбурге 10 мая 1703 г., а 17 мая того же года - ПИ. Головкину. - См.: Гиетория Свейской войны (Подённая записка Петра Великого). Вып. 1. С. 105,233.

²⁷¹ Гиетория Свейской войны (Подённая записка Петра Великого). Вып. 1. С. 105, 233.

²⁷² *Немиров ГЛ.* Троицкий собор, что на Петербургской стороне, в 1703-1903 гг. Историческая справка. С. 51.

²⁷¹ *Базарова ТА.* Планы Петровского Петербурга: Источниково-ведческое исследование. СПб., 2003. С. 41.

²⁷¹ В тексте рукописи сочинения П.Н. Крёкшииа после проставленных чисел 25, 26 и 28 месяц не упомянут.

²⁷⁵ *Немиров ГЛ.* Троицкий собор, что на Петербургской стороне, в 1703-1903 гг. Историческая справка. С. 34, 55.

²⁷⁶ *Шарышов А.М.* 1703 год//*Шарышов А.М.* Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год. Книга исследований. С. 426-427.

²⁷⁷ *Немиров ГЛ.* Троицкий собор, что на Петербургской стороне, в 1703-1903 гг. Историческая справка. С. 67.

^м *Шарышов А.М.* 1703 год/*Шарышов А.М.* Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год. Книга исследований. С. 644-645,651-652,667, 673-674, 686.

²⁷³ *Немиров ГЛ.* Троицкий собор, что на Петербургской стороне, в 1703-1903 гг. Историческая справка. С. 63.

^м РГАВМФ. Ф. 177. Он. 1. Д. 34. Л. 223⁶. - Записная тетрадь «В прошлом 703-м году на Олонецком верфу построены суды и отпущены».

Приложение

О ЗАЧАТИИ И ЗДАНИИ
ЦАРСТВУ ЮЩАГО ГРАДА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

**О зачатии и здании царствующаго
града Санкт-Петербурга**
В лето
от перваго дни Адама 7211.
По Рождестве Иисус Христове 1703.

Май¹

// л. 3 14. Царское Величество изволил осматривать на взморье устьев Невы-реки и островов и усмотрел удобной остров² к строению города^{(4>}. Когда сшел на средину того острова³, почувствовал шум в воздухе⁴, усмотрел орла парящаго, и шум от парения крыл его был слышан⁵; взяв у салдата багинет и вырезав два дерна, положил дерн на дерн крестообразно и, зделав крест из дерева⁶ и водружая в реченные дерны⁷, изволил говорить: «Во имя //л. 3 об. Иисус Христово⁸ на сем месте будет церков во имя верховных апостолов Петра и Павла»¹⁰. По доволном осмотрении онаго острова изволил переить по плотам, стоящим в протоке, которой ныне⁹ меж

¹ На л, 3 об.-9 имеется колонтитул: «Май».

² Далее вписано бурыми чернилами: «к». Основной текст рукописи написан чёрными чернилами.

^{(4>} Омой остров тогда был пуст и обросши был лесом, а именовался Люиспранд, то есть Веселый остров. (Прим. док.). Такой знак примечания употреблен в ркп.

³ Запятая поставлена бурыми чернилами.

⁴ В ркп. стоит точка с запятой, написанная бурыми чернилами.

⁵ Точка с запятой поставлена бурыми чернилами.

⁶ Далее поставлена бурыми чернилами запятая.

⁷ Запятая поставлена бурыми чернилами.

⁸ Далее поставлена бурыми чернилами запятая.

⁽¹⁰ Ныне па оном месте каменная соборная церков верховных апостолов Петра и Павла. {Прим док.}.

⁹ Приписано «ныне» на полях бурыми чернилами поверх «ныне», написанного простым карандашом.

городом и Кронверхом имеет течение^(2:2). По прешествии протока и шествии на остров^(3:3) изволил шествовать по берегу вверх Невы-реки, и, взяв топор, ссек куст ракитовой⁰⁴⁰, и, мало отшед, ссек второй куст^(x), и, сев в шлюбку, изволил шествовать вверх Невою-рекою х Канецкой крепости¹⁰.

15. Изволил послать неколико рот салдат", повелел берега онаго острова очистить и, леса вырубя, скласть в кучи¹². При оной высечке усмотрено гнездо орлово¹³ того острова на дереве.

16, то есть в день Пятидесятницы, // л. 4 по Божественной литургии с ликом святительским, и генералитетом, и статскими чины от Канец изволил шествовать на судах рекою Невою¹⁴ и по прибытии на остров Люиспранд, и по освящении воды, и по прочтении молитв на основание града, и по окроплении святою водою¹⁵, взяв заступ, первее¹⁶ начал копать ров¹⁷. Тогда орел с великим шумом парения крыл от высоты опустился и парил над оным островом.

Царское Величество¹⁸, отшед мало, вырезал три дерна и изволил принести ко означенному месту¹⁹. В то время зачатаго рва выкопано было земли около двух аршин глубины²⁰ и

<2> Во оном протоке стояли в плотях леса, заготовленные в отпуск в Стокгольм. {Прим. док.}.

(*) Которой ныне именуется Санкт-Петербуржской. {Прим. док.}.

<1> На оном месте ныне церков Живоначальныя Троицы. {Прим. док.}.

<5> Ныне на оном месте первой дворец. {Прим. док.}.

" Канецкая крепость, Канцы — русское название шведской крепости Нюенсканс (Ниеншанц) близ устья Невы.

" Запятая поставлена бурыми чернилами.

¹² Далее поставлено бурыми чернилами двоеточие.

" Далее поставлена бурыми чернилами запятая.

" Далее поставлена бурыми чернилами запятая.

¹⁵ Вычеркнуто простым карандашом: «и по окроплении святою водою»; между строк тоже карандашом рукою П. Н. Крёкшипа вписано: «изволил».

¹⁶ Далее зачёркнуто бурыми чернилами: «сам».

¹⁷ Далее поставлено бурыми чернилами двоеточие, поверх которого простым карандашом позднее написана квадратная скобка. Парная закрывающая квадратная скобка отсутствует.

¹⁸ «Царское Величество» взято в квадратные скобки, которые вписаны простым карандашом.

¹⁹ Далее стоит точка с запятой.

²⁰ Далее поставлена бурыми чернилами точка с запятой.

в нем был поставлен четверугольной ящик, высеченной из камня²¹, и по окроплении того ящика святою водою изволил поставить в тот ящик ковчег золотой²², в нем мощи святого апостола Андрея // л. 4 об. Первозванного²³, и покрыть каменною накрышкою, на которой вырезано было²⁴: «По воплощении Иисус Христове 1703 мая 16 основан царствующий град Санкт-Петербург великим государем царем и великим князем Петром Алексиевичем, самодержцем всероссийским», и изволил на накрышку онаго ящика полагать реченные три дерна, з глаголом: «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь» - основал²⁵ царствующий град Санкт-Петербург.

Тогда Его Царское Величество от лика святительскаго и генералитета, от всех ту²⁶ бывших поздравляем был царствующим градом Санкт-Петербургом²⁷; Царское Величество всех поздравляющих изволил благодарить²⁸. При том была многая пушечная пальба²⁹. Орел видим был над оным островом парящий³⁰. Царское Величество, отшед к протоку, которой течение имеет меж Санкт-Петербургом и Кронверхом, по³¹ отслужении литии // л. 5 и окроплении того места святою водою изволил обложить роскат. Тогда была вторишная пушечная пальба, и между теми двумя роскатами изволил размерить, где быть воротам³², велел пробить в землю две дыры³³

²¹ Запятая поставлена бурьми чернилами

²² Запятая поставлена бурьми чернилами.

²³ Запятая поставлена бурьми чернилами.

²⁴ Двоеточие поставлено бурьми чернилами.

²⁵ Вписано на полях бурьми чернилами: «основал»

²⁶ Так в ркп.

²⁷ Запятая переделана бурьми чернилами в точку с запятой.

²⁸ Далее бурьми чернилами поставлено двоеточие.

²⁹ Далее поверх поставленной бурьши чернилами точки с запятой простым карандашом вписана открывающая квадратная скобка.

³⁰ Далее простым карандашом поставлена закрывающая квадратная скобка.

³¹ Далее вычеркнуто простым карандашом: «отслужении»; поверх вычеркнутого простым же карандашом вписано ныне едва читающееся, почти стёршееся слово «служении».

³² В ркп.: «воротами».

³³ Простым карандашом наискось перечёркнуто и взято в квадратные скобки: «велел пробить в землю две дыры».

и, вырубив две березы, тонкие, но длинные³⁴, и вершины тех берез свертев³³, концы поставлял в пробитые дыры в землю наподобие ворот³⁶. Когда первую березу в землю утвердил, а другую поставлял, тогда орел, опустясь от высоты, сел на оных воротах³⁷; ефрейтором Одинцовым оной орел с ворот снят³⁸. Царское Величество о сем добром предзнаменовании всема был обрадован³⁹; у орла перевязав ноги платком и надев на руку перчатку, изволил посадить у себя на руку⁴⁰ и повелел петь литию; по литии и окроплении // л. 5 об. ворот святою водою была третичная ис пушек пальба⁴¹; и изволил выгнать во оные ворота, держа орла на руке⁴², и, сшед на яхту, шествовал в дом свой царской канецкой⁴³; лик святительской, и генералитет, и статские чины были пожалованы столом⁴⁴, веселие продолжалось до 2 часа пополуночи⁴⁵; при чем была многая пушечная пальба.

³¹ *Далее поставлена бурыми чернилами запятая, после которой «а» переправлено бурыми же чернилами на «и».*

³⁵ *Далее бурыми чернилами вычеркнуто «а»; над вычеркнутым над строкой вписано простым карандашом почти стёршееся, не читаемое ныне слово.*

³⁶ *Точка поставлена бурыми чернилами; простым карандашом вписана открывающая квадратная скобка, после которой бурыми чернилами зачёркнуто «и». Затем следует фрагмент, вычеркнутый сверху вниз простым карандашом: «Когда первую березу в землю утвердил, а другую поставлял, тогда орел, опустясь от высоты, сел на оных воротах; ефрейтором Одинцовым оной орел с ворот снят. Царское Величество о сем добром предзнаменовании всема был обрадован; у орла перевязав ноги платком и надев на руку перчатку, изволил посадить у себя на руку».*

³⁷ *Запятая (чёрные чернила) переделана в точку с запятой (точка бурыми чернилами).*

³⁸ *Простым карандашом поставлена квадратная скобка.*

³⁹ *Запятая (чёрные чернила) переделана в точку с запятой (точка бурыми чернилами).*

¹⁰ *Далее поверх запятой (чёрные чернила) простым карандашом поставлена закрывающая квадратная скобка.*

¹¹ *Точка с запятой поставлена бурыми чернилами.*

^a *В квадратные скобки, вписанные простым карандашом, заключено: «держ орла на руке».*

¹³ *Точка с запятой поставлена бурыми чернилами.*

⁴¹ *Запятая поставлена бурыми чернилами.*

⁴⁵ *Точка с запятой поставлена бурыми чернилами.*

Оной орел⁴⁶ был во дворце⁴⁷; по построении на Котлине-острову крепости⁴⁸ святого Александра⁴⁹ от Его Царскаго Величества во оной Александровой крепости отдан на гобвахту⁵⁰ с наречением орлу коменданскаго звания^{(:|:)51}.

Подобное древлеблагочестивому царю Константину в сонном видении явил Бог // л. 6 о построении в Востоке града. Великий и равноапостольный царь Константин разсматривал места к зданию града и во время шествия от Халкидона водою в⁵² Византии увидел орла, летящего и несущаго верф⁵³ и протчие орудия каменноделателей, которые орел положил у стены града Византии. Великий царь Константин на том месте построил град и наименовал во имя свое Константинград⁵⁴.

Оной Санкт-Петербургской крепости план и основание собственного труда Его Императорскаго Величества Петра Великаго.

¹⁶ *Далее поверх вычеркнутого «зимовал» дважды (простым карандашом и бурыми чернилами) рукою П.Н. Крёкшина вписано: «БЫЛ»; написано на полях простым карандашом также рукою П.Н. Крёкшина: «БЫЛ».*

¹⁷ *Точка с запятой поставлена бурыми чернилами.*

¹⁸ *Над строкой бурыми чернилами рукою П.Н. Крёкшина вписано: «крепости».*

¹⁹ *Далее зачеркнуто бурыми чернилами: «крепости оной орел».*

⁵⁰ *Над строкой бурыми чернилами вписано: «на гобвахту».*

^(:|:) Жители острова, которой ныне именуется Санкт-Петербургской, и близ онаго по островам жившие сказывали, будто оной орел был ручной, а житье ево было на острове, на котором ныне город Санкт-Петербург. Выгружались по берегам реки Невы маштовые и брусовые королевские леса, и караульными салдаты тех лесов оной орел приучен был к рукам. (Прим. док.). Настоящее примечание отмечено со стороны поля простым карандашом большой квадратной скобкой.

⁵¹ *Абзац заключён в квадратные скобки, написанные простым карандашом. Ниже заметны следы (три неполных строки) стёртого до про-света на бумаге карандашного текста.*

³² *На полях к «в» написано простым карандашом «к», рядом — также «к» бурыми чернилами; «в» осталось незачёркнутым.*

³³ *Далее вычеркнуто бурыми чернилами: «каменоделцов».*

⁵⁴ *Абзац был вычеркнут простым карандашом наискось сверху вниз, но потом эта черта была стёрта - осталось жирное, грифельное пятно и не стёртые вверху и внизу концы карандашной черты.*

24. На острове, которой ныне именуется Санкт-Петербургской, Царское Величество повелел рубить лес и изволил обложить дворец. Генерал светлейший князь⁵³ Меншиков предлагал Его Царскому // л. 6 об. Величеству: в канецких слободах от пожару многие дома в остатке, строены по архитектуре из лесу брусоваго - не соизволит ли перевесть дворец. Царское Величество изволил говорить: «Для того и велю на сем месте рубить лес и с того лесу строить дворец впред для знания, в какой пустоте оной остров был».

25. Около дворца по берегу реки Невы вверх и по Малой Невы вниз повелел лес вырубить и места разровнять и прежних служб бояром и прочим чинам поставить шатры и наметы, а Санкт-Петербургской крепости на обложенных первых двух роскатах поставить пушки. А светлейший князь Александр Данилович⁵⁶ Меншиков на всех назначенных местах⁵⁷ шести роскатов³⁸ пушки поставил³⁹ и в Шлютебург⁶⁰ послал указ, чтоб 28 числа 2⁶¹ шнявы и яхта⁶² в 3-м часу пополудни под флагами и вымпалами пришли и Санкт-Петербургскую крепость // л. 7 пушечного пальбою поздравляли^(1:1).

26-го. Дворца строение работою окончилось, и близ онаго дворца поставлены были два великие шатры персицкой ра-

³⁵ *Далее вычеркнуто бурными чернилами: «Александр Данилов сын». Над вычеркнутым следы стёртой надписи простым карандашом — жирное грифельное пятно.*

³⁶ *«Александр Данилович» вписано над строкой бурными чернилами поверх стёртой надписи простым карандашом.*

⁵⁷ *Над строкой бурными чернилами поверх стёртой надписи простым карандашом вписано: «назначенных местах».*

⁵⁸ *Окончание переправлено бурными чернилами поверх стёртой правки простым карандашом: «ах» на «ов».*

⁵⁹ *Далее бурными чернилами вписано: «и».*

⁶⁰ *То есть Шлиссельбург.*

⁶¹ *Далее на полях простым карандашом приписаны несколько букв - надпись почти стёрлась и не читается.*

⁶² *Вычеркнуто простым карандашом: «и яхта».*

^(1:1) *Оные шнявы и яхта шведские стояли при Шлютебургской крепости. Прорублены были шведами. Хотя починкою трудились, но к походу х Каннам не были исправлены. Остались при Шлютебурхе, но с великим трудом и старанием светлейшего князя Мен... {Прим. док.}. Нижний край листа с продолжением примечания отрезан при переплетении рукописи.*

боты из шелковых богатых материй. Полы усланы были коврами, и протчие шатры и наметы были поставлены.

28-го. Царское Величество с ликом святительским, и з генералитетом, и статскими знатными чинами на 63-х судах изволил шествовать рекою Невой к новопостроенному дворцу. По приближении к Санкт-Петербургской крепости со всех шести роскатов поздравляем был⁶³ пушенною пальбою. По вшествии на остров, на котором был построен дворец, изволил спрашивать светлейшаго князя Меншикова [оной князь Меншиков был при оном дворце]⁶⁴ о палбе с шести роскатов // л. 7 об. Санкт-Петербургской крепости. Светлейший князь⁶⁰ объявил, что прошедшей ночи на⁶⁶ назначенных⁶⁷ роскатах Санкт-Петербургской крепости пушки постановлены. За сие изволил благодарить. По вшествии во дворец и освящении воды и окропления дворца святою водою изволил наименовать остров^(1:1), дворец - Петергов^(2:2). От лика святителскаго в благословение новаго дому поднесен образ Живоначальная Троицы и хлеб и соль, и от реченнаго светлейшаго князя и прочих хлебы, посуда золотая и серебряная многая и дорогая вещи были приношены ж⁶⁸.

Царское Величество изволил всех благодарить. Тогда с Санкт-Петербургской крепости, и из стоящей при оном дворце артиллерии, и с шнявы ис пушек, и от гвардии, стоящей в параде, из ружья была троекратная пальба. Царское Величество в великом был // л. 8 обрадовании. Всех поздравляющих, благодарив, жаловал к руке и потом приказною воткою и изволил сесть кушать с ликом святителским в новом дворце.

⁶³ *Далее вычеркнуто бурыми чернилами: «Царское Величество».*

⁶⁴ *Квадратные скобки поставлены, как и основной текст, чёрными чернилами.*

⁶⁵ *«Светлейший князь» вписано рукой П.Н. Крёкшина над строкой бурыми чернилами поверх полустёршейся надписи простым карандашом.*

⁶⁶ *Вычеркнуто простым карандашом: «на».*

⁶⁷ *Над строкой рукой П.Н. Крёкшина бурыми чернилами поверх полустёршейся надписи простым карандашом «на назначенных» вписано: «на назначенных».*

^(1:1) Святаго Петра. (Прим. док.).

/, - • >:) Петров дом. (Прим. док.).

⁶⁸ *Вписано над строкой бурыми чернилами: «ж».*

Потом изволил вытти и кушать в шатре с генералитетом и статскими знатными чинами.

Пополудни в половине 3-го часа, еще обед не отшел, 2 шнавы и яхта шли рекою Невой к Санкт-Петербургу, украшенные⁶⁹ флагами и вымпалами, и, не дошед города, поздравляли⁷⁰ пушечного пальбою. Тогда светлейший князь Меншиков докладывал Царскому Величеству, что пришли от Шлютембурга 2 шнявы и яхта и поздравляют Его Царское Величество с царствующим градом Санкт-Петербургом и новым домом. // л. 8 об. Хотя Царскому Величеству и видимы были из шатра идущие 2 шнавы и яхта, но изволил вытти на берег реки Невы [и изволил говорить: «Генерал-губернатор Санкт-петербургской светлейший князь Александр Данилович, много доволен я вашею службою»] и, сев в шлюбку, изволил шествовать на пришедшие шнявы и яхту⁷² и з двумя⁷³ шнявами⁷⁴, которья⁷⁵ взяты⁷⁶ были⁷⁷ на взморье майя б⁷⁸; на оном флоте

⁶⁸ На конце слова приписано бурьми чернилами: «е»; рядом приписано «е» карандашом и позднее вычеркнуто бурьми чернилами.

⁶⁹ Поверх «поздравляли» имеются следы стёртой карандашной надписи (пятно от размазанного грифеля); над «поздравляли» частично читаются пять полустёртых букв, написанных бурьми чернилами: ч...? Далее над строкой вписано простым карандашом рукою П. Н. Крёкшина: «часто». Далее вычеркнуто бурьми чернилами и взято в квадратные скобки, написанные простым карандашом: «Санкт-Петербурскую крепость».

⁷¹ Квадратные скобки, как и основной текст, поставлены чёрными чернилами.

⁷² Далее вычеркнуто бурьми чернилами: «и с двумя». На полях же приписано бурьми чернилами и вновь зачёркнуто: «двумя».

⁷³ Приписано бурьми чернилами на полях: «и з двумя».

⁷⁴ В окончании слова «шняваю» бурьми чернилами вычеркнуто «ю» и приписано сверху «ми». Над зачёркнутым простым карандашом первоначальным словом «шняваю» простым же карандашом вписано: «фрегатами», над окончанием которого бурьми чернилами вписано «ми».

⁷⁵ Исправлено бурьми чернилами окончание «ая» на «ья».

⁷⁶ Исправлено бурьми чернилами окончание «а» на «ы».

⁷⁷ Исправлено бурьми чернилами окончание «а» на «и»; далее бурьми чернилами вычеркнуто: «при Канцах».

⁷⁸ Над вычеркнутым «при Канцах» бурьми чернилами вписано: «на взморье майя б». На полях сделана рукою П. Н. Крёкшина бурьми чернилами ещё одна подобная надпись: «на зьморье майя б», которая зачёркнута бурьми же чернилами. В ркп. далее стоит не точка с запятой, но запятая.

изволил шествовать мимо Санкт-Петербургской крепости, с которой поздравляем был мною пушечного пальбою. С шняв⁷⁹ и яхты благодарил пушечного ж пальбою и, поставя флот на якори, по вшествии на берег изволил войти в шатер⁸⁰. Светлейший князь со всем ту⁸¹ бывшими поздравлял Его Царское Величество с новым флотом. Оное торжество продолжалось до 3- часа пополуночи.

29⁸². Оная Санкт-Петербургская крепость с великим поспешением отправляема была⁸³ работою, и в 5 месяцев // л. 9 работою кончана⁸⁴ земляная Санкт-Петербургская крепость и в ней деревянная⁸⁵ церков во имя верховных апостолов Петра и Павла построена и освящена, которая при окончании каменной Петропавловской церкви перенесена и поставлена при Салдацких слободах и ныне церков во имя свягата апостола Матфея^{<1>}⁸⁶.

Октября 1, то [есть] в день Покрова [Бо]гаматере, Шар]-ское Величест[во] во оную Санкт-Петербургск[ую] крепость из[волил] иметь торжественный] вход и бы[ло] освящение гр[ада] Санкт-Пете[рбур]га и хождение [сЖи]вотворящи[м] крестом по стены гр[ада] и кропление свя[тою] водою, и той [же] день извол[ил] обложить и ц[ер]ков Живон[ачаль]ные

⁷⁹ Над «С шняв» простым карандашом вписано: «фрегатов».

⁸⁰ В ркп. стоит не точка, но запятая.

⁸¹ Так в ркп. По смыслу следует: «со всеми тут».

⁸² «29» зачёркнуто простым карандашом: число явно не требуется по смыслу дальнейшего текста.

⁸³ Вписано над строкой бурими чернилами рукою П.Н. Крёкшина: «была».

⁸⁴ Над строкой бурими чернилами поверх полустёршейся надписи простым карандашом после знака вставки в текст (четырёхконечный крест в круглых скобках), стоящего после слова «кончана», вписано: «земляная Санкт-Петербургская крепость». Полустёршаяся надпись простым карандашом сделана рукою П.Н. Крёкшина: «земляная Сан-Петербургская крепость».

⁸⁵ Далее над строкой простым карандашом вписано: «построена».

⁸⁶ После знака примечания «(1)» поставлен знак вставки в текст, затем чернилами, отличными от основного текста, сделана приписка почерком П.Н. Крёкшина: «Первая Сан-Петербургская крепость была земляная», которая вычёркнута потом одной чертой бурими чернилами и перенесена с небольшим изменением выше, где стоит такой же знак вставки в текст - четырёхконечный крест в круглых скобках.

Троицы. По вшествии [Его] Царскаго Вел[и]чества в Санк[т]-Петербурску[ю] крепость и п[о] освящении г[рада] была многая [пу]шечная пал[ьба], и изволил куша[ть] во оной крепост[и] в доме коммендан[та]. Веселие продолжалось до 1 часа попо[луно]чи, при чем была [мно]гая пушечная [паль]ба с крепости и ис [сто]ящих на Невы-ре[ке...?] ⁸⁷ фрегат, 5 шн[яв] и 8 яхт ⁸⁸.

Об оном же царствующем граде Санкт-Петербурге предвозвешение ⁸⁹. По вознесении Господнем на небеса апостол Христов святыи Андрей Первозванный на пустых киевских горах, где ныне град Киев, водрузил святыи крест и предвозвестил о здании града Киева и о благочестии, а по пришествии в Великий Славенск ⁽¹⁾ от Великаго Славенска святыи апостол, следуя к стране Санкт-Петербургской и отшед ⁹⁰ около 60 верст, благословив оно ⁹¹ место, водрузил жезл свой путешественной ⁹², // л. 9 об. прообразовал самодержавие в ⁹³ стране оной. Сие апостольское благословение и предвозвешение водружением жезла не месту оному ^{<:1>}, но его апостольское благословение и жезла водружение - предвозвешение сему

⁸⁷ Цифра (или цифры), обозначавшие число фрегатов, были утрачены при обрезании рукописи с полей в процессе её переплетения.

⁸⁸ Настоящий абзац приписан на полях бурыми чернилами. Взятые в квадратные скобки части слов были утрачены при обрезании рукописи с края в процессе её переплетения и восстановлены предположительно.

⁸⁹ Далее бурыми чернилами поставлена запятая. По смыслу требуется точка.

⁽¹⁾ Ныне той Новград Великий. {Прим. док.}. Знак примечания «(1)» приписан на полях бурыми чернилами над вычеркнутым знаком примечания «(2:)», написанным чёрными чернилами.

⁹⁰ Над строкой чёрными же чернилами, как и основной текст, вписано: «и отшед».

⁹¹ Приписано на полях бурными чернилами: «оное».

⁹² На полях чёрными чернилами почерком П.Н. Крёкшина приписано: «путешественной» В публикациях Г.В. Есипова, Ю.Н. Беспятовых и в книге А.М. Шарымова эта приписка опущена. Предложенное в конце XVIII в. переписчиком рукописи чтение «маршальской» (ОРРНБ. Ф. 683. № 12. Л. 9 об.) представляется неправильным.

⁹³ Над строкой бурыми чернилами вписано: «в».

^{<:1>} Оное место по водружении жезла апостольскаго и поныне именуется Друзино. В лето благочестия на этом месте построена каменная церковь во имя святого апостола Андрея Первозванного. {Прим. док.}.

царствующему граду Санкт-Петербургу, и месту сему, яко Киеву и Великому Славенску, жезла не даровал, но, отшед от Славенска, донележе видимо народу, водрузил жезл, яко далее во оную страну на местах Санкт-Петербурга⁹⁴ водрузить жезла и место благословить народов во свидетельство не было. От Друзина святыи апостол Христов Андрей Первозванный имел шествие рекою Волховом, и озером Невом, и рекою Невою сквозь места царствующаго града Санкт-Петербурга в Варяжское море, и в шествие оные места, где царствующий град Санкт-Петербурх, не без благословения его апостольскаго были, ибо по создании сего царствующаго града Санкт-Петербурга⁹⁵ предки их⁹⁶, жившии⁹⁷ близ сих мест⁹⁸, им⁹⁹ // л. 10 сказывали, яко¹⁰⁰ издревле на оных местах многажды видимо было света сияние и в году начатия войны со Швецией видим же был свет велик. Мнили жители, яко горят леса королевские, выкатанные по берегам Невы-реки, которые приуготовлены в отпуск в Стекголт. По шествии, виде свет, удивлялись.

В 1701-м году в ночь Рождества Христова видим же¹⁰¹ был им¹⁰² свет¹⁰³ и¹⁰⁴ мнили быть пожару. По шествии видли¹⁰⁵:

⁹⁴ *Над строкой бурыми чернилами вписано: «на местах Санкт-Петербурга».*

⁹⁵ *Далее вычеркнуто сначала простым карандашом, потом бурыми чернилами: «жители».*

⁹⁶ *Над строкой сначала простым карандашом, потом бурыми чернилами поверх вычеркнутого в строке слова «жители» вписано: «предки их».*

⁹⁷ *На полях чернилами рукою П.Н. Крёкшина приписано: «жившии».*

⁹⁸ *Вркл. порядок слое иной: «мест сих». Слова переставлены согласно поставленным над ними бурыми чернилами номерам.*

⁹⁹ *«Над строкой поверх вычеркнутого сначала простым карандашом, потом бурыми чернилами «объявляли» вписано: «им». Далее вычеркнуто сначала простым карандашом, потом бурыми чернилами: «яко предки их им».*

¹⁰⁰ *На полях бурыми чернилами приписано: «яко».*

¹⁰¹ *Над строкой бурыми чернилами вписано: «же».*

¹⁰² *Над строкой бурыми чернилами вписано: «им»; потом жирно вымарано простым карандашом.*

¹⁰³ *Далее вычеркнуто простым карандашом, потом бурыми чернилами: «окольным жителям мест оных и тии».*

¹⁰⁴ *Вписано бурыми чернилами: «и».*

¹⁰⁵ *Так вркл.*

у сосны все сучье наполнено было воцаных свеч горящих. Удивлялись и, сняв с топорщица топор, насадя на жерть и взяв несколько человек, у сосны сук з горящими свечами рубили в намерении или сук со свечами отрубить, или рублением сука свечи отпадут, и, как сука вырубил глублиною перста на два, свет угас. Вырубка на суку видима была. Сук был высотой от земли около дву сажен.

//л. 10 об. В 1720-м году от великой морской погоды была великая вода, которая все места жила Санкт-Петербурха глублиною около аршина покрыла. Чухна разглашали, будто бывает вода по сук з зарубкою. В народе великое было сомнение, и Царское Величество при присудствии своем повелел оную сосну срубить, и та сосна срублена гвардии Преображенскаго полку салдатами. Оная сосна стояла на Санкт-Петербурском острове близ церкви Образа Казанские Богоматери, которой сосны пень и доныне видим.

Того ж году по срубке оной сосны явились чухна, которые [оной сосны]¹⁰⁶ сук з горящими свечами рубили, и тем оное сомнение уничтожилось.

В 1721-м году октября в II¹⁰⁷ день по упрощению всенародному Царское Величество изволил принять титул императорской и в церкви Живоначальной Троицы¹⁰⁸ //л. 11 от лика святительскаго, и генералитета, и всех чинов поздравлен великим императором¹⁰⁹, Отцом Отечества и от всех коронованных государей чрез послов и грамоты императором поздравлен и Его Императорским Величеством. Начало восприяла четвертая монархия - Северная, то есть Российская империя.

¹⁰⁶ Квадратные скобки поставлены позднее бурьми чернилами. После, скобок вычеркнуто простым карандашом и бурьми чернилами: «оной».

¹⁰⁷ В ркп. ошибка, следует: 22.

¹⁰⁸ «Троицы», повторенное дважды, вычеркнуто простым карандашом. Над вычеркнутым простым же карандашом сделана почти стёршаяся ныне надпись из нескольких букв: «принял»?

¹⁰⁹ Простым карандашом и бурьми чернилами подчеркнута: «императором»; рядом на полях в четыре строки сделана простым карандашом почти стёршаяся ныне приписка, перечёркнутая наискось одной чертой бурьми чернилами: «...и многию пушечного палбю»?

В 1714 году о сей Северной монархии предложил князь Димитрий¹¹⁰ Кантемир за 7 лет прежде наименования России империею, или монархией, и прежде наименования¹¹¹ Царского Величества императором, которое предложение напечатано¹¹² повелением Его Императорского Величества.

В предложении аравлене и равины сказывают, еже Север¹¹³ всем вселенная частем преодолеть имеет. Паче же аравляния, яко испытатели //л. 11 об. физических вещей, паче прочих за несомненное содержат монархии: восточную, полуденную, западную и северную. Первую глаголют Восточную, вторую - Греческую, третью - Римскую, четвертую - Северную, в которой всегда разные и великие процветали владычества.

Сию монархию насадит Бог единым от князей всеми добродетельми и науками обогащенным, и большая дела ясно покажутся, неже в тех¹¹⁴ трех прешедших монархиях.

Сию Северную монархию¹¹⁵ в последнем Кола, в пункте полуношном, верее¹¹⁶ быти утверждают полярную и привлекающую монархию нарицают^{0,117}.

Иоанн Латоциний, славный физик и математик, в 1595 году //л. 12 в книге о временах государств-империев, за 126 лет до принятия императорского титула Петром Великим и на-

¹¹⁰ «Дмитрей» переправлено на «Димитрий»: после «Д» бурными чернилами вписано «и»; предпоследняя буква «е» исправлена бурными же чернилами на «и».

¹¹¹ Над словом «наименования» вписано с выходом на поля бурными чернилами рукою П.Н. Крёкшина и потом вычеркнуто бурными же чернилами: «принятия».

¹¹² Далее дописано бурными чернилами (после чёрных): «повелением Его Императорского Величества. В предложении».

¹¹³ Окончание слова («а») переправлено бурными чернилами на «ъ».

¹¹⁴ Одной чертой простым карандашом вычеркнуто: «в тех».

¹¹⁵ Над строкой бурными чернилами вписано: «монархию».

¹¹⁶ Так вркп. По-видимому, подразумевается, что Кола - последний город в северном («полуношном») направлении (вере, versus по-латыши - направление).

¹¹⁷ На полях с повторением знака примечания «(1)» другим почерком - почерком П.Н. Крёкшина - приписано: «⁽¹⁾ Под Север никаких государств и народов, кроме державы Российския, не обретается». Эта приписка перечёркнута наискось бурными чернилами. Ниже бурными же чернилами текст этого примечания повторен без разночтений.

именования царства Российского империею, написал: «Известно есть, что zelo храбрый принц придет от Норда во Европе, и в 1700 году начнет воину, и по воле Божией глубоким своим умом, и поспешностию, и ведением получит места, лежащий на зюйд и вест, под власть свою, и напоследок наречется император».

В «Истории о белом клобуке», которая несколько сот лет обретается в России¹¹⁸, в явлении святого и равноапостольного царя Константина и святого папы¹¹⁹ Силверста Царяграда патриарху Филофею¹²⁰: // л. 12 об. «Веси, Филофею, яко вся святая предана будет от Бога велицей Рустей земли, и царя рускаго возвеличит Господь над многими языцы, и под властию их многие цари будут, и страна та наречется Светлая Россия, Богу тако изволившу прославить рускую землю и исполнить православие величеством, честнейшую сотво-

¹¹⁸ «В «Истории о белом клобуке», которая несколько сот лет обретается в России» помещено на полях напротив последующего текста как авторская ссылка на источник сведений.

¹¹⁹ Вписано над строкой чернилами: «папы». Далее вычеркнуто в строке чернилами же: «патриарха».

¹²⁰ Далее вычеркнуто одной чертой чернилами того же цвета, что и остальной текст: «[в лето 6828]». Затем сначала простым карандашом, потом бурыми чернилами вычеркнуто: «в явлении глагол святых царя Константина и папы Силверста».

¹²¹ Не полях напротив завершающей части абзаца сделана приписка другим почерком - почерком П.Н. Крёкшина: «[⁽¹⁾ Па]па Селивест[р] папство[вал] с 314. Умер в [33]6-м. Царь Констан[ти]н с 306 по [33]7». Взятые в квадратные скобки - текст, восстановленный предположительно: край листа обрезан при переплетении рукописи. Текст этой приписки на полях перечёркнут наискось бурыми чернилами, как видно, после того как приписка была перенесена в низ листа. Ниже есть две вычеркнутые бурыми чернилами приписки, к которым даны ссылки на библейские источники, сделанные на полях напротив, также перечёркнутые. Первая приписка: «От Севера царь царем, то есть император». Соответствующая ссылка на библейский источник сделана следующая: «Пророк Ездра. Гл. 26-я». Вторая приписка: «Сию четвертую монархию нарицают ноги железные, яко железо отончевает и умячает вся, тако и оная монархия отончит и умячит вся». Ссылка на источник: «Пророк Даниил во 2 главе в толковании сна Навходоносору, царю вавилонскому». В самом низу листа повторена с несущественными разночтениями вычеркнутая выше приписка П.Н. Крёкшина: «⁽¹⁾ Папа Силвестр папствовал с 314. Умер в 336-м. Царь Константин царствовал с 306 по 337 год».

речь, паче первых повелением Божиим приидохом к тебе поведати сию тайну Божию, яже збудется во времена своя»⁽¹⁾¹²¹.

// л. 13 И протчие многие о сем свидетельства, но не нашоу многим изъяснением труда читателям, а явлено в книге о рождении сего великаго императора¹²².

В 1725-м году марта в 10 день святопочившее тело великаго государя императора¹²³ Отца Отечества Петра Великаго в сем царствующем граде Санкт-Петербурге в соборной церкви верховных апостолов Петра и Павла, которой град и сию соборную церковь Его Царское Величество своими руками обложить изволил¹²⁴, со многим плачем и великою печальною церемониею погребено.

¹²² *Ниже имеетя полустёршаяся надпись (одно предложение?) простым карандашом, вычеркнутая одной чертой бурными чернилами.*

¹²³ *Вычеркнуто простым карандашом: «великаго государя императора».*

¹²⁴ *Заключено простым карандашом в квадратные скобки: «которой град и сию соборную церковь Его Царское Величество своими руками обложить изволил».*

Указатель имён*

- Агеева О.Г., историк 14, 107
Агранцев И., историк 13, 15
Адриан, патриарх 59
Алексей Михайлович, царь
Алексей 51, 64
Алпатов М.А., историк 59
Андреева Е.А., историк 96
Андрей Первозванный, апостол
58-62, 72, 75, 76, 80, 84, 94, 102,
103,111
Анисимов Е.В., историк 80, 95, 96
Анна Иоанновна, императрица 51
Апраксин Ф.М., генерал-адмирал
90
Аракчеев А.А., государственный
и военный деятель 58
Аргунов И. П., живописец 100
Ариосто Л., итальянский поэт
эпохи Позднего Возрождения 54
Аристов Н.Я., историк 64
- Базарова Т.А., историк 113
Белли, живописец 88
Беспярых Ю.Н., историк 12
Блок Г.П., историк литературы 66
Бобровский П.О., военный
историк 92, 93
Богданов А.И., историк 69-75,82,84
Богословский М.М., историк,
академик 65, 82
Браунштейн И.Ф., живописец 39
Брюс Я.В., генерал-майор,
впоследствии генерал-фельд-
маршал, учёный 112
Буало-Депрео Н., французский
писатель, теоретик классицизма
54
Бужинский Г.Ф., обер-иеромонах
флота 17,21,73
- Бычков А.Ф., историк и архео-
граф, академик 10, 88, 91
- Васильев Ф., художник 76
Вергилий (Публий Вергилий
Марон), древнеримский поэт-
эпик 54
Виниус А.А., думный дьяк 61
Вит Г. де, гравёр 85, 97
Вишняков И.Я., живописец 45
В.Н., историк 87
Волнина Т.Т., помещица 38
Вольтер (Мари Франсуа Аруз),
французский писатель и
философ 54
- Гессен-Гомбургский Людвиг, принц,
генерал-фельдцейхмейстер 47
Голиков И.И., историк 6, 35, 36,
41,44,52,63
Голицын М.М., полковник
Семёновского полка, впослед-
ствии генерал-фельдмаршал 40,
41, 112
Головин Ф.А., ближний боярин,
начальник Посольского, Нов-
городского и других приказов,
адмирал 99-101, НО, 111
Головкин Г.И., постельничий,
впоследствии канцлер 94, 111,
112
Голубинский Е.Е., историк
церкви 75
Гомер, древнегреческий поэт-
эпик 54
Гросс Х.Ф., профессор филосо-
фии 52
Гурьев И.Н., подконстапель
флота 37

* Составлен В.В. Кротовой

- Даниил, библейский пророк 32, 78
- Деденев А.М., полковник, внук П.Н. Крёкшина 34
- Делиль Ж.-Н., астроном 52
- Демерцов Ф.И., зодчий 58
- Дирин А., комиссар 42
- Евгений (Болховитинов Е.А.), митрополит 36
- Ездра, иудейский книжник-богослов 32
- Екатерина I, императрица 49, 110
- Екатерина II, императрица 34
- Елагин, служащий артиллерийского ведомства 31
- Елагин СИ., историк 63, 64
- Елизавета Петровна, императрица 31, 44-47, 49, 50, 53, 58, 64
- Есипов Г.В., историк 10, И, 92, 114
- Змаевич М.Х., контр-адмирал галерного флота 90
- Зубов А.Ф., гравёр 15, 47, 84, 116
- Иван Алексеевич, царь 35, 59, 83
- Иванов А.И., думный дяк 108
- Иисус Христос 32, 59, 60, 72, 84
- Камознс Л., португальский поэт эпохи Позднего Возрождения 54
- Карамзин Н.М., писатель, историк 11, 68
- Картмазов И., комиссар 42
- Кёниг, секретарь вице-канцлера П.П. Шафирова 77
- Кикин А.В., бомбардир-корабел 94
- Клепиков С.А., историк 17, 18
- Колосова Е.В., историк литературы 66
- Константин I Великий, император Римской империи 30, 33, 73, 74, 101, 102, 106
- Корнилий, Новгородский митрополит 59
- Кочет И.Д., бомбардир-корабел 94
- Красногородцев И.М., капитан Ренцелева полка 24
- Красоткии Т.А., историк литературы 66
- Крафт И.В., академик 44
- Крёкшин Г.Н., дед П.Н. Крёкшина 35
- Крёкшин П.Н., писатель и историк, комиссар капитанского ранга 17, 21, 26-57, 59-79, 81-83, 85, 98, 101-103, 106, 107, 109, 112-115, 118-124.
- Крунйорт А., шведский генерал 96
- Курбатов А.А., архангелогородский вице-губернатор 108
- Лейн Э., инженер 38
- Лэфкеи Т., монетный мастер 43
- Ломоносов М.В., учёный-естествоиспытатель, историк, поэт 54-65, 69, 75
- Луппов СП., историк 87
- Мавродин В.В., историк 93
- Макарий, игумен Деревяницкого монастыря 58
- Матвеев А.А., дипломат 64
- Магфей, апостол 71
- Мезин С.А., историк 66
- Меншиков А.Д., государственный и военный деятель 14-16, 23, 24, 42, 43, 50, 72, 80, 93, 95, 96, 110-112, 115, 118
- Михаил Фёдорович, царь 88
- Моисеева Г.Н., историк литературы 53, 67
- Миллер Г.Ф., историк, академик 56-62, 64, 65
- Муравьёв Е., новгородский дворянин 42
- Муסיкийский ЕС, живописец 7
- Мусин-Пушкин А.И., собиратель русских древностей 34, 40, 50
- Мюллер Ф.Г., медальер 123

- Навуходоносор, вавилонский царь 78
- Нартов А.К., придворный токарь Петра I, изобретатель 9, 44
- Наталья Кирилловна, царица, мать Петра Великого 64
- Неллер Г., живописец 88
- Немиров Г.А., историк 11, 12, 14, 22, 69, 86, 91, 99, 106, 107, 113-115, 118, 119, 121
- Никитин И.Н., живописец 111
- Николаева М.В., историк литературы 67
- Новиков Н.И., издатель и литературный деятель 35, 52
- Норов Г.В., полковник 90
- Одинцов, ефрейтор, персонаж сочинения П.Н. Крёкшина «О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга» 12, 22, 23, 25, 106
- Отто Х.Г., цейхмейстер 90
- Павел, апостол 71, 84, 112
- Павленко Н.И., историк 97
- Панченко А.М., историк литературы 76
- Пекарский П.П., историк, академик 62, 64, 78
- Пётр, апостол 68, 71, 84, 119
- Пётр I Великий, Пётр Алексеевич, Пётр Алексеев сын Михайлов, Пётр Михайлов, (Михаилов, Михаилоф), капитан Бомбардирской роты, Царское Величество, царь, император 6, 7, 10, 14-18, 21-24, 26-28, 31-33, 35, 36, 38-41, 44, 46-56, 59-65, 67, 69, 70, 72-74, 77, 78, 80-103, 106-115, 118-122, 158
- Петров П.Н., историк 87-93, 95, 97
- Пештич С.Л., историк 63, 69
- Пикарт П., гравёр 8
- Пирогов А., секретарь 42
- Платонов С.Ф., историк 91
- Половцов А.В., участник дискуссии об основании Санкт-Петербурга 91, 92
- Полоцкий Симеон (Симеон Емельянович Петровский-Ситнианович), богослов, проповедник, поэт, драматург 51, 64
- Предтеченский А.В., историк 14
- Разумовский А.Г., обер-егермейстер, впоследствии генерал-фельдмаршал 47
- Раушерт М.А., владелица бумажной мельницы 18
- Репнин А.И., генерал, впоследствии генерал-фельдмаршал 111, 112
- Романовы, царская династия 55, 89
- Роман Ростиславич Смоленский, древнерусский князь 55
- Ростовцев А.И., гравёр 37
- Рюрик, князь Новгорода 57
- Савельев Я.С., копиист Санкт-Петербургской Партикулярной верфи 38
- Салтыков Ф.С., кораблестроитель 94, 95
- Самарин М.М., стольник 40, 41
- Свиньин П.П., издатель 58, 59
- Семевские М.И. и А.И., собиратели рукописей 20, 21
- Сенявин И.А., боцман, впоследствии контр-адмирал 81, 82
- Сивере К.Е., владелица бумагоделательной мельницы 17, 18, 20
- Сильвестр, Римский папа 30
- Собакин М.Г., бомбардир-корабел 94
- Сопиков В.С., библиофил, издатель и переводчик 49
- Софья, царевна, сестра Петра Великого по отцу 64

- Степанов С.Д., историк 79
Стефан (Яворский), местоблю-
ститель патриаршего престола
107, 108
Столянский П.Н., историк-
петербурговед 80
Стрешнев Т.Н., боярин, началь-
ник Разрядного приказа 86, 93,
99, 108
Струве В.Я., астроном, академик 51
- Тассо Торквато, итальянский поэт
54
Татищев В.Н., историк 55, 56, 64-
66.
Толочко А.П., историк 55, 56
Турова И.П., помещица 37
- Устрялов Н.Г., историк, академик
63, 64, 66
- Фаминцын Е.И., обер-комендант
Санкт-Петербургской крепости 43
- Халецкий М., мозырский
староста, посол Великого
княжества Литовского 98
Хлебников Н.П., совладелец
бумажной мануфактуры 20
Хлебников П.К., владелец
бумажной мануфактуры, отец
Н.П. Хлебникова 20
- Чамберс И.И., генерал-майор 112
Чапуров Я.Ф., фискал Архангело-
городского полка 24
Чернышев Г.П., генерал-майор 90
- Шапиро А.Л., историк 66
Шарымов А.М., писатель,
историк 12, 14, 22, 23, 25-27, 30,
66, 69, 81, 85, 86, 93-95, 106, 118,
120, 121
Шенк П., гравёр 99
Шереметев Б.П., генерал-
фельдмаршал 94, 99-101, 111
Шлаттер И.А., судья Монетной
канцелярии 43
Шмурло Е.Ф., историк 48, 64, 82,
83
Штелин Я. фон, профессор
Санкт-Петербургской Академии
наук 77
- Щербатов М.М., князь, обще-
ственный и государственный
деятель, историк, публицист 96
- Эйлер Л., математик, академик 44
Энгельгардт Н.А., участник
дискуссии об основании Санкт-
Петербурга 10, 11, 90, 91
- Яковлев И.Я., комендант
Олонекского уезда 95

Список сокращений

Архив СПБНИИ РАН - Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института Российской Академии наук

ГРМ - Государственный Русский музей (Санкт-Петербург)

ГТГ - Государственная Третьяковская галерея (Москва)

ГЭ - Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург)

МИРФ - Материалы для истории русского флота

ОР РНБ - Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки (Санкт-Петербург)

ПБИПВ - Письма и бумаги императора Петра Великого

ПЖ - Походный журнал

ПСРЛ - Полное собрание русских летописей

РАН - Российская Академия наук

РГАВМФ - Российский государственный архив Военно-морского флота (Санкт-Петербург)

РГАДА - Российский государственный архив древних актов (Москва)

РГВИА - Российский государственный военно-исторический архив (Москва)

Содержание

Загадки старинной рукописи.....	6
Когда создан манускрипт?.....	14
Кто же автор сочинения?.....	22
Портрет автора на фоне эпохи.....	35
Автор манускрипта:	
мнения историков и историков литературы.....	53
Каковы источники рукописи?.....	68
Как был заложен Санкт-Петербург?.....	79
Созидание Санкт-Петербурга.	
Год 1703: реальность или вымысел?.....	113
Вместо заключения.....	122
«Несколько слов о принципах подготовки к публикации...».....	124
Приложение:	
<i>«О зачатии и здании царствующаго града Санкт-Петербурга».....</i>	139
Указатель имён.....	154
Список сокращений.....	158

Павел Александрович
Кротов
Основание Санкт-Петербурга:
Загадки старинной рукописи
Научное издание

Редактор В. Кротова
Корректор В. Кротова
Художник А. Спиридонов
Технический редактор А. Слободин

Главный редактор Н. Кирюшнко

Подписано в печать 20.01.2006. Формат 84 x 108 1/16
Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg. Печать офсетная
Объем 5 п. л. Тираж 1000 экз. Заказ № 1492

Издательство «Историческая иллюстрация».
190000, Санкт-Петербург, а/я 316
E-mail: ist-il@peterlink.ru
Тел./факс: 567 0737

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие
„Искусство России“».
198099, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, 38/2